

ISSN 0131-6117

Русская
С П Е Е С Н
Речью

МОСКВА, 2025

ЯНВАРЬ –
ФЕВРАЛЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Зав. редакцией: **М. А. Пузина**

Зав. отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколгией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала «Русская речь», 2025

ISSN 0131-6117

Russian
R U S S K A Y A
Speech
R E C H'

MOSCOW, 2025

**JANUARY-
FEBRUARY**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

---

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

---

Editorial board:

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Anna V. Zavadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

---

Managing editor:

Maria A. Puzina

Editorial staff:

Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина. *На Кубани добрѣ жыть: одын робѣ, сим лѣжыть* (носители кубанских говоров о лени и ленивом человеке)
- 21..... Е. В. Генералова. «*Денег нет, но вы держитесь*»: новые устойчивые сочетания, связанные с понятием «деньги», в русском языке конца XX — первой четверти XXI вв.
- 37..... Т. Л. Колосовская. О компонентах разговорной сравнительно-оценочной конструкции <куда X-у до Y-a>
- 52..... А. Э. Цумарев. О лакунах и неточностях в описании религиозной лексики (заметки лексикографа)

Из истории русского языка

- 65..... Ю. Ю. Макаров. Редукция: краткая история понятия (XVIII–XX вв.)

Язык художественной литературы

- 83..... Н. В. Патрочева. Синтаксис В. К. Тредиаковского в аспекте некоторых тенденций развития русского литературного языка и поэтического слога
- 98..... А. А. Стрельцов. Ломаная русская речь «восточных инородцев» — персонажей художественной литературы XX века
- 112..... Е. Г. Туманова. Анжамбеман как «оператор» иронии в поэзии И. А. Бродского

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Olga G. Borisova, Lyudmila Yu. Kostina. Na Kubani dobre zhyt': odyń robe, sim lezhyt'* (Speakers of Kuban Region Sub-Dialects on Laziness and Lazy People)
- 21..... *Elena V. Generalova. "Deneg net, no vy derzhites' (There's No Money, but Hang in There)": New Stable Combinations Associated with the Concept "Money, Finance" in the Russian of the Late 20th Century — the first Quarter of the 21st Century*
- 37..... *Tat'yana L. Kolosovskaya. On the Components of the Conversational Comparative Evaluative Construction <kuda X do Y>*
- 52..... *Alexei E. Tsumarev. On Gaps and Inaccuracies in the Description of Religious Vocabulary (Lexicographer's Notes)*

From the History of the Russian Language

- 65..... *Yury Makarov. Reduction: A Brief History of the Concept (18th–20th Centuries)*

The Language of Fiction

- 83..... *Natalia V. Patroeva. V. K. Trediakovsky's Syntax in the Aspect of Some Trends in the Development of Russian Literary Language and Poetic Language*
- 98..... *Aleksey A. Streltsov. Contaminated Russian Speech of Eastern Natives — 20th Century Fiction Characters*
- 112..... *Elena G. Tumanova. Enjambement as an "Operator" of Irony in the Poetry of I. A. Brodsky*

На Кубани добрэ жыть: одын робэ, сим лэжыть¹ (носители кубанских говоров о лени и ленивом человеке)

Ольга Геннадиевна Борисова¹, Людмила Юрьевна Костина²,
Кубанский государственный университет (Россия, Краснодар), ogborisova@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

DOI: 10.31857/S0131611725010017

аннотация: В статье рассматриваются языковые способы репрезентации представлений о лени в традиционной культуре кубанских казаков и не казачьего населения, проживающего на территории Краснодарского края. Объектом анализа являются единицы лексико-фразеологической системы кубанских говоров с южнорусской и украинской языковой основой. С опорой на фольклорную традицию констатируется двойственное отношение в казачьей среде к лени и категорически отрицательное — к ленивому человеку. Показывается сближение понятия «лень» в языковом сознании жителей Кубани как с понятиями «праздность», «пьянство», «бесхозяйственность», «пустословие», так и с понятием «богатство». Посредством анализа семантической структуры диалектных единиц и их внутренней формы, а также с опорой на высказывания носителей кубанских говоров реконструируется созданный ими словесный образ лентяя, отражающий стереотипные представления, единые для разных этносов. Показано, что этнокультурная специфика, раскрывающая особенности мироощущения кубанского

¹ Фрагмент частушки в названии статьи приведен в огласовке, характерной для носителей кубанских говоров с украинской языковой основой. Далее в статье иллюстративный материал подается в упрощенной орфографической записи с указанием места ударения, что позволяет отразить местные речевые особенности.

казачества, проявляется в создании локализмов (слов и фразеологизмов), своеобразии их внутренней формы, детализации процесса бездействия. На языковом материале говоров позднего образования подтверждается вывод о том, что положительный идеал — уважение к труду — воспитывается в традиционной казацкой культуре через неприятие и осмеяние лени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кубанские говоры, традиционная казацкая культура, диалектная лексико-фразеологическая система, семантика, словесный образ лентяя

для цитирования: Борисова О. Г., Костина Л. Ю. *На Кубани добрэ жыть: одын робэ, сим лэжыть* (носители кубанских говоров о лени и ленивом человеке) // Русская речь. 2025. № 1. С. 7–20. DOI: 10.31857/S0131611725010017.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-28-20008. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

Issues of Modern Russian Language

Na Kubani dobre zhyt': odyn robe, sim lezhyt' (Speakers of Kuban Region Sub-Dialects on Laziness and Lazy People)

Olga G. Borisova¹, Lyudmila Yu. Kostina², Kuban State University (Russia, Krasnodar),
ogborisova@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

ABSTRACT: The article examines linguistic means of representing laziness in traditional culture of the Kuban region Cossacks and non-Cossack population inhabiting territories of the Krasnodar region. The object for analysis are

units of the lexical-phraseological system of Kuban region sub-dialects with South Russian and Ukrainian language base. It establishes the ambivalent attitude towards laziness and point-blank negative attitude towards lazy people in the Cossack environment backed by folklore traditions and demonstrates similarities between the notion of “laziness” in linguistic consciousness of the Kuban region inhabitants as well as notions of “idleness”, “heavy drinking”, “diseconomy”, “meaningless blather”, and, interestingly, the notion of “wealth”. The paper reconstructs the established verbal image of a sluggard, which reflects stereotypical images common for various ethnicities, by means of analyzing the semantic structure of dialect units and their inner form, as well as relying on statements of the Kuban region sub-dialects speakers. The article demonstrates that the ethnocultural features, which reveal particular aspects of the Kuban region Cossacks’ worldview, manifest themselves in creation of localisms (words and phraseological units), in uniqueness of their inner form, in detailed elaboration of the idleness process. By means of language material from recently-formed sub-dialects, it proves the conclusion that the positive ideal, i. e. respect for labor, is cultivated within the traditional Cossack culture by way of rejection and mockery of laziness.

KEYWORDS: Kuban region sub-dialects, traditional Cossack culture, dialect lexical-phraseological system, semantics, verbal image of a sluggard

FOR CITATION: Borisova O. G., Kostina L. Yu. *Na Kubani dobre zhyt': odyn robe, sim lezhyt'* (Speakers of Kuban Region Sub-Dialects on Laziness and Lazy People). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 1. Pp. 7–20. DOI: 10.31857/S0131611725010017.

ACKNOWLEDGEMENT: The research was carried out with the financial support of the Kuban Scientific Foundation as part of the project No. 24-28-2008. The research was carried out using a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

Знакомство с диалектным языковым материалом предполагает наличие у читателя общего представления о языковой ситуации, сложившейся в регионе. В данной статье рассматриваются лексические единицы, функционирующие в кубанских говорах (далее — КГ). Поясним: в современном состоянии эти говоры представляют собой оригинальный идиом смешанного типа с русско-украинской языковой основой, имеющий

заметные различия на фонетическом и грамматическом уровнях и обладающий значительным единством лексико-фразеологического состава, что проявляется в наличии общекубанского лексико-фразеологического пласта — слов и фразеологизмов, функционирующих в КГ как с южнорусской, так и с украинской языковой основой. Объединение двух лексико-фразеологических систем в единую макросистему основывается на концепции Р. И. Аванесова, в которой диалектный язык определяется как сложная система диалектных микросистем, предполагающих варьирование общих и различительных признаков [Аванесов 1964: 11]. Такое понимание диалектного языка «позволяет говорить не об общности и различии лексико-фразеологических систем КГ с украинской языковой основой и КГ с южнорусской языковой основой, а о вариативности русского диалектного языка, составной частью которого они являются» [Борисова 2019: 269].

Обозначенный подход к типологической характеристике кубанского диалекта объясняет правомерность рассмотрения в данной статье лексики и фразеологии в рамках единой макросистемы. В названии статьи приводятся строчки широко известной в Краснодарском крае частушки, в которой со свойственной носителям КГ самоиронией выражается негативное отношение к нежеланию трудиться: *На Куба'ни до'брэ жить: оды'н ро'бэ, сим лэжы'ть. А як со'нцэ прыпыче', и послі'дний утиче'*. Отметим, что в речи местных жителей чаще употребляется только первое предложение, функционирующее как поговорка. С приведенной частушкой перекликается и другая: *На работу болят пятки, а с работы без оглядки*. Между тем в крае бытует и такая поговорка: *Мешай труд с бездельем — проживёшь свой век с весельем*, в которой лень воспринимается как необходимый человеку отдых от тяжелого сельского труда. В приведенных поговорках отражается неоднозначное отношение к лени, свойственное русской народной культуре в целом. Эта идея детально раскрывается в монографии М. А. Ереминой «Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции» [Еремина 2014]. Ср. *Лень-матушка и Лень — мать всех пороков*. У такой двойственности есть рациональное объяснение. Народному сознанию свойственна абсолютная функциональность. Именно с позиции функциональности лень, с одной стороны, воспринимается негативно, поскольку «входит в противоречие с принципами выживаемости, коллективности» [Вендина 2020: 188], с другой стороны, позитивно — как оберегающий защитный механизм, сохраняющий жизненную силу, способность к трудовой деятельности.

При этом оценка ленивого, бездельного человека, как демонстрирует анализ лексико-фразеологического состава КГ, однозначно отрицательная. Ироническое, презрительное, уничижительное отношение

к лентяям находит отражение в беседах с информантами, записанных во время диалектологических экспедиций. См., напр.: *Тако'й лутя'ка, што хлеп ис-пад но'су ни вазьмёт: ру'ку жаль тину'ть* (ст-ца Отважная). *А у колхо'зи так було': повыхо'дють у стэ'п — я куха'ркой була' — гляжу'²: как за'фтракать — бога'то ми'ру, а пото'м похова'ющя и спля'ть* (ст-ца Старомышастовская). *Вин ще тот лутаи'ще! Ёго ны нахы'лыш: вин ныко'лы нэ роботы'в и ны бу'дэ роботы'ть* (ст-ца Старотитаровская).

В лексико-фразеологической макросистеме КГ представлена яркая палитра языковых средств, репрезентирующих представления о лени и безделье в традиционной культуре кубанского казачества³. Наряду с общенародным *лень* в КГ зафиксировано слово *ленцо'* (ср. в литературном языке *ленца* 'разг. некоторая склонность к лени' [Евгеньева (ред.) 1986: 175]): *Ма'ма рабо'тала дэнь и ничь, а тётка, та с линцо'м была'* (пос. Парковий). Данный диалектизм в местных говорах функционирует, как правило, в составе фразеологизма-словоформы *с ленцо'м*. Обращает на себя внимание отнесенность диалектного слова к среднему роду, что, наряду с формой субъективной оценки, подчеркивает экспрессивно-сниженную окраску лексемы (ср. *лень* (ж. р.) — *ленцо'* (ср. р.) / *дрянь* (ж. р.) — *уничиж. дрянцо* (ср. р.) [Бархударов (ред.) 1954: 1141]).

Ироничную, презрительную эмоционально-оценочную характеристику имеют диалектные глаголы с интегральным семантическим компонентом 'бездельничать'. Глаголы с данной семантикой входят в ядро практически любого национального языка, в том числе его территориальных разновидностей, представляя собой в русских народных говорах объемное словарное объединение. Многочисленны и диалектные глагольные фразеологизмы с общим значением 'бездельничать'. При этом языковое сознание диалектоносителей стремится детализировать процесс бездействия, конкретизируя общее (интегральное) значение частными (дифференциальными) компонентами, что позволяет выделить в КГ десять групп лексических единиц (далее — ЛЕ), многие из которых образуют синонимические ряды различной протяженности:

1. ЛЕ со значением 'бездельничать, ничего не делать': *багла'йничать, байдакува'ть, байба'чить, леда'чить, лодырёва'ть, холодова'ть*⁴. К данной группе относятся два фразеологизма, равные по структуре двусоставному

² Для КГ характерно произношение фрикативного заднеязычного звонкого согласного, однако в статье этот звук передается буквой Г.

³ Анализируемые диалектные слова и фразеологизмы отбирались из «Опыта словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой [Борисова 2018].

⁴ Здесь и далее диалектные ЛЕ, отобранные из лексикографических изданий, подаются в их канонической (орфографической) форме, в которой они представлены в словарях.

предложению, — *багла'й у гу'зно зали'з и багла'и'⁵ напа'ли* 'лень нашла'. Словарь Б. Д. Гринченко, отражающий лексический состав украинского языка начала XX века, фиксирует существительное *багла'й* как моносемант (слово, имеющее одно значение) — 'лень' [Гринченко 1958а: 2]. В данном значении на Кубани слово употребляется исключительно в составе фразеологизмов, при этом ЛЕ *гу'зно* 'ягодница' функционирует в КГ и в свободном значении. Широкий ареал в КГ с украинской языковой основой имеет глагол *леда'чить*, вошедший в них из материнского языка (ср. *ледачить* [Білодід (ред.) 1973: 467]). Производящей базой собственно диалектного глагола *байба'чить* выступает существительное *байба'к* 'неповоротливый, ленивый и глуповатый человек' [Филин (ред.) 1966: 52]. В литературном языке лексема в этом значении квалифицируется как разговорная (помета *разг.* [Евгеньева (ред.) 1985: 55]). Переносное значение развилось на базе прямого ('1. Крупный степной грызун из рода сурков, осень и зиму проводящий в спячке' [Евгеньева (ред.) 1985: 55]) по продуктивной в русском языке метафорической модели *животное* → *человек*. К локализмам относится глагол *охмура'ться*. В СРНГ лексема снабжена географическими пометами, указывающими на его функционирование в Усть-Лабинском районе Краснодарского края [Сороколетов (ред.) 1990: 40]. Внутреннюю форму кубанского глагола можно связать с зафиксированными в южнорусских (орловских) говорах диалектными структурными вариантами *охму'р, охму'рь* 'столбняк [состояние неподвижности, оцепенения?]' [Сороколетов (ред.) 1990: 40–41]. Глагол *холодова'ть* (ср. с лит. *прохлаждаться*) означает также '1) испытывать холод; 2) отдыхать в холодке'. Значение 'бездельничать' — результат метафорического переноса на базе второго.

2. ЛЕ со значением 'бездельничать, занимаясь бесполезной, не приносящей ощутимых результатов деятельностью'. В основе фразеологизмов этой группы лежат либо реальные, либо нереальные дискурсивные ситуации. Так, прототипом таких устойчивых выражений, как *лягу'шек бить, глаза' лягу'шкам выковы'ривать / выши'ривать, соба'к дразни'ть / дратува'ть, горобця'м ду'ли круты'ть / дава'ть, гав ловы'(и')ть, мух ловы'(и')ть*, выступают правдоподобные действия человека (обычно — мальчишек). Алогичные действия отражаются в следующих фразеологизмах: *ба'йдыки / га'йдуки бы(и)ть, на соба'ках шерсть бы(и)ть, из говна' я'годки выбира'ть, на соба'к га'вкать, быка'м хвосты' круты'ть, вы'трешки ловы'(и')ть, зевака' ловы'(и')ть, соба'кам си'(е')но косы'(и')ть, шалапо'вку отбива'ть, переполачивать ве'тер, рядно' тяга'ть круго'м ха'ты, шука'ть вчѐра'шнего дня*. Повышенный эмоциональный тонус

⁵ Здесь и далее таким образом показано вариативное ударение в слове.

фразеологических сочетаний обусловлен отсутствием здравого смысла в действиях, выраженных глаголом. Компонентом отдельных фразеологизмов выступают диалектизмы, бытующие в КГ и в свободном значении (*горобец(ы)* 'воробей', *вы трешки* 'груб. глаза', *га'ва* 'ворона', *дратува'ть* 'дразнить', *переполачивать* 'разгребая, перевёртывать', *рядно* 'грубое полотно', *шука'ть* 'искать'). В качестве угрозы ленивому ученику используются выражения: *будешь ты свиней пасть*, *будешь ты быкам хвосты крути(ы)ть*, т. е. будешь выполнять грязную, непрестижную работу.

3. ЛЕ со значением 'бездельничать, бродить, слоняться, шататься без дела': *лы'ндать*, *матуси'ть*, *межедво'рить*, *огина'ться*, *сновыга'ть*, *тыня'ться*, *шала'ться*. Все лексемы пришли в КГ из материнских говоров. У диалектоносителей бесцельная ходьба устойчиво ассоциируется с бездельем. Таким образом, есть основание констатировать, что значение 'бездельничать' у локализмов *бард(т)ижа'ть* ('1) скитаться, подолгу отсутствовать'), *босячкова'ть* ('1) ходить босиком'; 2) бродяжничать'), *зы'каться* ('1) отбиваться от оводов (от *зык* 'овод'); 2) бегать') появилось в результате метафорического переосмысления. Стереотипизированная ситуация «хождение без дела» конкретизируется в таких устойчивых выражениях, как *горобци'в гоня'ть* 'болтаться без дела по улице', *хо'дить с кутка' в куток* 'слоняться без дела из угла в угол', *ла'зить по ха'ткам*, *счита'ть чужи'е дворы'* 'ходить по знакомым, забросив домашние дела'.

4. ЛЕ со значением 'бездельничать, принимая позу, в которой невозможно ничем заниматься': поза лежа — *лежебо'чить*, *но'ги в(у) потоло'к*; поза сидя — *ла'вочку полирава'ть*, *глаза' продава'ть* (о том, кто сидит на лавочке без дела), *сиде'ть сто'рожем*, *сы(и)д(и)е'ть як на по'кути* (*по'куть* 'передний угол в доме, место под иконами').

5. ЛЕ со значением 'бездельничать, вести праздный образ жизни': *гу'льки справля'ть*. В языковом сознании носителей КГ сближаются понятия «праздность», «пьянство» и «лень». У выражения *води'(ы)ть журавля'*, имеющего обрядовое значение 'ходить по станице (хутору) ряженым в последний день свадьбы, много шутить, петь песню «Таки'й, таки'й жураве'ль» и славить молодую после брачной ночи', развилось второе — 'пьянствовать, забросив все дела' [Чалов 1981: 172–173]. Развитие значения 'бездельничать' у фразеологизма *обраста'ть жи'ром / жирко'м* (первое 'богатеть') вызвано существующей в казачьей среде ассоциацией лени с богатством.

6. ЛЕ со значением 'бездельничать, пустословить, трата время на пустую болтовню': *справля'ть гы-гы / ля-ля*, *хло'пать языко'м* 'бездельничать' и др. Безделье часто сопровождается пустой болтовней, что отражается в пословицах и поговорках. См., напр.: *У бре[ы/э]хуна' и ди'ло стои'т(ы);*

Бре[ы/э]ха'ть не[ы/э] цэпо'м маха'ть. Очевидная пейоративность (неодобрительная, уничижительная оценочность) приведенных ЛЕ обусловлена тем, что сельские жители не одобряют пустые разговоры, отнимающие время у работы по хозяйству.

7. ЛЕ со значением 'бездельничать из-за отсутствия желания что-л. делать' немногочисленны. В их составе слово *рука* реализует символическое значение 'деятельность', обусловленное функцией этой части тела. Устойчивое выражение *ру'ки / ру'чки ве'ером* содержит дополнительный семантический компонент 'демонстративно'. Во фразеологизме *и за холо'дную во'ду не бра'ться* соматизм *рука* представлен имплицитно, его отсутствие обусловлено избыточностью семантики стержневого глагола.

8. ЛЕ со значением 'бездельничать, уваливать от работы, отлынивать': *манивца'мы ходы'ть* (ср. свободное словосочетание *манивца'мы ходы'ть 'ходить окольными путями'*).

9. ЛЕ со значением 'бездельничать, создавать видимость работы': *дым в глаза' пуска'ть*.

10. ЛЕ со значением 'бездельничать, скучать, томиться, изнывать от безделья': *нудьгова'ться* (ср. с *нудьгува'ти* 'тосковать, скучать, томиться' [Гринченко 1958б: 572]; в русском литературном языке функционирует глагольная лексема *ну'диться*, второе значение которой аналогично диалектному [Евгеньева (ред.) 1986: 514]).

Ленивого человека характеризуют и диалектные имена прилагательные: *ле[ы/э]да'чий, ле[ы/э]да'щий, лука'вый, ло'дырный, лодырю'чий, луткова'тый*. За счет суффиксов (-ЮЧ(ИЙ), -(К)ОВАТ(ЫЙ)) признак лени раскрывается как динамическое качество, проявление которого возможно в разной степени.

В активном словаре у носителей КГ с украинской языковой основой находится обладающее пейоративной окраской отглагольное прилагательное *невы'робленный* (ср. антоним *вы'робленный*). Зарегистрированные высказывания информантов позволяют выделить у него два значения. В первом ЛЕ номинирует полного сил человека, не занимающегося тяжелым физическим трудом: *У'парька* (прозвище О. Н. Упарь — заведующей местным музеем) *нывы'роблена: сыды'ть в музе'и, ныч'ёго ны ди'лае. Ото' вона' и така' красы'ва, шо нывы'роблена* (ст-ца Старотитаровская). В языковом сознании сельского человека, проживающего на Кубани, умственный труд не сравним с физическим по степени тяжести и интенсивности. Во втором значении слово характеризует того, кто вообще никогда не работал: *Ана'нывы'раблинная, сро'ду нигде' ни рабо'тала* (ст-ца Архангельская).

Широко бытуют в КГ существительные, называющие человека по его отношению к труду, среди которых значительно преобладают номинации лентяев. Так, в КГ зарегистрированы следующие ЛЕ со значением

‘ленивая женщина’: *лежебо‘чиха, ло‘ды(а)рька, лутя‘чка, ля‘гва, ля‘да, нераде‘лка*. Узколокальным (ст-ца Кубанская) является указанное значение у общенародного слова *балери‘на*. Аналогичная ироническая окраска и у фразеологизма *хозя‘йка на всю кро‘вать, аж до до‘лу*, записанного в ст-це Старотитаровской. В его основе лежит следующий визуальный образ: ленивая женщина постоянно лежит или спит, поэтому сетка кровати растянулась и касается пола (*до‘ла*). Выражение *и тка‘ла, и пря‘ла, и кру‘жева вяза‘ла* — *всё языко‘м* относится к женщине, которая много времени проводит за разговорами, забывая о насущных делах.

Разнообразны номинации ленивого мужчины: *багла‘й, лут, лута‘й, лутя‘га, лутя‘ка, лутаи‘ще, лыда‘ч, холодо‘вник, легкопа‘р* (ср. у В. И. Даля *легкопа‘шня* ‘ленивый пахарь’ [Филин (ред.) 1980: 313]), *нахле‘бник, наше‘йник*.

К локализмам относятся диалектные структурные варианты *лут, лута‘й, лутя‘га, лутя‘ка, лутаи‘ще*, демонстрирующие экспрессивно-смысловую градуальность за счет словообразовательного форманта. В СРНГ *лут* отмечен в двух значениях: ‘1. Лыко, кора липы. 2. Ободранная липа, палка без коры’ [Филин (ред.) 1981: 206]. В значении ‘лыко’ слово зарегистрировано и в украинском языке [Гринченко 1958а: 383]. На Кубани в Темрюкском районе функционирует ЛЕ *лыко/ысе‘ся* ‘неповоротливый, медлительный, ленивый человек’. П. Ткаченко приводит ее без указания географии со значением ‘неумелая, неряшливая женщина’ [Ткаченко 1998: 160]. Представляется, что ЛЕ *лут, лута‘й, лутя‘га, лутя‘ка, лутаи‘ще* и *лыко/ысе‘ся* могут иметь тождественную образную основу. Примеры перехода значения ‘дерево’ ~ ‘человек’ достаточно распространены, см. [Фасмер 1996а: 102]. В русских говорах функционируют лексемы *лы‘ка* ‘лыко’, *лы‘ка‘с* ‘лентяй’, *лы‘касить* ‘лентяйничать, лоботрясничать’ [Филин (ред.) 1981: 220]. Другую версию находим у В. И. Даля, фиксирующего ЛЕ *лыкасы* ‘бирюк, овчар, серый волк’ с пометой *от греч. lycos?*, а также глагол *лыкасить* ‘шататься, слоняться’. В. И. Даль связывает *лыкасить* с *лытать* ‘шататься’, от которого *лытасы* ‘шатун, лентяй, потаскун’ [Даль 1989: 276].

С единственной ареальной пометой *юго-вост. Кубани* в СРНГ приводится лексема *нахле‘бник* ‘лодырь, бездельник; дармоед’ [Филин (ред.) 1985: 260], которая в диссертационном исследовании М. Н. Шабалина квалифицируется как инновация советского периода с пометой *нов.* [Шабалин 1952].

Локализмом является слово *рассланде‘й* ‘1. Растяпа. 2. Лодырь’, которое снабжено в СРНГ географической пометой *юго-вост. Кубани* [Сороколетов (ред.) 2000: 212]. Можно предположить его двоякую мотивацию. Во-первых, у лексемы выделяется корень СЛАН-, ср. *слать, слань* ‘все, что

постлано, подстилка' [Даль 1991: 218]. При такой трактовке внутренняя форма слова связана с лежанием, которое, в свою очередь, ассоциируется с бездельем. Во-вторых, допустима связь диалектного существительного с глаголом *слоняться* 'ходить, бродить взад и вперед, обычно без цели, без дела' [Евгеньева (ред.) 1988: 143]. Приставка РАС- актуализирует значение большей интенсивности признака. Единственную географическую помету в СРНГ *Усть-Лабин., Краснодар* имеет сложное существительное *легкобы'тник* [Филин (ред.) 1980: 312], в значении которого, помимо семы 'бездельник', присутствует семантический компонент 'любитель легкой жизни', обусловленный словообразовательной структурой лексемы: *Адни' лихкабы'тники у пивно'й сидя'ть* (ст-ца Кирпильская).

Многослойной семантикой обладают локальные ЛЕ *долба'к, на'долбень* 'дурак, пустомеля, бездельник'. В ст-це Новолабинской, говор которой имеет южнорусскую языковую основу, в значении 'лентяй' записано существительное *тылага'й* (гласный звук [ы] во втором предупредном слоге — результат редукции). С аналогичным толкованием в донских говорах функционирует структурный вариант *талага'й* [Дегтярев, Кудряшова, Проценко, Сердюкова 2003: 523]. В словаре В. И. Даля у лексемы *талага'й* зафиксированы несколько значений: 'лентяй, шатун, тунеяд; большой болван, неуч, невежа; *Вор. бран.* однодворец; вообще сторонний, чужой мужик, отличаемый по одеже; *Смб.* мордовская женская верхняя рубаха' [Даль 1991: 388]. М. Фасмер, в отличие от В. И. Даля, приводит два омонима: *талага'й 1* 'мордовская женская верхняя рубашка' и *талага'й 2*, имеющий четыре значения, три из которых — прозвища: '1) прозвище воронежских старожилов у новоселов, 2) однодворцы в [бывшей] Воронежской губернии, 3) прозвище жителей Хворостани, [бывшей] Воронежской губернии'; четвертое — 'болван' [Фасмер 1996б: 14]. М. Фасмер высказывает предположение о происхождении второго омонима от названия одежды *талага'й 1* тюркского происхождения, то есть признает омонимы гомогенными и считает менее вероятным объяснение Д. К. Зеленина: *талага'й* — «неразборчиво говорящий» (от *талалакать*), см. [Фасмер 1996б: 14]. Между тем представляется, что точка зрения Д. К. Зеленина небезосновательна, поскольку в языковом сознании носителей диалекта лень обнаруживает связь с речевыми характеристиками, устойчиво ассоциируясь с пустословием, что приводит к сосуществованию в семантической структуре ЛЕ таких семантических компонентов, как 'ленивый' и 'болтливый'. См., напр., в КГ существительное *шабо'лда* 'болтун, врун, бездельник'.

Бездельника в КГ номинируют и существительные, относящиеся к категории общего рода: *бы'дло (бран.), ледацю'га, лентяю'га, лодарю'га, лодырю'ка, лодыря'ка, межедво'рка*. Значение 'белоручка, неженка' репре-

зентируют существительное *ца'ца* и локальный фразеологизм *па'н(ь)ского ро'ду*, в котором актуализируется социальный стереотип: в сознании носителей КГ богатые люди (*паны*) вели праздный образ жизни за счет наемных работников. Разнообразны фразеологические единицы, номинирующие медлительного, ленивого, нерасторопного человека: *хоть под за'д кипятку' лей, ны живы'й ны ме'ртвый, коплы'вый як черепа'ха, трём сви'ням йи'сты не разди'лэ*. В значении 'быть нерасторопным, ленивым мужчиной' зафиксирован фразеологизм *ходы'ть и на мотню' наступа'ть*. Вялую работу характеризуют устойчивые сравнения *как / як мо'крое гори'т(ь), как / як мёртвый ды'шит(ь)*.

В народном сознании подростки, не помогающие родителям по хозяйству, — антинорма. В ст-це Бородинской записан локализм *лоба'нь* 'крепкий, здоровый, но ленивый подросток', мотивированный существительным *лоб* в просторечном значении '2. *пренебр.* О подростках, ставших большими, взрослыми детях' [Евгеньева (ред.) 1986: 261].

Образ лентяя у диалектоносителей вызывает устойчивые ассоциации с бесхозяйственностью. В активном словаре станичников находится прилагательное *нехозя'йливый*, представляющее собой словообразовательный вариант общенародного прилагательного *бесхозяйственный*. Значение 'не держать хозяйство: огород и домашних животных' актуализирует образованный на базе свободного словосочетания фразеологизм *жить городско'й жи'зню: Шас мэ'нэ сын огороди'л от всэ'го. Я гороцко'й жы'зню живу'.* У мэ'нэ да'жэ ни ки'шки, ни соба'ки нема' (ст-ца Старомышастовская).

Двор без огорода, сада, домашних животных, требующих каждодневного ухода, приложения сил, называют на Кубани *пустой двор*. Образная основа фразеологизма подчеркивает обесценивание жизни сельского человека без домашнего хозяйства, наличие которого определяет его социальный статус, является залогом обеспеченности и достатка. В большинстве своем современные жители Кубани имеют подсобные хозяйства. Однако следует признать, что зачастую современная сельская молодежь *не де'ржится за зе'млю* (ср. *держа'ться за зе'млю* 'крестьянствовать, жить, трудиться в сельской местности' [Чалов 1981: 142]), многие уезжают в город и, даже если остаются в станице, не желают заниматься сельским трудом. Все это приводит к неизбежному размыванию традиционного уклада старшего поколения, жизнь которого неразрывно связана с постоянной работой на земле. Приведем показательные высказывания информантов: *Пусты'е агаро'ды стая'т. Да казу' привижи', и хай пасэ'ца. И сваё малако' будит, скати'нка ва дваре'. Эта ш фсё каза'чье. Быт каза'чий како'й? Шоп скаты'ны не' была ва дваре'?! А шас пти'цу и то ни фсе де'ржат* (пос. Ахтырский). *А шас, поды'вышя: молодёш робы'ть нэ*

хо́че, вси ти́ко би́зьнисом бы занима́лыся (хут. Братковский). *Гаро́ды щас набраса́тыи, а ра́ньше гаро́т бро́сиш — здо́хнеш* (ст-ца Засовская). *Тут одни́ шкорбо́вки живу́ть — пинсионе́ры. Молодѣш уся́ в го́роди, а до нас никако́го внима́ния* (ст-ца Отрадная Тихорецкого района).

Представленный языковой материал свидетельствует о разнообразии языковых способов репрезентации представлений о лени в КГ. Пейоративная окраска ЛЕ демонстрирует характерное для традиционной культуры утверждение положительного идеала — уважения к труду и человеку труда — посредством осуждения безделья и насмешки над ним. Созданный носителями КГ словесный образ лентяя, за которым закрепляются дополнительные ярлыки пьяницы, болтуна, дурака, гуляки, белоручки и др., отражает стереотипные представления, единые для разных этносов. Этнокультурная специфика, раскрывающая особенности мироощущения кубанского казачества, проявляется в создании локализмов (слов и фразеологизмов), своеобразии их внутренней формы, детализации процесса бездействия. Носители КГ, воспринимая ленивого человека как антинорму, демонстрируют доминирование нормативного мышления, что находит воплощение в сформулированной народом нравственно-этической аксиоме *лу́чше рабо́тать, чем ле[ы/э]да́чить*.

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1989. 779 с.; Т. 4. М.: Русский язык, 1991. 683 с.

Литература

- Аванесов Р. И.* Введение // Русская диалектология. М.: Наука, 1964. С. 7–28.
- Бархударов С. Г.* (ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 3. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 700 с.
- Білодід І. К.* (ред.). Словник української мови: в 11 т. Т. 4. Київ: Наукова думка, 1973. 840 с.
- Борисова О. Г.* Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и ее реализация: дис. ... д-ра филол. наук / Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2019. 633 с.
- Борисова О. Г.* Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
- Вендина Т. И.* Антропология диалектного слова. М.–СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.
- Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка: в 4 т. Т. 1. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958а. 494 с.; Т. 2. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958б. 573 с.

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина. *На Кубани добре жыть: одын робэ, сим лэжыть* (носители кубанских говоров о лени...)
O. G. Borisova, L. Yu. Kostina. *Na Kubani dobre zhyt': odyn robe, sim lezhyt'* (Speakers of Kuban Region Sub-Dialects...)

- Дегтярев В. И., Кудряшова Р. И., Проценко Б. Н., Сердюкова О. К. Большой толковый словарь донского казачества. М.: ООО «Русские словари», ООО «Астрель», ООО «АСТ», 2003. 608 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 696 с.; Т. 2. М.: Русский язык, 1986. 736 с.; Т. 4. М.: Русский язык, 1988. 800 с.
- Еремина М. А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 204 с.
- Сороколетов Ф. П. (ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 25. Л.: Наука, 1990. 353 с.; Вып. 34. СПб.: Наука, 2000. 369 с.
- Ткаченко П. И. Кубанский говор. Опыт авторского словаря. Краснодар: Традиция, 2008. 288 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. СПб.: Азбука; М.: Изд. центр «Терра», 1996а. 576 с.; Т. 4. СПб.: Азбука; М.: Изд. центр «Терра», 1996б. 864 с.
- Филин Ф. П. (ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.–Л.: Наука, 1966. 317 с.; Вып. 16. Л.: Наука, 1980. 376 с.; Вып. 17. Л.: Наука, 1981. 384 с.; Вып. 20. Л.: Наука, 1985. 376 с.
- Чалов В. П. Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дис. ... канд. филол. наук / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1981. 292 с.
- Шабалин М. Н. Русские говоры на юго-востоке Кубани (к вопросу о взаимодействии близкородственных языков): дис. ... канд. филол. наук / АН СССР Ин-т языкознания. М., 1952. 474 с.

References

- Avanesov R. I. [Introduction]. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 7–28. (In Russ.)
- Barkhudarov S. G. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. In 17 vols. Vol. 3. Moscow–Leningrad, Academy of Sciences of USSR Publ., 1954. 700 p.
- Bilodid I. K. (ed.). *Slovník ukraíns'koj movi* [Dictionary of Ukrainian]. In 11 vols. Vol. 4. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1973. 840 p.
- Borisova O. G. *Leksika i frazeologija kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiya*. Diss. dokt. filol. nauk [Vocabulary and phraseology of Kuban dialects as a macro-system: a model and its implementation. Dr. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2019. 633 p.
- Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskikh govorov* [Experience of the dictionary of the Kuban dialects]. Krasnodar, Kuban St. Univ. Publ., 2018. 485 p.
- Chalov V. P. *Istoriko-lingvisticheskie ocherki frazeologii kubanskogo kazachestva, otrazhajuyushchii ego istoriyu, voennyi byt i dukhovnyy kul'turu*. Diss. kand. filol. nauk [Historical and

- linguistic essay on the phraseology of the Kuban Cossacks, reflecting its history, military life and spiritual culture. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1981. 292 p.
- Evgtyarev V. I., Kudryashova R. I., Protsenko B. N., Serdyukova O. K. *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, OOO "Russkie slovari", OOO "Astrel", OOO "AST" Publ., 2003. 608 p.
- Eremina M. A. *Len' i trudolyubie v zerkale russkoi yazykovoi tradicii* [Laziness and diligence in the mirror of the Russian language tradition]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk St. Univ. Publ., 2014. 204 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 696 p.; Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986. 736 p.; Vol. 4. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988. 800 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian]. In 4 vols. Vol. 1. St. Petersburg, Azbuka Publ.; Moscow, Publ. Center "Terra", 1996a. 576 p.; Vol. 4. St. Petersburg, Azbuka Publ.; Moscow, Publ. Center "Terra", 1996b. 864 p.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Iss. 2. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1966. 317 p.; Iss. 16. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1980. 376 p.; Iss. 17. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1981. 384 p.; Iss. 20. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1985. 376 p.
- Grinchenko B. D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of the Ukrainian language]. In 4 vols. Vol. 1. Kyiv, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1958a. 494 p.; Vol. 2. Kyiv, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1958b. 573 p.
- Shabalin M. N. *Russkie govory na yugo-vostoke Kubani (k voprosu o vzaimodeistvii blizkorodstvennykh yazykov)*. Diss. kand. filol. nauk [Russian dialects in the south-east of Kuban (on the issue of the interaction of closely related languages). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1952. 474 p.
- Sorokoletov F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Iss. 25. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 353 p.; Iss. 34. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2000. 369 p.
- Tkachenko P. I. *Kubanskii govor. Opyt avtorskogo slovaryia* [The Kuban dialect. The experience of the author's dictionary]. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2008. 288 p.
- Vendina T. I. *Antropologiya dialektного slova* [The Anthropology of the dialect word]. Moscow–St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020. 684 p.

«Денег нет, но вы держитесь»: новые устойчивые сочетания, связанные с понятием «деньги», в русском языке конца XX — первой четверти XXI вв.

Елена Владимировна Генералова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), elena-generalova@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611725010028

аннотация: Статья посвящена фразеологическим неологизмам русского языка, репрезентирующим понятие «деньги». В рамках «широкого» понимания объекта фразеологии исследуются устойчивые словесные комплексы, обнаруживающие формально-семантическое единство в русском языке конца XX — первой четверти XXI вв. Базой сбора материала послужили словари неологизмов, современной разговорной речи, фразеологических неологизмов, интернет-источники. Собранный материал был организован как идеографическая рубрика с тематическими блоками внутри нее. В этой группе вычленяются традиционные рубрики, пополняющиеся новыми единицами (блоки «зарабатывать деньги», «причинять денежный ущерб», «сложное экономическое положение»), и новые тематические объединения, отражающие меняющуюся реальность (блоки «легальность получения денежных средств», «инфляция», «распределение (государственных) средств», «финансовые мошенничества»). Идеографическую группу «деньги» пополняет идиоматика (*денег не печатаю(-ет)*), фразеологические сочетания (*бегство капитала*), составные наименования (*детские деньги*), перифразы (*бакинские рубли*), фразеологические

выражения (*Денег нет, но вы держитесь*). Фиксируются исконно русские единицы, заимствования-кальки и условно авторские выражения. С точки зрения структуры возникают единицы, соответствующие словосочетаниям, предложениям, предложно-падежным сочетаниям. Выделяется большое количество разговорных и профессионально-терминологических оборотов. Устойчивые сочетания, репрезентирующие понятие «деньги» в современном русском языке, обнаруживают низкую степень устойчивости и сложность выведения начальной формы. Представляется, что эта структурная неустойчивость объяснима не только неологическим статусом единиц, но и такой особенностью современной фразеологии, как большая значимость образа по сравнению с компонентным составом фразеологизма. В статье на примере сочетаний, возникающих в русском языке на основе образа печатания денег, и некоторых других демонстрируется, что внутренний образ фразеологизма выступает объединяющим для целого ряда оборотов и оказывается более значимым, чем структура фразеологической единицы. В целом фразеосемантическое поле «деньги» в современном русском языке претерпевает и количественные, и качественные изменения, но неизменно остается продуктивным и национально специфичным.

ключевые слова: устойчивое сочетание, образ фразеологизма, неология, идеография, концепт «деньги», современный русский язык

для цитирования: Генералова Е. В. *«Денег нет, но вы держитесь»*: новые устойчивые сочетания, связанные с понятием «деньги», в русском языке конца XX — первой четверти XXI вв. // Русская речь. 2025. № 1. С. 21–36. DOI: 10.31857/S0131611725010028.

благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», <https://rscf.ru/project/23-18-00141>.

***“Deneg net, no vy derzhites’
(There’s No Money,
but Hang in There)”:
New Stable Combinations
Associated with the Concept
“Money, Finance” in the Russian
of the Late 20th Century – the first
Quarter of the 21st Century***

Elena V. Generalova, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg),
elena-generalova@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to Russian phraseological neologisms representing the concept “money”. Various stable verbal complexes revealing formal and semantic unity in Russian of the late 20th century – the first quarter of the 21st centuries are studied. Neological dictionaries and Internet sources served as the research basis. The material was organized as an ideographic group with thematic blocks within it. In this group there are traditional units replenished with new items (blocks “earn money”, “cause monetary damage”, “difficult economic situation”) and new thematic units reflecting changing reality (blocks “legality of receiving money”, “inflation”, “distribution of (state) funds”, “financial fraud”). Ideographic group “money” is supplemented by idioms, phraseological combinations, compound names, periphrases, phraseological expressions. Original Russian units, borrowings-calques and conditionally authorial expressions are registered. Structurally units correspond to collocations, phrases, prepositional-case combinations.

A number of colloquial and professional terminological expressions stand out. Analyzed combinations show low degree of stability and difficulty in deriving the initial form. This structural instability is explained not only by the neological status of the units, but also by such feature of modern phraseology as the greater significance of the image than the unit component structure. At the example of combinations based on the image of printing money it is demonstrated that the internal image of a collocation unites a number of items and turns out to be more significant than the structure of phraseological neologism. In general, the phraseosemantic field “money” in modern Russian is undergoing both quantitative and qualitative changes, but remains productive and nationally specific.

KEYWORDS: phraseological unit, stable combination, neology, ideography, concept “money”, modern Russian language

FOR CITATION: Generalova E. V. “*Deneg net, no vy derzhites’ (There’s No Money, but Hang in There)*”: New Stable Combinations Associated with the Concept “Money, Finance” in the Russian of the Late 20th Century — the first Quarter of the 21st Century. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2025. No. 1. Pp. 21–36. DOI: 10.31857/S0131611725010028.

ACKNOWLEDGEMENT: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. № 23-18-00141 “Ideographic dictionary of Russian phraseological neology: dynamic of language and mentality”, <https://rscf.ru/project/23-18-00141>.

«Товарищи, деньги пока еще никто не отменял», — эта фраза из фильма «Берегись автомобиля» потому и стала крылатой, что не теряет своей актуальности. «Деньги» — одно из центральных понятий абсолютного большинства обществ и культур, имеющее обязательное отражение в языке.

В научной литературе концепт «деньги» и его языковое выражение описаны с разных сторон. В когнитивном аспекте понятие изучалось как ключевой концепт мировидения, в том числе с точки зрения его аксиологической составляющей в национальном менталитете. Исследователи подчеркивают национально-культурную специфику и амбивалентность восприятия понятия «деньги» в русской языковой картине мира, см. [Исаева, Майоренко 2005: 58; Палеева 2019: 123]. В лингвистическом отношении описывались соответствующие лексемы и фразеологизмы

как отдельные единицы и как лексико-семантическое и фразеосемантическое поле в этимологическом, историческом и динамическом плане, а также в сопоставительных исследованиях (в русском в сравнении с английским, французским, немецким, китайским, арабским языками). Ряд работ посвящен выражению этого понятия средствами фразеологии и паремиологии. На основе анализа устойчивых сочетаний (УС) разных языков методом параметрического анализа их семантической структуры понятие «деньги» выделено как одна из двенадцати основных общечеловеческих ценностей языковой картины мира (материальный уровень) [Краснобаева-Черная 2018: 100–101]. Судя по данным словарей русской фразеологии, фразеосемантическое поле «деньги» является продуктивным (характеристика, определяющаяся количеством образующих его единиц [Баранов, Добровольский 2008: 409]) и в современном русском языке, и в его истории.

Устойчивые сочетания и выражения, связанные с этой «вечной» темой, постоянно возникают в языке, причем с 1990-х гг. процесс идет особенно активно. Это объясняется причинами и внеязыковыми (динамичная трансформация политической и экономической ситуации, в связи с чем быстрое изменение себестоимости денег, валютного курса, материального положения людей, их финансового поведения), и языковыми (потребность в номинации новых реалий и в экспрессивном обозначении объектов).

В настоящей статье репрезентация концепта «деньги» рассматривается на материале новой русской фразеологии: дается общий обзор этой идеографической группы в современном русском языке, подробно освещается такая особенность фразеологической неологии, как структурная неустойчивость и сложность выведения начальной формы УС. Базой исследования послужила авторская выборка фразеологизмов, связанных с понятием «деньги», из неологических словарей¹, словарей фразеологических неологизмов ([Мокиенко 2003; Stěpanova 2018; Доброва 2022]), словарей современной русской разговорной речи ([Химик 2017; Крысин 2014]), а также НКРЯ и других интернет-источников. Собранный материал был организован как идеографическая рубрика, в которой были выделены отдельные тематические блоки устойчивых сочетаний («типы выплат, поступлений (по источнику или назначению дохода)», «типы платежных средств», «типы денежных операций», «типы выплат, поступлений с точки зрения легальности их получения», «зарабатывание денег, получение прибыли» «распределение денежных средств», «причинение денежного ущерба», «попадание в категорию должников», «предоставление денег»,

¹ Представлены на сайте ИЛИ РАН: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru>.

«сложное финансовое положение», «инфляция», «финансовые мошенничества» и др.).

В рамках широкого понимания объема фразеологии в работе рассматриваются не только традиционно понимаемые фразеологизмы, но и другие неоднословные словесные комплексы, обнаруживающие формально-семантическое единство в русском языке конца XX — первой четверти XXI вв. В этот период фразеологическая группа «деньги» пополняется устойчивыми сочетаниями самого разного типа.

С точки зрения их лингвистического статуса это идиоматика (*денег не печатаю(-ет)* ‘о невозможности кого-л. найти лишние деньги’ [Stěpanova 2018: 134–135; Доброва 2022: 98]), фразеологические сочетания (*бегство капитала* ‘массовый (часто нелегальный) перевод больших сумм денег предприятий или частных лиц за границу’ [Stěpanova 2018: 41]), составные наименования, фактически коллокации (*простойные деньги* ‘выплаты, получаемые за вынужденный простой предприятия’ [Котелова, Алаторцева, Буцева (ред.) 1996: 232]), перифразы (*двукрылый бандит* ‘об американском долларе’ [Новиков 2004: 13]), фразеологические выражения (*Денег нет, но вы держитесь* ‘иронически: призыв к оптимизму и стойкости в сложном экономическом положении’ [Левина (ред.) 2018: 45; Доброва 2022: 98]).

С точки зрения происхождения фиксируются как исконно русские (нередко жаргонные) фразеологические единицы (*нарубить капусты* ‘заработать деньги (обычно много)’), так и заимствования-кальки (*короткие деньги* (англ. *short term money*), ‘банковский кредит на небольшой срок’ [Буцева (ред.) 2009: 489], *золотой парашют* (англ. *golden parachute*) ‘внутреннее денежное пособие, выдаваемое работнику, которого увольняют по решению администрации’, *электронные деньги* [Корниенко 2022]). Отдельные устойчивые выражения имеют авторское происхождение, но понятие автора может быть достаточно условным: см. пришедшее из фильма А. Балабана «Жмурки» (2005 г.) обозначение долларов *бакинские рубли* (видимо, от жаргонного *бакс*) или ставшее «полноценным социально заостренным текстом» [Спирчагова 2017: 60] высказывание *Денег нет, но вы держитесь*, которое представляет собой не дословную, а переиначенную фразу Д. А. Медведева из его ответа 2016 г. на жалобу пенсионерки из Крыма относительно маленького размера пенсии.

С точки зрения структуры в языке возникают единицы, соответствующие глагольным и именным словосочетаниям (*срубить денег (по-легкому)* ‘получить незаконным путем или заработать, обычно не прилагая больших усилий’ [Крысин 2014: 444], *матрасные сбережения* ‘о хранящихся дома денежных сбережениях’ [Доброва 2022: 305]), предложно-падежным сочетаниям (*при капусте* ‘о богатом человеке’), предложениям (*печатный*

станок сломался 'о том, что закончились деньги' [Stěpanova 2018: 372; Доброва 2022: 334], *бабло побеждает зло* (*баблом побеждают зло*) 'о том, что какая-либо проблема решается при помощи денег; о власти денег' [Доброва 2022: 38]).

С точки зрения стилистической окраски выделяется большое количество УС, во-первых, разговорных (*белая зарплата* 'официальная заработная плата, с которой отчисляются налоги' [Stěpanova 2018: 160], *отжимать/отжать деньги* 'отнимать/отнять, заставлять/заставить отдать деньги' [Stěpanova 2018: 288], *кинуть деньги на карту* (*счет, телефон и т. п.*) 'сделать денежный перевод кому-л.'), а во-вторых, профессионально-терминологических (*граница бедности* 'показатель уровня жизни населения, определяемый на основании прожиточного минимума, ежеквартально корректируемого с учетом инфляции' [Козловская, Павлова (ред.) 2022: 25], *скрытый майнинг* 'незаконная деятельность по генерированию, зарабатыванию криптовалют, осуществляемая без согласия пользователя через его компьютер' [Доброва 2022: 200]).

С точки зрения смысловой наполненности идеографическое объединение фразеологических неологизмов «деньги» включает разные тематические подгруппы, и сам их перечень — отражение менталитета носителя современного русского языка, состояния общества. В отношении традиционных групп, характерных для фразеосемантического поля «деньги» в разные периоды его существования и являющихся обозначением значимых во все времена явлений, следует говорить не об их появлении, а об их пополнении новыми (с учетом меняющейся реальности) УС: см. «зарабатывание денег, получение прибыли» (*рубить/нарубить* (*срубить*) (*стричь/настричь*) *бабки* (*бабок*) (*бабла, капусты*) [Химик 2017: 33; Stěpanova 2018: 32; Доброва 2022: 38], *ковать монету, грести капусту* [Stěpanova 2018: 192] и др.); «причинение денежного ущерба» (*отжимать/отжать деньги* [Stěpanova 2018: 288], *разводить/развести на деньги* (*бабки*) [Химик 2017: 190; Доброва 2022: 99], *раскрутить на деньги* [Stěpanova 2018: 325], *ставить/поставить на счетчик* (*деньги*) [Химик 2017: 190], *пылесосить вклады* [Доброва 2022: 98]) и др. Однако следует говорить не только о пополнении старых, но и о появлении новых тематических рубрик: «характеристика денег с точки зрения законности/незаконности их получения», «распределение (государственных) денежных средств», «инфляция», «финансовые мошенничества».

Анализ новых УС, связанных с понятием «деньги», обнаруживает сложность выведения начальной формы фразеологического неологизма. Очевидно, что основной причиной неустойчивости структуры и воспроизводимости в определенной форме таких сочетаний является их

неологический статус. Е. Томашкова в качестве факторов, значимых для закрепления фразеологических новаций, называет актуальность и универсальность феноменов, которые характеризует фразеологическая единица, экспрессивность фразеологизма, а также его формальные свойства (фонетический состав, понятность, деривационный потенциал), и при этом подчеркивает, что «сделать правильный и точный прогноз относительно узуализации того или иного фразеологизма сложно, поскольку закономерности, согласно которым язык отбирает во фразеологический фонд новые единицы или актуализирует старые, пока еще недостаточно изучены» [Tomášková 2018: 17].

С нашей точки зрения, одной из причин, затрудняющих закрепление неологических фразеологизмов в определенной начальной форме, является такая особенность современной фразеологии, как большая значимость образа по сравнению с компонентным составом фразеологизма. В отношении трактовки фразеологической образности считаем убедительной позицию А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, по мнению которых образ фразеологизма «действует как когнитивная схема — структура знаний, содержащая в свернутом виде опыт взаимодействия человека с окружающим миром» [Баранов, Добровольский 2009: 25]. Фразеологические неологизмы образуются на базе и известных фразеологических образов (и тогда встает, напр., вопрос, является ли неологизм *грести капусту (лопатой)* самостоятельной единицей или жаргонной трансформацией фразеологизма *грести деньги лопатой*), и новых мотивировок. Р. Х. Хайруллина подчеркивает сложную природу фразеологического образа, сочетающего универсальность понятийных структур и национальность мотивационных моделей, и обращает внимание на то, что языковые способы выражения фразеологической образности конкретны и формируются в рамках грамматического строя языка, т. е. «важное значение в вербализации фразеологического образа имеет компонентный состав устойчивого оборота» [Хайруллина 2015: 6132]. Действительно, роль конкретных компонентов, использованных для выражения общего смысла, не может быть недооценена, но фразеологические неологизмы демонстрируют превалирование самой когнитивной схемы над вербальными средствами ее выражения, т. е. фразеологический образ оказывается более значимым, чем внешняя структура.

Рассмотрим в качестве примера УС, возникающие в русском языке на основе образа печатания денег. В составе этих оборотов происходит переосмысление словосочетаний *печатный станок* и *печатать деньги*.

Составное наименование *печатный станок*, обозначающее типографское устройство для нанесения изображений на бумагу или другой

материал, использовалось в переносном значении еще с XIX в., но первоначально только как метонимическое обозначение публикации литературного произведения (*Рукопись принята и даже уплачена часть гонорара, но это ничего еще не значит: за два года она не продвинулась к печатному станку ни на йоту* (К. И. Чуковский. Дневник)²). Первые контексты, где это словосочетание относится к деньгам, зафиксированы с начала XX в. Словосочетание использовалось с семантикой 'эмиссия бумажных денег' («*Экономическая жизнь*» *откровенно сознается, что требования к печатному станку все возрастают... недостаток денежных знаков налицо* (Н. П. Окунев. Дневник Москвича, 1922 г.)) и 'эмиссия денег, не обеспеченных товарами' (*Государственная казна производила денежные расходы, но исключительно за счет печатного станка, так как огромные количества продовольствия и сырья, которые она распределяла, не оплачивались и в виде денег государству не возвращались* (Г. Цыперович. Экономическая политика и хозяйственное положение СССР, 1925 г.)). Подобные контексты не очень частотны, они почти отсутствуют в языке 1950–1960-х гг., однако их количество растет в 1980-е гг., особенно стремительно с 2010-х. Экстралингвистическая причина такого роста — экономическая ситуация, предстающая и в зеркале фразеологической неологии: впервые явление инфляции отражено как раз фразеологией 1980-х гг. Именно поэтому сочетание *печатный станок* закрепляется в языке в значении 'выпуск денег, не обеспеченных товарами' (а не 'выпуск бумажных денег').

Первое УС на основе этого образа фиксируется словарем «Новое в русской лексике» 1989 г.: *продукция печатного денежного станка* 'о деньгах (обычно обесцененных, не обеспеченных необходимым количеством товаров на потребительском рынке)' [Соловьев (ред.) 2001: 232]. Однако, как свидетельствует языковой материал, более частыми коллокациями являются не отмеченные словарями сочетания *печатный станок работал (работает)* и особенно *работа печатного станка* (то же, что *печатный станок*) 'о выпуске денег, не обеспеченных товарами' (*То, что все эти мероприятия придется финансировать за счет работы печатного станка, очевидно всем, кто принимает подобные решения* (Е. Гайдар. Гибель империи)). Кроме того, в текстах последних двух десятилетий XX в. может быть выделена не зафиксированная в словарях конструкция *у кого-л. печатный станок [(не)стоит]* 'о (не)возможности найти лишние деньги' (часто в ответной реплике) (напр., *Откуда я возьму? Что у меня, печатный станок?! Да, я ворую, но по-своему я человек честный* (А. Гладилин. Большой беговой день, 1976–1981 гг.), *Вы что, все думаете, у меня дома*

² Здесь и далее приводятся примеры, взятые из НКРЯ.

стоит печатный станок? (М. Вишневецкая. Вот такой гобелен, 1999 г.)). С начала XXI в. на смену этому обороту приходит выражение *денег не печатаю(-ет)*.

В языке XXI в. на основе образа производства денежных знаков типографским способом возникает серия УС, часть которых попадает в словари фразеологических неологизмов: *печатать деньги* (на печатном станке) [Stěpanova 2018: 372], *запускать/запустить печатный станок* [Доброва 2022: 34], *печатный станок сломался* [Stěpanova 2018: 372; Доброва 2022: 334], а часть остается незафиксированной: *пустить в ход печатный станок* (может быть интерпретировано как вариант фразеологизма *запускать/запустить печатный станок*), антонимичные *включать/включить печатный станок* и *останавливать/остановить печатный станок* и их синтаксические дериваты *включение печатного станка*, *остановка печатного станка*.

Экспрессивность и образность таких УС не вызывает сомнений. Для формирования семантики фразеологизмов на основе образа печатного станка оказались значимыми признаки быстрого и механического получения денежных знаков (без зарабатывания и в значительном, практически любом, количестве), возможность включения/выключения и поломки устройства. Интересно, что образ механизма, с помощью которого производятся купюры, оказался особенно востребованным в эпоху сокращения использования металлических и бумажных знаков оплаты и все большего вхождения в практику электронных, безналичных средств. Очевидно, именно бумажные деньги как предмет, с одной стороны, осязаемый и материальный, а с другой стороны — ненадежный, подверженный изнашиванию, устаревающий и не обладающий самостоятельной ценностью, стали для человека XXI в. зримым символом утрачивающих покупательную способность платежных средств.

Вопрос возникает относительно устойчивости таких сочетаний и их начальной формы. Едва ли весь комплекс УС может быть сведен к идиомем-инварианту *печатный станок* ‘о выпуске денег, не подтвержденных товарами’. Помимо содержательных критериев идиоматичности, образности и экспрессивности в основу выделения и разграничения фразеологических единиц должны быть положены и формальные критерии: лексико-грамматический (в зависимости от эквивалентности УС лексемам разной частеречной принадлежности: ср. *работа печатного станка — запустить печатный станок*), функционально-синтаксический (в зависимости от коммуникативной или номинативной функции фразеологических единиц: ср. *денег не печатаю* ‘у меня нет лишних денег’ (соответствует предложению, применимо к ситуации) и *продукция печатного станка*

‘обесцененные деньги’ (соответствует слову, занимает позицию определенного члена предложения)), лексикографический критерий подстановки. В соответствии с этими критериями на основе образа печатного станка могут быть выделены следующие устойчивые сочетания: *печатный станок, работа печатного станка, продукция печатного станка, у кого-л. печатный станок [(не) стоит], запустать/запустить (пустить в ход) печатный станок, включать/включить печатный станок, печатный станок сломался (сломается), останавливать/остановить печатный станок, денег не печатаю(-ет)*.

Трудность выведения начальной формы этих единиц в совокупности с их большим количеством — свидетельство превалирования образа над внешней формой, структурой устойчивого сочетания. Аналогичное явление наблюдаем и при образовании других оборотов в группе «деньги». Так, в новом фразеологическом тематическом блоке, описывающем поступление и распределение денежных средств (с фокусом внимания на распределении именно государственных средств) актуальным становится образ нахождения у какого-л. открываемого/закрываемого потока, какой-л. системы подачи. К 1990-м гг. восходят фразеологизмы *бюджетный кран (краник)* ‘о государственных средствах как источнике дохода’, *у крана (краника) (стоять, сидеть)* ‘контролировать, регулировать распределение финансовых потоков, сырьевых ресурсов’ [Буцева (ред.) 2014: 289–290]. Позже, в 2000-х гг. их сменяет оборот, возникший на основе образа нефтепровода (газопровода) *сидеть на трубе с деньгами (баблом, долларами)* [Доброва 2022: 357].

Именно актуальность образа и высокая экспрессивность выражения *Денег нет, но вы держитесь*, заостренные в результате модификации исходного авторского текста, привели к тому, что фраза сразу стала интернет-мемом, возглавив список мемов 2016 г., а затем из «потенциально жизнеспособного фразеологического неологизма» [Tomášková 2018: 20] превратилась в полноценное фразеологическое выражение с закрепившимся значением и коммуникативной функцией. Сейчас выражение используется уже вне исходной ситуации и без визуальной поддержки, имеет множество трансформаций (прежде всего в медиадискурсе): напр., *Денег нет, но все держатся, ползут без лифта на четвертый этаж, пугаются темноты в подъездах, где перегорела лампочка* (Коммерсант, 27.01.2020), *Газа нет, но вы держитесь* (Московский комсомолец, 03.04.2018).

Образ чистоты/грязи денег и удаления грязи с денег оказался востребованным для обозначения легальности/нелегальности денежных средств и легализации доходов: см. фразеологическое единство *отмывать (отбеливать) / отмыть [грязные] деньги ([грязный] капитал)* ‘легализовывать

незаконно полученные доходы путем инвестирования их в промышленность, отчисления на благотворительные цели и т. п.' [Соловьев (ред.) 2001: 193; Мокиенко 2003: 24; Горбачевич (ред.) 2006: 11; Stěpanova 2018: 135] с дериватами *отмывка денег, отмыщик денег*, появляющиеся в начале 2000-х гг. сочетания *белый нал, белая зарплата, черный нал, черная зарплата, серая зарплата*, возникающее в XXI в. сочетание *финансовая прачечная* 'об организации, занимающейся легализацией незаконно полученных доходов' [Доброва 2022: 271].

Мы согласны с Н. В. Баско, что рассмотрение фразеологических неологизмов связано с выявлением того образа, который лежит в основе значения новой идиомы, при этом образ фразеологизма — это образ не отдельного предмета, а целостной ситуации реальной действительности [Баско 2018: 64]. Наблюдения показали, что образ этот не всегда связан с новой ситуацией (см. образ печатного станка), но всегда является свежим взглядом на нее, новым прочтением. Внутренний образ, положенный в основу значения ряда фразеологических неологизмов, выступает объединяющим для целых «пучков», «букетов» УС и оказывается более значимым, чем структура фразеологической единицы. За счет этого имеет место незаконченность формирования единицы с новым значением, неустойчивость ее внешней структуры при яркой внутренней форме (важным оказывается восприятие ситуации в целом, а не конкретное УС).

Таким образом, неологизмы фразеосемантического поля «деньги» представляют собой обширную разнородную группу и рельефно демонстрируют такие особенности современной фразеологии, как сложность выведения начальной формы и превалирование образа над закрепленностью формальной структуры.

Литература

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
- Баско Н. В. Фразеологические неологизмы в русском языке: семантика, этимология, функционирование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3–1 (81). С. 64–66.
- Буцева Т. Н. (ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: Т. 1: А–К / Сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гोनоблева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 815 с.

Е. В. Генералова. «Денег нет, но вы держитесь»: новые устойчивые сочетания, связанные с понятием «деньги»...
E. V. Generalova. "Deneg net, no vy derzhites' (There's No Money, but Hang in There)": New Stable Combinations...

- Буцева Т. Н.* (ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: Т. 2: Клиент-банк — Паркетный / Сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гонобоблева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 1391 с.
- Горбачевич К. С.* (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 5 «Деньги — Жюри». М.—СПб.: Наука, 2006. 694 с.
- Доброва М.* Словарь новых фразем и коллокаций русского языка. Оломоуц: Университет им. Ф. Палацкого, 2022. 400 с.
- Добровольский Д. О.* Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 71–93.
- Исаева Л. А., Майоренко И. А.* Национально-культурные особенности концепта «деньги» (на материале русской, английской и французской фразеологии) // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2005. № 1. С. 53–59.
- Козловская Н. В., Павлова А. С.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы — 2021 / Сост. Е. С. Громенко, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, А. Ю. Кожевников, С. Д. Левина, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. 318 с.
- Корниенко К. А.* Сложности понимания понятия «электронные деньги» в профессиональной и непрофессиональной коммуникации // Слово и текст: психолингвистический подход. 2022. № 21. С. 67–73.
- Котелова Н. З., Алаторцева С. И., Буцева Т. Н.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы — 1986 / Сост. В. Н. Плотицын, М. Н. Судоплатова, Н. З. Котелова, Ю. Ф. Денисенко и др. СПб.: Дм. Буланин, 1996. 382 с.
- Краснобаева-Черная Ж. В.* Опыт осмысления ценностной картины мира во фразеологии: структурная организация (на материале русского, украинского, английского и немецкого языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 98–116.
- Крысин Л. П.* Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А–И. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.
- Левина С. Д.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы — 2016 / Сост. Н. В. Козловская, С. Д. Левина, Е. С. Громенко. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. 122 с.
- Мокиенко В. М.* Новая русская фразеология. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2024).
- Новиков А. Б.* Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М.: Русский язык, 2004. 332 с.
- Палеева Е. В.* Концепт «деньги» в сознании носителей русского языка // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3–1 (15). С. 121–126.
- Соловьев Н. В.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы — 1989 / Сост. М. Н. Судоплатова, В. Н. Плотицын, Н. В. Соловьев и др. СПб.: Дм. Буланин, 2001. 372 с.

- Спирчагова Т. А. Современный электронный дискурс: проблемы этики речевого поведения // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: материалы 56-го межд. форума (13–14 апреля 2017 г.) / Отв. ред. В. В. Васильева. Т. 2. СПб.: Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2017. С. 60–61.
- Хайруллина Р. Х. Фразеологический образ: ментальная природа и языковое выражение // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. Ч. 27. Филологические науки. С. 6129–6132.
- Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. Т. 1. А–Н. СПб.: Златоуст, 2017. 528 с.
- Štěpanova L., Dobrova M. Словарь русских неологизмов. Slovník ruských neologismů. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. 472 с.
- Tomášková E. Условия закрепления фразеологических неологизмов политического медиадискурса // Новая русистика. 2018. Vol. 11. Iss. 1. P. 15–25.

References

- Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Znak Publ., 2008. 656 p.
- Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. [Principles of semantic description of phraseology]. *Voprosy yazykoznavniya*, 2009, no. 6, pp. 21–34. (In Russ.)
- Basko N. V. [Phraseological neologisms in the Russian language: semantics, etymology, functioning]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 3–1(81), pp. 64–66. (In Russ.)
- Butseva T. N. (ed.). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90kh godov* [New words and meanings: Dictionary-reference on materials of the press and literature of the 90s]. Vol. 1 (A–K). St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2009. 815 p.
- Butseva T. N. (ed.). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90kh godov* [New words and meanings: Dictionary-reference on materials of the press and literature of the 90s]. Vol. 2 (Klient-bank – Parketny). St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014. 1391 p.
- Dobrova M. *Slovar' novykh frazem i kollokacii russkogo yazyka* [Dictionary of new phrasemes and collocations of the Russian language]. Olomouc, Universitet im. F. Palackogo Publ., 2022. 400 p.
- Dobrovolskii D. O. [The figurative component in the semantics of idioms]. *Voprosy yazykoznavniya*, 1996, no. 1, pp. 73–95. (In Russ.)
- Gorbachevich K. S. (ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of Russian Language]. Vol. 5 “Den'gi – Zhyuri”. Moscow–St.-Petersburg, Nauka Publ., 2006. 694 p.

Е. В. Генералова. «Денег нет, но вы держитесь»: новые устойчивые сочетания, связанные с понятием «деньги»...
E. V. Generalova. "Deneg net, no vy derzhites" (There's No Money, but Hang in There)": New Stable Combinations...

- Himik V. V. *Tolkovyi slovar' russkoi razgovorno-obihodnoi rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial and everyday speech]. T. 1. A–N. St.-Petersburg, Zlatoust Publ., 2017. 528 p.
- Isaeva L. A., Maiorenko I. A. [National and cultural features of the concept "money" (based on Russian, English and French phraseology)]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki*, 2005, no. 1, pp. 53–59. (In Russ.)
- Khairullina R. Kh. [Phraseological image: mental nature and linguistic expression]. *Fundamental'nye issledovaniya. Filologicheskie nauki*, 2015, no. 2, part 27, pp. 6129–6132. (In Russ.)
- Kornienko K. A. [Difficulties in understanding the concept of "electronic money" in professional and non-professional communication]. *Slovo i tekst: psikholingvisticheskii podkhod*, 2022, no. 2, pp. 67–73. (In Russ.)
- Kotelova N. Z., Alatorseva S. I., Butseva T. N. (eds.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy 1986* [New in Russian vocabulary: Dictionary materials 1986]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996. 382 p.
- Kozlovskaya N. V., Pavlova A. S. (eds.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 2021*. [New in Russian vocabulary. Dictionary materials – 2021]. St.-Petersburg, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022. 318 p.
- Krasnobaeva-Chernaya Zh. V. [Experience of understanding the value picture of the world in phraseology: structural organization (based on the material of Russian, Ukrainian, English and German languages)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2018, no. 54, pp. 98–116. (In Russ.)
- Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' russkoi razgovorno-rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Issue 1. A–I. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2014. 776 p.
- Levina S. D. (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 2016*. [New in Russian vocabulary. Dictionary materials – 2016]. St.-Petersburg, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018. 122 p.
- Mokienko V. M. *Novaya russkaya frazeologiya* [New Russian phraseology]. Opole, Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej Publ., 2003. 168 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 10.02.2024).
- Novikov A. B. *Slovar' perifraz russkogo yazyka* [Dictionary of the periphrases of the Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2004. 332 p.
- Paleeva E. V. [The concept of "money" in the minds of Russian speakers]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 3–1 (15), pp. 121–126. (In Russ.)
- Solov'ev N. V. (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 1989*. [New in Russian vocabulary. Dictionary materials – 1989]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2001. 372 p.
- Spirchagova T. A. [Modern electronic discourse: problems of ethics of speech behavior]. *Vek informatsii. Media v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya: materialy 56-go mezhd.*

foruma (13–14 aprelya 2017 g.) [Age of Information. Media in the modern world. St. Petersburg readings: materials of the 56th international. forum (April 13–14, 2017)]. Resp. ed. V. V. Vasil'eva. Vol. 2. Saint-Petersburg, Graduate School of Journalism and Mass Communications Publ., 2017, pp. 60–61. (In Russ.)

Stěpanova L., Dobrova M. *Slovník ruských neologismů* [Dictionary of Russian neologisms.]. Olomouc, Palacký University Olomouc Publ., 2018. 472 p.

Tomášková E. [Conditions for consolidating phraseological neologisms in political media discourse]. *Novaya rusistika*, 2018, vol. 11, iss. 1, pp. 15–25. (In Russ.)

О компонентах разговорной сравнительно-оценочной конструкции <куда X-у до Y-а>

Татьяна Леонидовна КОЛОСОВСКАЯ, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611725010039

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию сравнительно-оценочной конструкции <куда X-у до Y-а>, в которой есть устойчивый компонент *куда до*, а также варьирующиеся компоненты (слоты) X и Y. Значение этой конструкции не выводится из суммы значений ее компонентов и может быть сформулировано так: 'X уступает Y по определенным признакам, зависящим от контекста и способным проявляться как эксплицитно, так и имплицитно'. Материалом для анализа послужили 463 контекста, включающих данную конструкцию, из устного и газетного подкорпусов НКРЯ, а также из Генерального интернет-корпуса русского языка. Контексты представляют собой разговорную письменную речь, а также устную спонтанную или квазиспонтанную речь, отличающуюся определенной степенью подготовленности. Внимание в статье сосредоточено на характеристике варьирующихся компонентов конструкции, которые, в зависимости от ситуации, могут выражаться различными способами. Демонстрируется сравнительно-оценочный характер данной конструкции, а также выявляются некоторые особенности контекста, способные акцентировать внимание на этом сопоставлении. К ним относится использование нескольких объектов в одной позиции, частиц, усиливающих оценку, подразумевающую несоответствия объектов друг другу, изолированное употребление конструкции с восклицательной интонацией и нагромождение в тексте синонимичных единиц с семантикой сравнения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеосхема, грамматика конструкций, корпусная лингвистика, конструкция, объект сравнения

для цитирования: Колосовская Т. Л. О компонентах разговорной сравнительно-оценочной конструкции <куда X-у до Y-a> // Русская речь. 2025. № 1. С. 37–51. DOI: 10.31857/S0131611725010039.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ, проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи».

Issues of Modern Russian Language

On the Components of the Conversational Comparative Evaluative Construction <*kuda X do Y*>

Tat'yana L. Kolosovskaya, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg),
kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the description of the comparative-evaluative construction <*kuda X do Y*>, which has stable components *kuda do*, as well as varying components (slots) X and Y. The meaning of this construction is not deduced from the meanings of its components and can be formulated as follows: 'X is inferior to Y in certain attributes, that depend on the context and can be manifested both explicitly and implicitly'. The material for the study was 463 contexts, including this construction, from the oral and newspaper sub-corps of the National Corpus of the Russian Language, as well as from the General Internet Corpus of the Russian Language. Contexts represent spoken written speech as well as spoken spontaneous or quasi-spontaneous speech characterized by a certain degree of preparedness. The focus of the article is on characterizing the varying components of the construction, which, depending on the situation, can be expressed

in different ways. The comparative-evaluative nature of this construction is demonstrated, and some contextual features that can emphasize this comparison are identified. These include the use of several objects in one position, particles that reinforce the evaluation implying inconsistencies of objects with each other, isolated use of constructions with exclamatory intonation, and cluttering the text with synonymous units with the semantics of comparison.

KEYWORDS: phraseoscheme, grammar of constructions, corpus linguistics, construction, objects of comparison

FOR CITATION: Kolosovskaya T. L. On the Components of the Conversational Comparative Evaluative Construction <kuda X do Y>. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 1. Pp. 37–51. DOI: 10.31857/S0131611725010039.

ACKNOWLEDGEMENT: The presented research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00189 “The structure and functionality of set multiword units in Russian everyday speech”.

Введение

В центре внимания исследования находится грамматическая конструкция (К) <куда X-у до Y-a>, которая активно функционирует в разговорной речи носителей русского языка. Цель работы — анализ данной оценочной конструкции с семантикой сравнения и описание ее варьирующихся компонентов (слотов).

Основными методами работы являются описательный, построенный на контекстном анализе, и квантитативный (простые количественные подсчеты).

Пользовательский подкорпус работы включает 463 единицы в контекстах, а источниками материала стали устный (УП) и газетный подкорпусы (ГП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также комментарии из социальной сети Вконтакте и «Живого Журнала» в структуре Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ)¹.

В современной лингвистике активно ведется описание особенностей повседневного общения, специфики функционирования живой речи, создается грамматика устной речи. Развитие области лингвистики, которая изучает устную спонтанную речь разных социальных групп носителей языка, привело к тому, что в 70–80-е гг. XX в. исследование разговорной

---

¹ Все примеры из этих источников, которые приводятся далее в статье, сохраняют оригинальную орфографию и пунктуацию.

речи переросло в самостоятельное направление, которое получило название *коллоквиалистики*. В ее рамках проводятся исследования функционирования языка в повседневном общении.

Коллоквиалистика охватывает различные сферы языка и речи. Одним из таких направлений является *Грамматика конструкций* (*Construction Grammar*, или СxG) [Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995], основной единицей описания которой является *конструкция*. Именно в рамках СxG осуществляется анализ материала в настоящей работе.

В поисках термина

Конструкция в понимании СxG предполагает определенную степень устойчивости своих компонентов, что сближает ее с *фразеологизмом*. В научном обороте существует множество терминов для описания подобных единиц: *синтаксические фраземы, нестандартные конструкции, коллокации, коллигации, коллостракции, фразеосхемы* и некот. др.

Так, Н. Ю. Шведова рассматривала распространенные синтаксические единицы разговорной речи как *фразеологические конструкции*, ср.: «В разговорной речи обильно представлены застывшие конструкции, “шаблонные фразы”, не требующие “комбинирования” и не поддающиеся отчетливому членению — “построения в субстантивном значении этого слова” (в противоположность отчетливо членимым, допускающим комбинирование “построениям в глагольном значении этого слова”)» [Шведова 1960: 7]. Подобные синтаксические явления в устной речи функционируют только в конкретных условиях: «конструкция лексически ограничена, ее словесное наполнение не свободно, грамматическая форма встречает “сопротивление лексического материала”» [Там же: 8].

О *синтаксических фразеологизмах* писал Д. Н. Шмелев, считавший фразеологическими те построения, в которых «фразеологической является сама схема предложения», и использовавший для подобного рода единиц термин *фразеосхема*, ср.: *Понимать-то я понимаю, а вот объяснить не умею; Думай не думай, а загадки не отгадаешь!* [Шмелев 1960: 51].

М. В. Копотев, опираясь на И. А. Мельчука, приводит следующие основные стратегии описания типов фразем:

1) единицы, которые затрагивает фразеологизация: лексема (*настух* с аффиксом *-тух*), словосочетание (*дутый авторитет*), синтаксическая фразема (просодические варианты предложения *Ты у меня прочитаешь эту книгу*);

2) участие прагматических факторов в процессе фразеологизации: связанные с внеязыковой ситуацией прагматемы (*срок годности*) и семантические фраземы (*отбросить копыта*);

3) компонент лингвистического знака, подверженный фразеологизации: означаемое (*бить баклуши*), означающее (супплетивные единицы в морфологии) или синтактика знака (*He sort of laughed*);

4) степень фразеологизации: полные фраземы (= идиомы), полуфраземы (= коллокации), квазифраземы [Копотев 2008: 10].

При этом в работе исследователь анализирует единицы, «представляющие собой идиоматизированные предложения, обладающие предикативностью» [Копотев 2008: 14]. Они обладают уникальным свойством: могут выступать как самостоятельные предложения, что отличает их от других типов, и в то же время служат фундаментом для набора ограниченных лексических вариаций. В академической среде подобные единицы известны под различными названиями: «фразеосхемы», «формальные конструкции» или «синтаксические фразеидомы». М. В. Копотев использует термин, предложенный И. А. Мельчуком и обозначающий синтаксические фраземы/идиомы.

Под *фразеологизмом-конструкцией* понимается «фиксированная часть конструкции вместе с ее синтаксисом, [выражающая] единое значение, которому присущи свойства лексической семантики» [Баранов, Добровольский 2013: 88] — иными словами, это «синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты — обычные (X, Y) или пропозициональные (P, Q)²)» [Добровольский 2016: 12], ср.: <X не в X> (*праздник не в праздник*), <не X, а Y> (*не мужик, а шкаф; не женщина, а гора*), <не X, а так, Y> (*не научный доклад, а так, рассказ о впечатлениях*) [Там же].

В работе [Коган 2018] вводится термин *синтаксические фразеиды*, означающий «конструкции, в которых ряд компонентов являются устойчивыми, регулярно воспроизводимыми, а другие заменяются, своеобразные конструкции-колодки, в которые подставляется значимый элемент» [Там же: 44]. Синтаксические фразеиды «близки фразеологизмам, однако отличаются от них по какому-либо параметру определения фразеологичности» [Там же: 42].

В исследовании [Богданова-Бегларян, Цуй Лили 2019] используется термин *конструкция-коллокация*, означающий единицу, которая образовалась в результате действия «сразу двух активных процессов современной русской речи: грамматикализации и идиоматизации», ей присуща

² Под актантами понимаются пропущенные компоненты некоторых устойчивых конструкций. Актанты могут быть обычными, то есть активными, значимыми участниками ситуации, которые способны сочетаться с предикатом-сказуемым, и пропозициональными, обозначающими намерения или желания говорящего. Последние обычно представлены глаголами, за которыми следует придаточное предложение, выражающее мысль (пропозицию). Обычные актанты графически обозначаются как X, Y, пропозициональные — как P, Q.

«и ярко выраженная грамматическая природа, и устойчивый характер, и статистическая представительность в устной речи» [Там же: 467–468], ср.: <(Q) — P — что ли?> (*где? в кафе что ли? / чего / мне жалко что ли? / не знаешь что ли?*); <P (aut) нет>³ (*балет будет / нет?*).

В работах Л. Л. Иомдина, представителя так называемого малого синтаксиса — направления Московской семантической школы, фигурируют термины *синтаксическая фраза* и *нестандартная синтаксическая конструкция*, граница между которыми недостаточно четкая. Главным различающим фактором является субъективный критерий «степени лексикализации объекта» [Иомдин 2006: 202]. Лексическое наполнение К (конструкции) не ограничено, участки К вполне свободны, единственный служебный, лексически ограниченный, элемент с весьма общей семантикой не играет значительной роли, чтобы перевести К в разряд синтаксических фразем.

По мнению А. В. Величко, после работ Н. Ю. Шведовой и Д. Н. Шмелева, заложивших основу исследования единиц, которые носят устойчивый характер, «в русской лингвистике синтаксические фразеологизмы изучались не очень активно и не системно» [Величко 2016: 46]. В результате однозначного понимания подобных единиц пока не выработано, до сих пор существуют разные точки зрения на терминологию и содержательную сторону всех подобных понятий.

По отношению к объекту настоящего исследования в статье используется термин *конструкция*, соответствующий классическому пониманию К в рамках СxG, ср.: «C is a CONSTRUCTION if C is a form-meaning pair (Fi, Si) such that some aspect of Fi or some aspect of Si is not strictly predictable from C's component parts or from other previously established constructions»⁴ [Goldberg 1995: 4]. Вслед за А. Е. Голдберг, Е. В. Рахилина и Ю. Л. Кузнецова понимают под К «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19].

Типичными свойствами конструкции в рамках СxG являются следующие:

- К имеет не только синтаксические, но и лексические, семантические и прагматические параметры, т. е. может включать и лексические единицы;
- К включает элементы, отношения между которыми складываются по-разному и не обязательно жестко фиксированы, они имеют

³ <P или нет>.

⁴ С является КОНСТРУКЦИЕЙ, если С представляет собой такую пару форма-смысл (Fi, Si), что некоторый аспект Fi (форма) или некоторый аспект Si (смысл) не является строго предсказуемым из составных частей С или из других ранее установленных конструкций (перевод наш. — Т. К.).

- возможность свободного комбинирования с другими компонентами в зависимости от речевой ситуации;
- семантика К более широкая по сравнению с семантикой составляющих ее элементов, поэтому она обладает определенной степенью идиоматичности [Fillmore et al. 1988].

Н. Ю. Шведова упоминала частицу *куда*, которая формирует «инфинитивные предложения со значением уверенного отрицания возможности совершения действия: в составе предложения обычен дательный субъекта; частица, как правило, начинает собою все построение», ср.: *Куда мне, оглашенной, к большим барам ездить* [Шведова 1960: 129–130]. Для таких К характерно осложнение дополнительными компонентами *уж, там, тут, же*, ср.: *Война все равно кончена. Куда там воевать, когда уже всё провоевали!* Кроме того, предложения с *куда* могут включать в себя только частицу *куда* и следующий за ней дательный субъекта: *Куда ему! Куда уж тебе! Куда тут вам!* [Там же].

В отличие от упомянутых Н. Ю. Шведовой единиц, конструкция <куда X-у до Y-а> подразумевает сравнение двух объектов, поэтому может именоваться *сравнительно-оценочной конструкцией*.

В настоящей работе для наименования и различения варьирующихся компонентов принимаются обозначения, принятые в СxG: X — это предмет, признак, обстоятельство, ситуация, стоящие у истоков сравнения и устойчиво имеющие в рамках рассматриваемой К форму Дат. п., а Y — объект, который сравнивают с X, устойчиво стоящий в форме Род. п.⁵.

⁵ Структурно близким к объекту исследования является такой ряд конструкций: <что X-у до Y-а>, <до Y-а ли/ль X-у>, <X-у не до Y-а> и <куда X-у до Y-а>, они не имеют семантики сравнения. Так, конструкция <что X-у до Y-а> означает 'что-то для кого-то не имеет большого значения, несущественно, неважно (по какой-то причине)' (*Люди собрались поразвлечься / не стоит их за это винить. Что им (X) до чувств (Y) маленькой девочки с огромным белым бантом?*). Конструкция <до Y-а ли/ль X-у> синонимична предыдущей, тоже не содержит никакого сравнения и имеет значение 'кому-то что-то неважно, несущественно, безразлично' (*Лишние руки в доме. Только подрос парень. Двое-то под ногами толкутся / до них (Y) ли мне (X)? А этот уж в разум входит стал. Нет-нет да и поможет*). Конструкция <X-у не до Y-а> также имеет значение несущественности Y для X: *А это мы не интересовались. Во-первых / профессор ходил с палочкой уже. Ему (X) не до театра (Y) / не до выставки (Y)*. Здесь также нет сравнения двух объектов, поэтому к дальнейшему анализу такие конструкции не привлекались. Существуют и К, близкие к исследуемой не только по структуре, но и семантически, ср.:

- <X-у далеко до Y-а>: *Вот. А младший Буш / конечно / ээ ему (X) далеко до старшего Буша (Y)*;
- <X-у до Y-а как до луны>: *Я вот смотрю некоторые рисунки, я просто порожаясь. Я только рисую раскраску по номерам, мне (X) до вас (Y) как до луны*;
- <X-у до Y-а расти и расти>: *Согласен, одним опытом за пояс засунет) Нам (X) до них (Y) расти и расти*.

В рамках настоящей работы эти единицы также не рассматриваются. Они могут стать объектом отдельного исследования.

Анализ материала

Сравнительное-оценочная К <куда X-у до Y-а> легко вписывается в СxG, ср.:

- 1) — *Слава / не дури! — Ну да / понятно. Куда Томке (X) до вас (Y)! Зарплата небольшая / работа невидная / и вообще могла б быть помоложе / так что ли?*

Данная К предполагает наличие как минимум двух объектов сравнения, поэтому в варьирующихся слотах используются равноправные понятия. Контекст (1) демонстрирует равные отношения между объектами. Томка, о которой упоминается в разговоре, сравнивается с другими людьми по ряду показателей: *зарплата небольшая, работа невидная, могла б быть помоложе*.

Интерес для исследования представляют варьирующиеся в рамках данной К компоненты.

В материале НКРЯ в найденных по запросу *куда до* 173 контекстах 64,8 % составляют случаи реального называния объекта в слоте Y (2), в остальных примерах происходит дублирование объекта местоимением (3), ср.:

- 2) *Куда там их Никите (X) до нашей красавицы (Y), которая к 23 годам сумела сделать блестящую милицейскую карьеру!*
3) *Конечно, все они сами играли в футбол, знают, что и как нужно делать, и неоднократно принимали участие в матчах на высшем уровне, в финалах чемпионатов мира поиграли, куда нам (X) до них (Y).*

В УП объект X конкретизирован довольно часто, однако местоимение встречается чаще (46,8 vs 53,2 %). Видимо, все зависит от того, какой именно слот в примере назван, второй же, в зависимости от этого, либо заменяется местоимением, либо тоже представлен эксплицитно.

Примечательно, что иногда в самой К возможна конкретизация местоименного объекта с помощью разного рода уточнений (4) (подчеркнуто):

- 4) *Дальше опять таки можно не читать. Да куда мне, любителю (X), до такого ЭСПЭРДА (Y) как ты, я и не претендую.*

Часть высказывания, которая раскрывает первый объект, может быть расположена и дистантно, при этом остается понятно, к чему относится это уточнение (подчеркнуто):

- 5) *Архипцев / а твой штурман явно делает успехи. Тихий / тихий / а ведь... хы... туда же. Ну куда нам (X) до него (Y) / серым-то лошадакам? Он артист / Ойстрах.*

Если все же К построена так, что оба объекта выражены местоимениями, то уточняющие единицы становятся неотъемлемой частью структуры, иначе есть риск остаться непонятым:

6) *Нет, титан! Нет, суперпрочный поликарбонатный сплав! Ну конечно, куда мне, киборгу, (X) до вас (Y), людей.*

Сравнительно-оценочный характер рассматриваемой К доказывают контексты, в которых эксплицитно выражено само сопоставление, как в примере (7) (подчеркнуто):

7) *Голубоглазый француз с галантными манерами («он так красиво за мной ухаживал!») до сих пор остался принцем. Она сравнивала с ним всех последующих мужей, детей и внуков. «Он был добрым, изысканным и внимательным — куда до него (X) нашим мужикам (Y)», — сетует Екатерина Семеновна.*

В контекстах из ГИКРЯ рассматриваемая К анализировалась несколько иначе. Ограниченный поиск по устойчивому компоненту *куда до* был задан таким образом, что компоненты К стояли в другом порядке <куда до Y-а X-у>. В итоге было найдено 290 контекстов с рассматриваемой К, в составе которой в большинстве случаев (89,4 %) объект Y представлен дублирующим его местоимением.

Таким образом, в ситуации оценки и сравнения обязательно присутствует объект Y, с которым предполагается сопоставление X по эксплицитному или имплицитному признаку, но в самой К этот объект часто не называется, а заменяется местоимением, отсылающим к реальному объекту, который находится где-то рядом, предполагается из ситуации (8) или описывает эту ситуацию (9), ср.:

8) *Ребёнка «родил», огромную семью содержит, путешествует. Куда до него (Y) модным нынче мачо (X), умеющим лишь бицепсами трясти;*

9) *На уровне «хванчары», «токайского», «медвежьей крови» и пр. царил невероятный разгул подделок. Из ближнего зарубежья и с русского юга шли потоком полусладкие вина непонятного состава и качества: при отсутствии элементарных знаний о вине они пользовались спросом (иные пользуются до сих пор). Куда до всего этого (Y) Ноздреву (X) с его «бургиньон и шаппаньон в одной бутылке», куда герою булгаковского фельетона, у которого «собственные виноградники на Воробьевых горах»!*

Список местоимений, способных заполнять слот Y, немаленький. Данные единицы в форме Дат. п. присоединяются к предлогу *до* из устойчивого компонента *куда до* и, естественно, находятся всегда в постпозиции по отношению к предлогу. Важно, что в этом перечне есть местоимения, замещающие как лица, так и условную ситуацию (9), которая воссоздается до этого в ходе коммуникации, что только подтверждает тот факт, что сопоставляться в рамках данной конструкции могут не только конкретные объекты, называющие личности или предметы, которым присущи какие-то яркие характеристики, на основе которых можно выстроить это сравнение. Подобные контексты сложнее в понимании, так как нужно разбираться, что или кто конкретно сопоставляется.

Такое разное воплощение объекта Y, возможно, объясняется особенностями методики точного поиска. Но даже если так, то есть вполне конкретные результаты и наглядное количество примеров с преобладающим дублированием конкретного компонента Y. В таких примерах X выходит на первый план, «перетягивая» внимание на себя.

В ГИКРЯ практически все примеры, составившие пользовательский подкорпус (95,3 %), содержат вполне конкретный объект X. Очевидно, это связано с тем, что объект сравнения Y чаще всего встраивается в K в виде местоимения. Из-за этого второй объект, который в результате точного поиска находится в постпозиции по отношению к устойчивой части *куда до*, практически всегда называется существительным, а не дублируется местоимением, ср.:

- 10) *Да, наши судоводители, в отличие от низших чинов, выглядели на уровне требований устава. **Куда до них** (Y) какому-нибудь **Тимофею Саввичу** (X) с его чунями и телогрейкой.*

В материале удалось выявить некоторые приемы, которые используются говорящим (пишущим), чтобы акцентировать внимание собеседника на заложенном в K сравнении и преобладании объекта Y над объектом X. Рассмотрим эти приемы.

1. Наличие нескольких объектов на месте одного слота X, что повышает статус сравниваемого с ними объекта Y. Количество таких единиц, кажется, ничем не ограничено, обычно это два или три объекта (11):

- 11) *А прекрасный Рыбников, который одним взглядом, одним движением уделяет любого нашего современного секс-символа, **куда до него** (Y) **Безрукову** (X), **Башарову** (X) и забыла **кого там нынче по рейтингу валяющихся тут где-то «Семь дней» признали самым красивым актером года** (X).*

2. Восклицательные предложения, предполагающие особую интонацию и привлекающие внимание к конкретному отрезку текста, которым нередко является анализируемая сравнительно-оценочная К:

12) *Донцова абсолютный чемпион по быстрописанию: роман в один-два месяца! Куда до нее (Y) Александре Марининой (X) или тем более Борису Акунину (X)! Трудолюбие Донцовой поражает не менее ее популярности.*

3. Дублирование К. Так, в примере (13) используется рассматриваемая единица, которая приводится в тексте целых три раза, следуя одна за другой и каждый раз повышая таким образом значимость объекта Y, один ли он или их несколько, и занижая роль объекта X, ср.:

13) *Куда Клериссо (X) до Пиранези (Y) — урбаниста в камзоле, фантаста-наркомана, Гоёе от архитектуры. Куда ему (X) до Гюбера Робера (Y) — меланхолического лирика, певца транзита, который gloria mundi. Куда ему (X) до Каспара Давида Фридриха (Y) — романтика-символиста, воздвигавшего свои руины как границы меж временем и вечностью...*

4. Иногда для сравнения используется не одна К, а несколько синонимичных⁶:

14) *Франция и Германия в своих спорах за Эльзас и Лотарингию просто отдыхают. :) И Балканы, эта «пороховая бочка Европы», за которые полегло немало людей из Европы и Азии, тоже нервно курит в сторонке. :) Елена Прекрасная меркнет. Куда им всем (X) до села Зюзина (Y).*

5. Рассматриваемая К способна, как и другие, расширяться за счет дополнительных усилительных частиц, которые представляют с данной единицей одно целое, ср.:

15) *Скажем так — это смешная комедия (хотя, конечно, не такие уж эти немцы великие актеры-комики — куда им (X) даже и до Эдди Мерфи (Y) и Джима Керри (Y)), но совсем не умная пародия.*

Возможны, разумеется, и другие подобные «расширители», подчеркивающие экспрессивный характер рассматриваемой разговорной сравнительно-оценочной конструкции.

⁶ О сравнительно-оценочной конструкции <P — N₁ отдыхает> (в принятых в настоящей статье обозначениях: <Y — X отдыхает>), синонимичной рассматриваемой, см., например: [Колосовская 2021].

Выводы

В работе проанализирована сравнительно-оценочная конструкция, которая фиксируется не только в устной речи, но и в письменных источниках, представляющих собой *квазиспонтанную* (устно-письменную) *речь*, что доказывает активное функционирование данной К в повседневном общении на русском языке.

В рассматриваемой К <куда X-у до Y-а> присутствуют переменные компоненты (слоты) X и Y, на которых сосредоточено исследовательское внимание. Их вариативность — характерная черта конструкций в понимании СxG. Сравнимые объекты способны дублироваться местоимениями, конкретизироваться и расширяться, они могут находиться в различных позициях в структуре К, а также использоваться как изолированно в восклицательных предложениях, так и в паре с другими объектами.

Комментарии из социальных сетей в ГИКРЯ очень напоминают устное общение, хотя, строго говоря, таковыми не являются. Примеры из устного и газетного подкорпусов НКРЯ представляют собой как реальную устную речь, так и ее имитацию (в газетных текстах или речи кино). Последние отличаются большей степенью подготовленности, чем обычные комментарии людей. Основная цель любой журнальной публикации — быть понятной читателю, поэтому автор должен уточнять все элементы, которые использует в своем тексте. Тем не менее в ходе повседневной коммуникации носители языка прибегают к речевой экономии, что во многом объясняет высокий процент ситуаций, где в рамках К происходит дублирование одного из объектов местоимением.

Материалы проведенного исследования могут пополнить практический арсенал коллоквиалистики, а также рассматриваются как элементы *лингвистики креатива*, для которой характерно «творческое начало, эвристичность, противостояние автоматизму, банальности, что свойственно далеко не только языку поэзии или, шире, художественному дискурсу, но в определенной мере свойственно и всем иным дискурсивным практикам, в том числе разговорной» [Харченко 2012: 147].

Литература

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта; Наука, 2013. 312 с.
- Богданова-Бегларян Н. В., Цуй Лили. Грамматическая специфика повседневной русской речи: на стыке конструкции и коллокации // Русская грамматика: структурная

- организация языка и процессы языкового функционирования / Ред. О. И. Глазунова, К. А. Рогова. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 466–475.
- Величко А. В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016. 411 с.
- Генеральный интернет-корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webcorpora.ru> (дата обращения: 23.06.2024).
- Добровольский Д. О.* Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
- Иомдин Л. Л.* Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог 2006». М.: РГГУ, 2006. С. 202–206.
- Князев Ю. П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
- Коган Е. С.* О статусе некоторых устойчивых единиц в речи социальной микрогруппы // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Т. 10. Вып. 3. 2018. С. 42–51.
- Колосовская Т. Л.* Чувство юмора – «Камеди клуб» отдыхает: об одной устойчивой оценочной конструкции, или Кто может отдыхать? // Русская речь. 2021. № 4. С. 17–32.
- Коптев М. В.* Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. 126 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.06.2024).
- Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л.* Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.
- Харченко В. К.* Креатив разговора // Лингвистика креатива – 2: Кол. монография / Ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 147–164.
- Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 377 с.
- Шмелев Д. Н.* О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C.* Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // Language. 1988. Vol. 64 (3). Pp. 501–538.
- Goldberg A.E.* Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago press. 1995. 265 p.

References

- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. *Osnovy frazeologii (kratkii kurs)* [The Basics of Phraseology (a Short Course)]. Moscow, 2013. 312 p.
- Bogdanova-Beglarian N. V., Tsui Lili. [Grammatical Specificity of Everyday Russian Speech: at the Junction of Construction and Collocation]. *Russkaya grammatika: strukturnaya organizatsiya yazyka i protsessy yazykovogo funktsionirovaniya* [Russian grammar: the structural organization of language and the processes of linguistic functioning]. Moscow, LENAND Publ., 2019, pp. 466–475. (In Russ.)
- Dobrovol'skii D. O. [Grammar of Constructions and Phraseology]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2016, no. 3, pp. 7–21. (In Russ.)
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. *Language*, 1988, no. 64 (3), pp. 501–538. (In Eng.)
- General'nyi internet-korpus russkogo yazyka* [General Internet Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://www.webcorpora.ru> (accessed 23.06.2024).
- Goldberg A. E. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, 1995. 265 p.
- Iomdin L. L. [Polysemous Phrasemes: Between Vocabulary and Syntax]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhd. konferentsii "Dialog 2006"* [Computational linguistics and intelligent technologies. Proceedings of the international conference "Dialogue 2006"]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2006, pp. 202–206. (In Russ.)
- Kharchenko V. K. [Creative Conversation]. *Lingvistika kreativa – 2: Kol. monografiya* [Linguistics of creativity–2: Col. monograph]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 147–164. (In Russ.)
- Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammar Semantics: Russian in a Typological Perspective]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2007. 704 p.
- Kogan E. S. [On the Status of Some Stable Units the Discourse of a Small Social Group]. *Vestnik Permskogo un-ta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2018, no. 3, pp. 42–51. (In Russ.)
- Kolosovskaya T. L. [*Sense of Humor – "Comedy Club"* is Resting: about One Stable Evaluation Structure in Russian, or Who Can Have a Rest?]. *Russkaya rech'*, 2021, no. 4, pp. 17–32. (In Russ.)
- Kopotev M. V. *Printsipy sintaksicheskoi idiomatizatsii* [Principles of syntactic idiomatization]. Helsinki, Helsinki University Press Publ., 2008. 126 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 23.06.2024).
- Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. [Grammar of Constructions: Theory, Supporters, Close Ideas]. *Lingvistika konstruktivnaya* [The linguistics of constructions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 18–79. (In Russ.)

Т. Л. Кологовская. О компонентах разговорной сравнительно-оценочной конструкции <куда X-у до Y-a>
T. L. Kolosovskaya. On the Components of the Conversational Comparative Evaluative Construction <kuda X do Y>

Shmelev D. N. [On “Related” Syntactic Constructions in the Russian Language]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1960, no. 5, pp. 47–60. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960, 377 p.

Velichko A. V. *Predlozheniya frazeologizirovannoi struktury v russkom yazyke: strukturno-semanticheskoe i funktsional'no-kommunikativnoe issledovanie* [Sentences of Phraseologized Structure in the Russian Language: Structural-semantic and Functional-communicative Research]. Moscow, MAX Press Publ., 2016. 411 p.

О лакунах и неточностях в описании религиозной лексики (заметки лексикографа)

Алексей Эдуардович Цумарев, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), zumarew@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611725010045

АННОТАЦИЯ: В заметках рассматривается проблема неполного и неточного описания современной религиозной лексики в толковых словарях русского языка. Обсуждаются следующие темы, связанные с этой проблемой: полисемия слова *автокефалия* (ср. *получить автокефалию* и *управлять автокефалией*), нормативность глагольного словосочетания *венчать брак*, пополнение словаря толкового словаря производными словами на примере прилагательных *апсидный* (*выступ*) и *постовой* (*благовест*), переходность глагола *кадить* (*кадить иконы*). Подчеркивается важность внимательного анализа церковного узуса (официального и неофициального), влияющего на общелитературную речь, и необходимость пересмотра ряда традиционных словарных описаний. Конкретные примеры представлены в свете взаимосвязи таких понятий, как система, узус, норма (лексическая и грамматическая). Показывается, что для адекватного осмысления места лексической единицы в языковой системе, особенностей ее функционирования в речи и оценивания ее нормативного статуса целесообразно привлечение широкого круга словарных источников: лингвистических словарей (как современных, так и исторических) и энциклопедий (универсальных и отраслевых). Источниками языкового материала служат разнообразные в стилистическом и жанровом отношении тексты: научные (в том числе богословские) и научно-популярные, публицистические (включая газетные) и художественные; тексты могут быть

А. Э. Цумарев. О лакунах и неточностях в описании религиозной лексики (заметки лексикографа)

A. E. Tsumarev. On Gaps and Inaccuracies in the Description of Religious Vocabulary (Lexicographer's Notes)

официальные и обиходные, письменные и устные (например, проповедь или интервью со священнослужителями).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современный русский литературный язык, языковая система, языковая норма, церковный узус, религиозная лексика, толковая лексикография, словарь, словник, лексическое значение, семантические отношения, грамматические характеристики

для цитирования: Цумарев А. Э. О лакунах и неточностях в описании религиозной лексики (заметки лексикографа) // Русская речь. 2025. № 1. С. 52–64. DOI: 10.31857/S0131611725010045.

благодарности: Автор благодарит Л. Л. Шестакову (ИРЯ РАН) за внимательное прочтение текста и ценные замечания.

Issues of Modern Russian Language

On Gaps and Inaccuracies in the Description of Religious Vocabulary (Lexicographer's Notes)

Alexei E. Tsumarev, Vinogradov Russian Language Institut of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), zumarew@yandex.ru

АБСТРАКТ: The notes deal with the issue of incomplete and inaccurate descriptions of modern religious vocabulary in the explanatory dictionaries of the Russian language. Several topics related to this issue are discussed: the polysemy of the word *автокефалия* (“autocephaly”, e. g. *получить автокефалию* “to get autocephaly” and *управлять автокефалией* “to manage the autocephaly”), the normativity of the verb phrase *венчать брак* (‘of marriage: to canonically bless, consecrate, performing such a rite’), the addition of derivative words to the dictionary word list, such as *апсидный* (“apsidal”) и *постовой* (“lenten”, ‘related to the church fast’), and the transitivity of the verb *кадить* (“to incense”). The importance of careful analysis of both official and unofficial church usage in relation to general standard speech is emphasized, as well as the need to revise some traditional dictionary

descriptions. Specific examples are provided in the context of the interrelationship between concepts such as system, usage, and norm (lexical and grammatical). It has been shown that in order to adequately understand the place of a lexical unit within the language system, as well as its functioning in speech and its normative status, it is beneficial to consult a wide range of dictionary sources. These include linguistic dictionaries (both modern and historical) as well as encyclopedias (both universal and specialized). The sources for linguistic material can be stylistically and genre-diverse, including scientific (particularly theological) and popular science texts, journalism (for example newspapers) and artistic literature. These texts can be official or everyday, written or oral (such as sermons or interviews with the clergy).

KEYWORDS: modern Russian standard language, linguistic system, linguistic norm, church usage, religious vocabulary, explanatory lexicography, dictionary, lexical meaning, semantic relations, grammatical characteristics

FOR CITATION: Tsumarev A. E. On Gaps and Inaccuracies in the Description of Religious Vocabulary (Lexicographer's Notes). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 1. Pp. 52–64. DOI: 10.31857/S0131611725010045.

В данных заметках на примере нескольких лексических единиц показывается наличие разнообразных лагун в словарном описании лексики, относящейся к сфере религии. Объем включаемых в словарь сведений о религиозной лексике зависит от типа словаря и его концепции. Особенно подробного и развернутого описания лексики, разумеется, следует ожидать в большом толковом словаре, в то же время и средний, и краткий толковые словари (по классификации С. И. Ожегова) в известной мере должны отражать особенности той части современного литературного языка, которая тесно связана с областью духовной жизни и религиозного сознания. Обнаруживаемые пробелы и неточности касаются фиксации лексической и грамматической норм в лингвистическом словаре: в ряде случаев требуется выявление словообразовательных связей и пополнение словника новыми единицами, уточнение семантических отношений (полисемии, синонимии, омонимии), отражение грамматических характеристик (наличие форм числа, переходность и др.). Необходимость усовершенствования словарного описания многих слов с религиозной сферой функционирования была осознана автором заметок в ходе работы над «Академическим толковым словарем русского языка» [Крысин (ред.) 2016].

Обсуждаемые далее конкретные случаи имеют отношение к таким общим вопросам лексикографирования словарного состава языка, как: 1) реализация возможностей языковой системы в ответ на коммуникативные потребности говорящего/пишущего, 2) исследование церковного узуса и влияния специальной (церковной терминологической и профессиональной) лексической нормы на общелитературную норму, 3) согласование энциклопедических и лингвистических словарных источников при кодификации лексики.

Думается, что учет языковых данных религиозного стиля может дополнить наши представления о современном русском литературном языке, его разновидностях и о лексических ресурсах и, как следствие, способствовать совершенствованию описания лексики в словарях XXI в., решению «задачи нормативного толкового словаря — кодификации реальной литературной нормы» [Воронцов 2023: 101].

Рассмотрим некоторые из встретившихся нам случаев (многие текстовые иллюстрации, приводимые в полном или сокращенном виде, взяты из Национального корпуса русского языка — НКРЯ).

АВТОКЕФА́ЛИЯ. Обзор ряда словарей показывает, что в словарных источниках (как лингвистических, так и энциклопедических) это слово подается как моносемичное (впрочем, в «Большом академическом словаре» [Горбачевич, Герд (гл. ред.) 2004] статья «Автокефалия» отсутствует, хотя есть статья «Автокефальный»). Сравним три описания:

АВТОКЕФА́ЛИЯ, -и, ж. В разных странах: православная церковь, имеющая самостоятельную организацию и не зависящая от других церквей [Шведова (ред.) 2007];

Автокефа́лия [от греч. ‘autos’ сам и ‘kephalē’ голова]. Самоуправление; независимый статус поместной Церкви, имеющей собственного предстоятеля (патриарха или митрополита) [Скляревская 2016];

Автокефа́лия (греч. αὐτοκέφαλον, буквально — самоглавие), статус поместной церкви в строе Вселенской (по учению и практике православной церкви) [Большая российская энциклопедия].

И действительно, перед нами полисемичная лексическая единица, у которой вполне отчетливо выделяются два значения, связанные отношениями метонимии. Эти значения различаются сочетаемостью и грамматической характеристикой.

Для значения ‘самоуправление’ (оно, как следует полагать, опираясь на данные НКРЯ, является более ранним) типична, например, такая сочетаемость: *автокефалия Болгарской православной Церкви; право на автокефалию; предоставить автокефалию.*

Производное прилагательное *автокефальный* в словосочетании *автокефальная церковь* можно истолковать как ‘обладающая автокефалией’, и очевидно, что компонент *автокефалия* имеет здесь значение ‘самоуправление’.

Для другого значения — ‘православная церковь, обладающая самоуправлением’ — характерны следующие контексты: *образовать автокефалию, возглавлять автокефалию, иметь статус автокефалии*. В этом значении слово *автокефалия* синонимично словосочетанию *автокефальная церковь*.

Важно, конечно же, и грамматическое отличие: если значение ‘самоуправление’ не предполагает форм множественного числа, то в значении ‘православная церковь’ то же самое слово легко и естественно образует эти формы: (1) *Национальные автокефалии не отдельные Церкви, а независимые церковно-административные объединения*. Митрополит Евлогий (Георгиевский). Церковная смута; (2) *В условиях ожесточенной гражданской войны и целенаправленного гонения на Церковь со стороны большевиков патриарх Тихон подготавливает постановление о временных автокефалиях, дававшее архиереям особые права самоорганизации*. О. Платонов. История русского народа в XX веке.

Таким образом, полноценное, целостное описание слова *автокефалия* в общем толковом словаре должно включать в себя оба выше обсужденных значения, с соответствующими семантическими, сочетаемостными и грамматическими характеристиками, и это особенно важно для словаря большого объема.

ВЕНЧАТЬ. Здесь нас будет интересовать словосочетание *венчать брак*. На вопрос о корректности этого сочетания оператор Справочной службы портала «Грамота.ру» дал половинчатый и скорее отрицательный ответ (№ 293066): «Такое сочетание в большинстве контекстов некорректно».

Венчать брак — выражение старинное. Святитель Тихон Задонский в «Инструкции о совершении браков» (1767) писал: *Когда в своем приходе поп хочет брак венчать, то должен смотреть, первым ли, или вторым браком в супружество вступают сопрягаемые лица*. В «Дневниках» святителя Николая Японского (Касаткина) встречаем, кроме того, следующие словоупотребления: *В Японии до 16 июля 1890 г. браки фиктивно венчались как бы в Англии, ибо иностранцы подлежали своим собственным законам; [Епископ Одрей] объявил, что больше 30 браков, повенчанных английскими пасторами в Йокохаме, — суть незаконные пред английским законом* (1908).

«Венчание брака» — так называется статья в многотомном труде [Православная энциклопедия], существует и церковный термин *браковенчание*. В официальном документе «О канонических аспектах церковного брака»,

в котором сформулированы правила совершения обряда (обязательные условия, препятствия и т. д.), упоминается, в частности, о «недопустимости практики лишения Причастия лиц, живущих в **невенчанном** браке». Одним словом, выражение *венчать брак* является несомненно нормативным для церковной речи, при этом оно не является узкоспециальным: в форме *венчаный брак* оно хорошо знакомо рядовым верующим.

Во всех толковых словарях у слова *венчать*, понимается, фиксируется значение ‘совершить — совершать церковный обряд бракосочетания — возложение венцов на головы жениха и невесты’ [Кузнецов (ред.) 2008], ср. также следующее объяснение: ‘человек А1, имеющий право совершать обряд церковного бракосочетания, совершает его над женихом А2 и невестой А3 и надевает на их головы венцы’ [Апресян (ред.) 2014]. Однако в сочетании со словом *брак* глагол *венчать* имеет особую семантику, которую только что приведенные толкования не покрывают. Поэтому можно предложить при основном значении дать отсылающий к нему смысловой оттенок: ... || О браке: освятить (освящать), канонически благословить (благословлять), совершив (совершая) такой обряд. *Патриарх Никифор — снял в 806 г. запрещение со злополучного аввы Иосифа, венчавшего неканонический брак Константина VI с Феодотой.* А. Карташев. Вселенские соборы; *То, что первый брак не венчан, — это не основание для того, чтобы пренебречь им и без гражданского развода венчать новый.* Архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн, М. Городова. Любовь долготерпит.

Выражение *венчаный брак* имеет известное преимущество перед синонимичным выражением *церковный брак*: оно позволяет напрямую связать определенное действие с его результатом, характеризует брак по способу его совершения.

АПСИДНЫЙ. Особая тема — лексикографирование производных слов, в частности имен прилагательных. Термин *апсида* (в отличие от *контр-апсида*) не является узкоспециальным, и поэтому он включается в общие толковые словари, например: **АПСИДА**, -ы, ж. *Архит.* Полукруглый (иногда многоугольный) выступ в стене христианских церковных зданий [Евгеньева (ред.) 1981]. Внутри апсиды располагается важнейшая часть храма — алтарь.

Есть ли у этого существительного производное прилагательное? Лингвистические словари, даже самые обширные по словнику — [Горбачевич, Герд (ред.) 2004–], [Лопатин, Иванова (ред.) 2018], не фиксируют его. Между тем в языке существует слово *апсидный*, на котором мы и остановимся (в научных текстах, относящихся к различным областям знания (не только к архитектуре), также встречается узкоспециальное слово *апсидальный*):

*На глыбах явственно различимы **апсидные** закругления и другие архитектурные детали.* В. Белов. Раздумья на Родине; *Интересна сохранившаяся часть подклетного этажа в форме двух **апсидных** полукружий.* Г. Бочаров, В. Выголов. Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск; ***Апсидная** часть Пантелеймоновской церкви представляет орнаментацию, выполненную кирпичной кладкой.* Д. Васильев. Православные святые Балкан; *Над престолом, в центральном **апсидном** полукуполе — роспись «Сошествие во ад, или Воскресение».* С. Н. Забелин. Русские церкви в Европе; ***Апсидная** мозаика XVII века — родом из венецианской Сан-Чиприано.* К. Самарина. Берлин.

В литературе, связанной с архитектурой, изобразительным искусством и историей, широко используется также вторая часть ...*апсидный* в составе сложных слов, характеризующих храм по количеству соответствующих конструктивных элементов, например: *В архитектуре одноглавого **трех-апсидного** храма, сложенного из каменных блоков, сочетаются традиции русского и романского зодчества* (журнал «Вокруг света», 01.03.2023).

Принимая во внимание приведенные данные, полагаем, что прилагательное *апсидный* должно занять в словарях, последовательно отражающих языковую системность, свое место рядом с производящим существительным.

ПОСТОВОЙ. Обратимся к еще одной, не менее интересной производной лексической единице. Для слова *пост*¹ ('воздержание от скоромной пищи и другие ограничения по предписанию церкви, а также соответствующий период') все толковые словари указывают единственное производное прилагательное *постный* (*постная пища*), а для его омонима *пост*² ('место постоянного дежурства, наблюдения') — прилагательное *постовой* (*постовая будка*). Также и в специализированном толково-энциклопедическом словаре [Скляревская 2016] в гнезде слова *пост* дано прилагательное *постный*, в двух значениях: 1) 'относящийся к посту' (*постные дни*); 2) 'такой, какой можно есть во время поста (о пище); не скоромный' (*постный стол*).

Между тем наблюдения за церковным узусом (устным и письменным), а также, подчеркнем, за газетно-публицистическими текстами, связанными с религиозной тематикой и при этом обращенными к неограниченному кругу читателей, обнаруживают, скажем, следующие сочетания: *постовое облачение, постовой устав, постовые звоны, постовые размышления, постовые чтения, постовые поклоны, постовые песнопения, постовые особенности богослужения, постовые ограничения.* Публицистические примеры: — *Во время Великого поста по субботам и воскресеньям отменяется **постовое** богослужение* (Комсомольская правда, 25.03.2011); — *За две недели до отказа от определенных видов пищи в храмах уже*

поются и читаются **постовые** молитвы (Аргументы и факты — Ставрополь, 06.03.2021) и др.

В приведенных примерах прилагательное *постовой* выступает в значении 'осуществляемый, совершаемый во время церковного поста' или 'характерный, предназначенный для церковного поста'. Все эти смысловые оттенки не выходят за рамки семантики относительности, *постовой* — чисто относительное прилагательное, не демонстрирующее образования качественных, оценочных значений, которые есть у *постный* (*постный вид, постный голос* и т. п.).

Адъективное определение *постовой* является официально принятым в церковном узусе. Достаточно сказать, что в «Православной энциклопедии», упомянутой выше, предусмотрена отсылка к разрабатываемой статье «Постовое богослужение». В этой же энциклопедии в статье «Звон» при упоминании исторически сложившихся разновидностей колоколов говорится, что «в порядке убывания веса и в соответствии с типом богослужения различали большой, или праздничный, воскресный, полиелейный, будничный (вседневный, или простодневный), великопостный (**постовой**) колокола» (впрочем, наряду с этим в текстах, посвященных звонарскому искусству, обычным является сочетание *постный колокол*, а термин *постный благовест* закреплён в официальном «Уставе церковного звона», 2002).

Слово *постовой* звучит также и в неофициальных контекстах, обращенных к широкому кругу читателей, интересующихся религией. Так, в предисловии к книге американского диетолога Р. Мэддэн «Еда, вера, пост. Как найти баланс между заботой о душе и теле» известный церковный автор игумен Нектарий (Морозов) пишет: *Кто-то боится лишить себя даже малости и воспринимает **постовое** воздержание как нечто губительное, невыносимое для человеческой природы.*

Важно подчеркнуть, что прилагательное *постовой* не является новшеством для церковного языка: автор дореволюционного «Полного церковнославянского словаря» протоиерей Григорий Дьяченко в работе «Общедоступные беседы о богослужении православной церкви...» (1898) один из разделов озаглавил как «О богослужении постовом».

Примечательно, что иногда прилагательное *постовой* стремится вытеснить прилагательное *постный* с его «законных», привычных, казалось бы, большинству носителей литературного языка позиций, начинает конкурировать с ним в качестве синонима (например, в сочетании со словами *день* или *кухня*): **Постовыми** днями устав называет те дни, в которые положена одна трапеза — после вечерни. Игумен Мелхиседек (Крахмалёв). Богослужебный устав; В романе И. Шмелева «Лето Господне» описан московский рынок, на который со всех концов России привозили продукты

для *постовой* кухни. Богатство *постового* рынка поражает читателя. Н. А. Новоселов. Великий пост и Пасха в народной культуре Приенисейской Сибири.

Стоит добавить, что словообразовательная цепочка «пост → постовой» развивается за счет приставочных образований: *Так получилось, что предпостовое праздничное время, которое принято у нас называть Масленицей и которое является издревле временем веселья, совпадает с еще более древним обычаем Церкви — в это время читать Евангелие о Суде Божиим и размышлять о Суде.* Протоиерей Александр Мень. О Страшном суде; *Можно вспомнить традицию, по которой широкое празднование дня рождения переносится с поста на послепостовой период.* Протоиерей Андрей Ефанов. Если пост нестрогий...

Встретилось также и наречие: *40-кратное «Господи помилуй» заменяет собой сугубую ектению также и на вечерне и на утрени, когда они оканчиваются по-постовому.* М. Бернацкий. «Господи, помилуй!».

Приведенные сведения, как кажется, говорят в пользу того, что в толковом словаре при установке на полноту отражения языковой системы необходимо описывать два производных прилагательных к слову *пост*¹ (*постный*, *постовой*) и, соответственно, два омонима (с добавлением характерных для них речений и текстовых иллюстраций): **ПОСТОВОЙ**¹ (к *пост*¹. *Постовое богослужение*) и **ПОСТОВОЙ**² (к *пост*². *Постовой полицейский*).

КАДИТЬ. Словари современного русского языка описывают глагол *кадить* как непереходный: в [Евгеньева (ред.) 1982] при нем нет пометы *перех.*, в [Шведова (ред.) 2007] и [Бабенко (ред.) 2007] — альтернативной пометы *кого-что*, а [Горбачевич, Герд (ред.) 2007] эксплицитно маркирует его пометой *неперех*. Толковые словари, начиная с 17-томного «Словаря русского литературного языка» [Бабкин, Сорокин (ред.) 1956], друг за другом приводят соответствующий, без прямого дополнения, пример *Дьякон кадил, кланялся ей [Пелагее], улыбался* (М. Горький. Мать). Традиционное толкование строится на основе глагола *курить* (например, в [Шведова (ред.) 2007]: «курить ладаном, ароматическим веществом, размахивая кадилом»). В [Бабенко (ред.) 2007] предлагается иное толкование, близкое к толкованию в [Скляревская 2016], со стержневым глаголом *окуривать*: «окуривать ладаном (храм, священнослужителей, прихожан) из раскачиваемого кадила (подвешенного на цепочке металлического сосуда с крышкой) в определенные моменты богослужения». Последнее толкование вводит в фокус внимания объект действия («храм, священнослужители, прихожане»), но не меняет грамматической характеристики глагола (помета *кого-что* не появляется).

Ключом к точному представлению о грамматической природе этого глагола может служить следующий текст из церковно-просветительского журнала «Фома», раскрывающий сущность обряда, а в связи с этим и семантику глагола: «Каждение — образ молитвы. Как дым легко возносится вверх, так и наша молитва должна устремляться к Богу. Когда священнослужитель кадит престол, иконы и другие священные предметы, он воздает Богу и святым подобающую честь. Еще благовонный дым ассоциируется с благодатью и любовью Божией. Во время каждения людей в храме они освящаются невидимым благословением Святого Духа».

Каждение может быть (1) действием, которое изображено как не направленное на объект: *В определенные дни приходил в дом священник с крестом, кадил и кропил, сопровождаемый нестройным пением дьячка и причетника*. П. Милюков. Воспоминания; — *Мир вам! — возгласил с амвона отец Валерий, кадя во все стороны*. С. Каледин. Поп и работник; (2) действием, направленным на объект, выраженный косвенным дополнением: *Архиерей кадит на св. мощи трижды по трижды*. С. Диомидов. Указатель порядка архиерейских служений (ср. *кадит св. мощи*); *Зыков кадил иконам, кадил молящимся*. В. Шишков. Ватага (ср. *кадит иконы, кадит молящихся*); (3) действием, направленным на объект, выраженный прямым дополнением: *Началось всенощное бдение. Перед этим кадили алтарь*. В. Никифоров-Волгин. Святое святых; *Протопоп --- с очередным протодиаконом ходят по церкви, со звоном цепочек кадя иконы и людей (они тоже иконы, то есть образ Божий в них)*. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох; *Папа Христофор внимательно кадит празднично убранную могилку*. Монахиня Игнатия (Петровская). О Святейшем Патриархе Алексии I; *Священник выходил со свечами для жениха и невесты, и затем кадили их*. Митрополит Антоний (Блум). Таинство любви; *Служебник предписывает кадить престол, алтарь и священника. На практике кадят также иконостас, хор и народ*. Е. Макаров. Каждение.

Глагол *кадить* в последнем случае можно поставить в один ряд с такими переходными глаголами, как *крестить, святить, кропить*: они называют священнодействия, обращенные на какие-либо предметы (или на кого-либо), которым, по убеждению верующих, вследствие этих специальных действий сообщается благодатная сила: *Под подушкой, которую я неизменно крещу на ночь, — маленький серебряный складень*. Д. Лихачев. Воспоминания; *Жена у него была неверующая, приходила в церковь раз в год, в Великую субботу, святить куличи*. М. Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние; *Наконец показался священник с кувшином святой воды и с кропилом и начал кропить пасхи, куличи и яйца*. Н. Лейкин. На заработках.

Нельзя не вспомнить при этом, что в «Словаре Академии Российской» статья этого глагола включает в себя примеры *кадить образа, алтарь,*

предстоящих в храме, а в «Словаре русского языка XVIII века» [Сорокин 1997] словарная статья включает в себе основное значение ‘курить ладаном’ и оттенок ‘окуривать кого-, что-л.’. Последний снабжен грамматической пометой *кого-что* и стилистической *церк.-слав.* (церковнославянское). Тексты религиозного стиля свидетельствуют об актуальности такой семантической структуры для глагола *кадить* и в его современном функционировании.

Таким образом, глагол *кадить* в зависимости от семантики может употребляться в современном языке и как переходный, и как непереходный, и этот факт, конечно, следовало бы отмечать в лингвистических словарях.

С рассмотренным глаголом связан еще один вопрос, касающийся однокоренной видовой пары *окадить* — *окаждать*, которая не фиксируется лингвистическими словарями, хотя языковая система в случае необходимости, безусловно, позволяет говорящему образовать нужные лексемы: *Преосвященный окадил весь Собор*. Святитель Николай Японский (Касаткин). Дневники; *Батюшку облачили во все светлое. Он то появлялся в алтаре, то исчезал, окаждая престол*. В. Личутин. Душа неизъяснимая.

На этом мы завершим разбор примеров и подведем итоги.

Проанализированные случаи свидетельствуют о важности внимательного лексикографирования религиозной лексики, поскольку традиционные описания нередко оказываются неполными, не вполне корректными. При этом обязателен учет энциклопедических и официальных, нормативных церковных источников, необходимы наблюдения над религиозным дискурсом, обращенным к массовому адресату (газетные интервью со священнослужителями, просветительские материалы и т. д.), анализ публицистических, художественных, мемуарных произведений, касающихся духовных тем. Наличие в религиозных текстах каких-либо языковых особенностей, разумеется, не означает их немедленного, неограниченного отражения в лингвистических словарях общего назначения, однако если те или иные языковые явления религиозного стиля вплетаются в ткань современного общелитературного языка, знакомы многим его носителям, тогда они должны найти себе подобающее место в этих словарях.

Литература

Апресян Ю. Д. (ред.). Активный словарь русского языка. Т. 2. В–Г. М.: Языки славянской культуры, 2014. 736 с.

Бабенко Л. Г. (ред.). Большой толковый словарь русских глаголов: свыше 10 000 глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. 573 с.

- Бабкин А. М., Сорокин Ю. С. (ред.). Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Т. 5. И–К, 1956. 1918 стб.
- Большая российская энциклопедия: В 35 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 19.04.2024).
- Воронцов Р. И. Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии: к проблеме типологии словарей // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 87–108.
- Горбачевич К. С., Герд А. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1 – М., СПб.: Наука, 2004 – Т. 1. А–Бишь. М., СПб.: Наука, 2004. 661 с.; Т. 7. И–Каюр. М., СПб.: Наука, 2007. 728 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1: А–Й, 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. 696 с.; Т. 2: К–О. М.: Русский язык, 1982. 736 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Вилять. Т. 2: Вина – Гяур. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
- Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь: около 200 000 слов. Изд. 5-е, испр. М.: АСТ-Пресс школа, 2018. 879 с.
- Православная энциклопедия / Под общ. ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II (с 2009 – патриарха Московского и всея Руси Кирилла). М., 2000– [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru> (дата обращения: 19.04.2024).
- Склярёвская Г. Н. Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Контраст, 2016. 688 с.
- Словарь Академии Российской. Ч. III: З–М. СПб.: Императорская Академия наук, 1792. 1388 стб.
- Сорокин Ю. С. (ред.). Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 1997. Вып. 9. (Из – Каста). 270 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

References

- Apresyan Yu. D. (ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kul'tury Publ., 2014. 736 p.
- Babenko L. G. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh glagolov: svyshe 10 000 glagolov. Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy. Angliiskie ehkvivalenty* [The Large Explanatory Dictionary of Russian verbs: over 10,000 verbs. An ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2007. 573 p.
- Babkin A. M., Sorokin Yu. S. (eds.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 tomakh* [The Dictionary of Modern Russian Standard Language in 17 volumes]. Vol. 5. Moscow, Saint-Petersburg, USSR Academy of Sciences Publ., 1956. 1918 cols.

- Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya v 35 tomakh* [The Great Russian Encyclopedia in 35 volumes]. Available at: <https://bigenc.ru> (accessed 19.04.2024).
- Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (ch. eds.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1 – Moscow, Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004–. Vol. 1. Moscow, Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004. 661 p.; Vol. 7. Moscow, Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2007. 728 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh* [The Dictionary of the Russian Language]. 2nd, rev. and exp. ed. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981. 696 p.; Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1982. 736 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1; Vol. 2. Moscow, Publ. House YASK, 2016.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint-Petersburg, Norint Publ., 2008. 1536 p.
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (ed.). *Russkii orfograficheskii slovar': okolo 200 000 slov* [Russian Orthographic Dictionary: about 200,000 words]. 5th ed. Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2018. 879 p.
- Pravoslavnaya ehntsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Available at: <https://www.pravenc.ru> (accessed 19.04.2024).
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language (with the inclusion of information about the origin of words)]. Moscow, Publ. Center "Azbukovnik", 2007. 1175 p.
- Sklyarevskaya G. N. *Leksika sovremennogo russkogo pravoslaviya. Tolково-ehntsiklopedicheskii slovar'* [Lexicon of Modern Russian Orthodoxy. Explanatory and Encyclopedic Dictionary]. Saint-Petersburg, Kontrast Publ., 2016. 688 p.
- Sorokin Yu. S. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [The Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 9. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997. 270 p.
- Vorontsov R. I. [Normativity Within the System of Fundamental Categories of Explanatory Lexicography: To the Problem of Dictionary Typology]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2023, vol. 82, no. 5, pp. 87–108. (In Russ.)

Из истории русского языка

Редукция: краткая история понятия (XVIII–XX вв.)

Юрий Юрьевич Макаров, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия),
Институт языкознания РАН (Москва, Россия), yurmak@iling-ran.ru

DOI: 10.31857/S0131611725010054

аннотация: Понятие *редукции* обсуждается в большинстве курсов фонетики, а также часто используется в современных лингвистических работах. Будучи общеизвестным, оно тем не менее понимается крайне разнообразно в зависимости от области исследования и традиции. Вопреки распространенному представлению, этот термин используется не только применительно к гласным. В статье кратко рассматривается его история в XVIII–XX вв. С опорой преимущественно на русско- и англоязычные источники делается попытка установить период, в котором явление устойчиво входит в лингвистический узус и получает первые определения (XVIII–XIX вв.). В связи с этим специальное внимание уделяется «Основам фонетики» Эдуарда Зиверса, где впервые было дано развернутое описание *редукции*. Затем описывается процесс вхождения этого понятия в российскую филологическую традицию: рассматриваются термины-заменители, использовавшиеся в языковедческих трудах до конца XIX в., а также определяется период, в котором *редукция* закрепляется в русскоязычном узусе. В частности, устанавливается, что в восприятии *редукции* русскоязычными исследователями немалую роль сыграл вышеупомянутый труд Зиверса. В заключение кратко описывается использование понятия в XX в.; особое внимание уделяется смещению внимания на вокалические процессы под влиянием трудов Л. В. Щербы и позже Бьёрна Линдблома. Примечательно, что наблюдения Щербы над гласными во многом предвосхищали концепцию Линдблома, однако едва ли этот факт получил заслуженное внимание в мировой фонетической литературе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фонетика, фонология, история лингвистики, редукция, терминология

для цитирования: Макаров Ю. Ю. Редукция: краткая история понятия (XVIII–XX вв.) // Русская речь. 2025. № 1. С. 65–82. DOI: 10.31857/S0131611725010054.

благодарности: Автор признателен В. А. Плунгяну за обсуждение черновика статьи, а также анонимному рецензенту за полезные вопросы к оригинальной версии текста.

From the History of the Russian Language

Reduction: A Brief History of the Concept (18th–20th Centuries)

Yury Makarov, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), yurmak@iling-ran.ru

---

Abstract: The concept of reduction is discussed in most phonetics courses and is frequently used in modern linguistic research. Despite its common usage, it is understood in various ways depending on the research field and tradition. Contrary to popular belief, this term is not only applied to vowels. This article briefly examines its history from the 18th to the 20th centuries. Drawing primarily on Russian and English sources, an attempt is made to establish the period in which reduction consistently entered linguistic usage and received its first definitions (18th–19th centuries). Special attention is paid to Eduard Sievers' "Foundations of Phonetics", where a detailed description of reduction was first provided. Subsequently, the article describes the process of integrating this concept into the Russian philological tradition: substitute terms used in linguistic works until the end of the 19th century are examined, and the period in which reduction became established in Russian usage is determined. In particular, it is established that Sievers'

“Foundations...” played a significant role in Russian researchers’ perception of reduction. Finally, the paper briefly outlines the use of the concept in the 20th century; particular attention is paid to the shift of focus to vowel processes under the influence of the works of L. V. Shcherba and (later) Björn Lindblom. It is noteworthy that Shcherba’s observations on vowels largely anticipated Lindblom’s concept, yet this fact has scarcely received due attention in the phonetic literature.

KEYWORDS: phonetics, phonology, history of linguistics, Russian linguistics, reduction, terminology

FOR CITATION: Makarov Y. Reduction: A Brief History of the Concept (18th–20th Centuries). Russian Speech = Russkaya Rech’. 2025. No. 1. Pp. 65–82. DOI: 10.31857/S0131611725010054.

ACKNOWLEDGEMENTS: I am grateful to Vladimir Plungian and the anonymous reviewer for their insightful comments.

---

1. Введение

Каждый курс фонетики, который наследует в той или мере советской традиции, включает в себя разговор о редукции. Даже если эксплицитного определения этого понятия не дается, оно так или иначе используется при описании чередований гласных русского языка. Несмотря на то что владение термином *редукция* считается базовой компетенцией любого филолога или лингвиста, при детальном рассмотрении того, как он используется, возникает ощущение, что почти каждый раз в него вкладывается новый смысл. Цель этой статьи — кратко рассмотреть историю и многообразие значений понятия *редукция*.

В отличие от некоторых других терминов, автор которых известен, первое упоминание, а также *locus classicus* термина *редукция* установить крайне трудно¹. Причиной этому служат несколько факторов. Во-первых, разнообразие ранних лингвистических трудов и школ: необходим тщательный анализ текстов на датском (как у Р. Раска), латинском, немецком, французском и др., что выходит далеко за рамки этой статьи. Во-вторых, в основных европейских языках (в частности, в английском, немецком и французском) слово *редукция* и соответствующий глагол обладают и неспециальными значениями, связанными с идеей сокращения.

---

¹ Ср. более успешные попытки в связи с терминами *ассимиляция/диссимиляция* [Grotsch 1989], *коартикуляция* [Kühnert, Nolan 1999] и *лениция* [Honeybone 2008].

Соответственно, отличить терминологическое употребление от неспециального сколько-нибудь очевидным путем нельзя: в какой момент, например, англ. *reduced* перестает быть просто «сокращенным» и становится «редуцированным»? В-третьих, термин многозначен, и установить прототипический контекст, который стоило бы искать у авторов-классиков, затруднительно.

Далее будут кратко охарактеризованы несколько периодов из истории *редукции* с XVIII по XX в. с опорой в основном на русско- и англоязычные источники.

2. Англоязычные источники XVIII–XIX вв.

Слово *редукция* восходит к латинскому глаголу *reductiō*, имеющему два основных значения: 1) отодвигание назад и 2) возвращение, восстановление. Идеи сокращения в латинском языке еще не присутствует; на английской почве она развивается приблизительно к концу XVII в. [Harper]. В английских филологических текстах употребление причастия *reduced* в фонетических контекстах наиболее устойчиво фиксируется с конца XVIII в. Так, в словаре Джона Уокера (1732–1807), первое издание которого датируется 1791 г., говорится о редукции количества слогов («“No” вырезано из слова *cannot*, и эти два слога редуцированы до одного»² [Walker 1823: 21]) и о редукции в смысле монофтонгизации («Этот греческий дифтонг редуцирован до одной лишь долгой *i* в латинском»³ [Там же: 53]). Нельзя сказать, что в момент написания словаря это причастие уже использовалось терминологически, однако приведенные контексты показывают начальный этап его семантической эволюции.

К середине XIX в. термин *reduction* еще не устоялся: показательное отсутствие его современного (или близкого к таковому) определения в «Основах фонетики» («The Essentials of Phonetics») одного из ранних английских фонетистов Александра Джона Эллиса (1814–1890), где *reduction* — это сведение систем письма для разных языков к одной универсальной. К концу века, однако, Эллис уже использовал *reduced* в контексте звуковых изменений: «Определенный артикль редуцирован до простого *ee*, *i*»⁴ [Ellis 1890: 8]. Другие авторы того времени употребляли *reduced* похожим образом: «В английском обычно используется *au* (сейчас часто редуцированный до *a*) для старофранцузского *â*...»⁵ [Skeat 1884: xiv]. Показательно,

² «The *no* is cut out of the word *cannot*, and the two syllables reduced to one». Здесь и далее в русском переводе используется термин *редуцированный* для передачи англ. *reduced*.

³ «This diphthong in Greek is reduced to the single long *i* in Latin».

⁴ «The definite article is reduced to simple *ee*, *i*...»

⁵ «English generally has *au* (now often reduced to *a*) for the Old French *â*...»

что для Скита [Там же: xii] сильной ассоциации между централизацией (редукцией до звука типа шва) и термином *reduction* еще не выработалось: говоря об изменении «безударного *a* в конечном слоге в *э*», он использует обычный глагол *change* ‘изменяться’.

Приходится предполагать, что терминологизация слова *редукция* происходила стихийно. К середине XVIII в. в английском языке среди основных значений глагола *reduce* были ‘возвращать к предыдущему состоянию’, ‘избавить от беспорядка’ и ‘уменьшать’ [Johnson 1755]; вероятно, из последнего ко второй половине XIX в. и развивается понимание редукции как сокращения. Стихийность этого термина и отсутствие *locus classicus* привели к использованию термина *reduced* в чрезвычайно широком понимании — грубо говоря, как синонима слова *измененный*. Так, в [Ellis 1874] *редукция* — это и изменение кластера *lj* в гласную *i* [Там же: 1151], и кластера *shj* в кластер *shj* [Там же: 1204], и слога *ed* в согласные *t/d* [Там же: 1322], и выпадение гласного (*éei, bou* → *éi, ou* [Там же: 1315]).

3. Первые попытки систематизации

Применение термина *reduced* по отношению к гласным можно найти уже в середине XIX в. в работе Р.Л. Тафела «Исследования законов английской орфографии и произношения» («Investigations into the Laws of English Orthography and Pronunciation»). Он разделяет все гласные на три типа: долгие (*long*), «произносимые громко в начале, но затухающие к концу», краткие (*short*), которые «за свое короткое существование вместо убывания как будто бы набирают силы, чтобы со всей силы броситься на следующий согласный», а также редуцированные (*reduced*), «имеющие место только в безударных слогах» и «обладающие неопределенным характером» — они и не «затухающие», и не «набирающие силы» — но в некоторых ситуациях приобретающие характер кратких гласных [Tafel 1862: 85]. В этом же труде, придавшем, казалось бы, термину *reduced* системности, присутствуют и «стихийные» его употребления: «сибилянт *sh...* был очень быстро редуцирован до *s*»⁶ [Там же: 72]. У Тафела имеется описание /*ə*/ как «неясного» (*indistinct*) гласного, до которого могут редуцироваться гласные безударных слогов, как, например, на месте *o* в слове *abandon* [Там же: 21].

Очевидно, что к концу XIX в. о *редукции* было известно не только фонетистам, но и, например, специалистам по сравнительно-историческому языкознанию. Последние не были заинтересованы в собственно фонетической науке. То, что «фонетика для наук о языке — то же, что математика

⁶ «the sibilant *sh...* was rapidly reduced to *s*».

для астрономии и физических наук», не осознавалось большинством исследователей, и важность изучения (синхронной) фонетики как самостоятельной дисциплины наиболее ярко была сформулирована в работах «научившего фонетике Европу» Генри Суита (1845–1912) [Jankowsky 1999]. Поэтому неудивительно, что, несмотря на наличие отдельных попыток ввести *редукцию* (пусть и в виде редуцированных гласных, как у Тафела) в качестве отдельного феномена в англоязычный фонетический дискурс, она останется «повисшим в воздухе» понятием вплоть до XX в. Видные англоязычные фонетисты Александр Мелвилл Белл (1819–1905) и даже сам Генри Суит, пользуясь терминами *reduction* и *reduced*, нигде их не поясняли, в том числе в учебных пособиях.

4. Редукция в «Основах фонетики» Эдуарда Зиверса и сравнительно-историческом языкознании

За пределами англоязычных текстов дело обстояло несколько иначе. Немецкий филолог Эдуард Зиверс (1850–1932) — фигура, сопоставимая в истории фонетики с Г. Суитом, — издает в конце XIX в. свой фундаментальный труд «Основы фонетики» («Grundzüge der Phonetik»): его первое издание (под названием *Grundzüge der Lautphysiologie*) датируется 1876 г. Зиверс, как и Суит, был убежден в важности изучения речевой физиологии и синхронной фонетики для понимания звуковых изменений, однако, в отличие от своего английского современника, счел нужным определить уже ставшее общеизвестным понятие *редукции*. В этой связи крайне показательным его замечание о том, что не все, что связано с ослаблением или сокращением звука, можно называть *редукцией*⁷; так, более краткая длительность не пример *редукции*, потому что для последней нужно изменение качества. На восьми страницах он излагает, приводя множество примеров, свою концепцию *редукции*, а также предлагает систему обозначения ее в транскрипции. Ретроспективно можно сказать, что эти предложения Зиверса не закрепились в фонетике и сейчас выглядят весьма специфично. Например, он почти не уделяет внимания *редукции* гласных, фокусируясь на редуцированных фрикативных и сонорных. Типичные проявления *редукции*, по Зиверсу, это, к примеру, «I hink» вместо «I think» [Sievers 1901: 191], т. е. дебуккализация (превращение в гортанный звук, обычно /h/ или /ʔ/); оглушение *r* после *p*, *k*, *z* в словах типа *crow*, *pride*; потеря смычки (*d* → *ð* [Там же: 192]); изменение, происходящее с неслововыми сонорными, когда «голос появляется только в момент перехода

⁷ «Nicht alle Schwächungen, Kürzungen etc. von Lauten werden als Reduction bezeichnet...» [Sievers, 1901: 191]. Я благодарен Д. О. Жорник за помощь в работе с немецким текстом.

к следующему гласному звуку» (что имеется в виду, неясно; среди примеров — не только неслоговые гласные в сочетаниях *ia*, *ya*, но и *la*, *ra*, *ta*, *na*); редукция гласных безударных слогов [Там же: 194], упоминаемая со ссылкой на понятие *voice glide* у Суита (весьма расплывчатое, за что оно критиковалось уже современниками [А. М. Е. 1891])⁸; оглушение, в том числе сонорных [Там же: 196] и др.

Параллельно развивавшееся сравнительно-историческое языкознание тоже активно использовало понятие *редукции*, ср.: противопоставление обычной и редуцированной серий гласных, *regular grades vs. reduced grades*, в [Schmidt-Wartenberg 1896]; обсуждалось, что может происходить в процессе редукции, напр.: «Редуцированный гласный изменяет свою тональную окраску (tone color) в разных позициях по отношению к ударению и может совпадать с гласными нормальных серий (normal grades)» [Там же: 223]. Наконец, на с. 218 содержится и более необычный пример, а именно использование термина *редукция* в контексте перехода из «назального дифтонга в назальный сонант», причем, судя по употреблению термина «назальный сонант» на следующей странице, имеется в виду именно слоговой носовой смычный типа /ŋ/.

5. Возникновение редукции в русскоязычных текстах XIX в.

В русском языке, в отличие от упомянутых выше европейских, редукция и однокоренные термины не совпадали с обычными словами и употреблялись лишь в специальных контекстах или в речи образованных авторов, которым были известны европейские языки. В основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [Савчук и др. 2024] наиболее ранние вхождения *редукции* связаны с изъятием земель (с первой половины XVIII в.):

Редукція значить отбирание земель, une réduction, однимъ словомъ [А. В. Дружинин. Обрученные. Библиотека для чтения, т. 145–149, 1857] (выделено мной, орфография и пунктуация источника сохранены. — Ю. М.)

Тем не менее термин *редукция* употреблялся в схожем значении уже в начале XVIII в. — например, в «Копиях с указов его императорского величества...» 1721 г.

К середине XIX в. термин использовался в естественных науках (химии, физике, биологии). В филологических же текстах *редукция* появля-

⁸ Видимо, в этом случае имеется в виду, что результатом редукции должен быть не всякий гласный, а только *ə*-образный.

ется примерно к концу века. Исследователям того времени были, как правило, известны и европейские языки, и наиболее яркие фонетические труды. Так, в выпуске «Русского филологического вестника» за 1893 г. у А. Л. Погодина (1872–1947) в обзоре зарубежных трудов встречается употребление термина *редукция* в смысле «превращения носовых согласных в простую назализацию» [Смирнов 1893: 350]. А. А. Шахматов (1864–1920) к 1893 г. уже ознакомился с «Основами фонетики» (так как ссылался на Зиверса) и применял термин *редукция* по отношению к процессам, происходящим с гласными безударных слогов [Там же: 194–195], причем среди прочего в контексте изменений *o* в *a* (т. е. не только при централизации в звук типа *э*), а также потери слоговости и вообще исчезновения. В «Исследованиях в области русской фонетики» Шахматов описывает *редукцию* как явление, «тесно связанное с влиянием ударения». «Гортаннонебные *é* и *á* (*ó*)» переходили в *i* или *ы* так: сначала на их месте возникал «иррациональный звук», а затем, если не выпадал, то, «ассимилируясь предшествующим согласным, он переходил в *i* после мягких, в *ы* после твердых» [Шахматов 1893: 278]. Собственно *редукцией*, по Шахматову, являлось именно образование иррационального звука, но не все остальные этапы; иначе говоря, для Шахматова *редукция* — это сокращение, ср. [Там же: 278–279]. Сложность состоит в том, что под сокращением, по-видимому, понималось не столько количественное изменение, сколько качественное, ср.:

Прочіе неударяемые слоги теряли вслѣдствіе новаго закона объ удареніи в восточнор. языкѣ значительную часть своего экспираторнаго вѣса; гласныя е—о въ этихъ слогахъ становились короче (**разумѣю подѣ этимъ терминомъ отношеніе не количественное**) гласныхъ въ положеніи подѣ удареніемъ, а также гласныхъ въ слогѣ предшествующемъ ударенію: они стремились даже къ полному исчезновенію изъ живой рѣчи при благопріятныхъ для того условіяхъ

[Там же: 195–196] (выделено мной. — Ю. М.).

Но в конце XIX в. термины *редукция* и *редуцированный* еще не были устоявшимися и общепринятыми. В этом отношении показателен протокол заседания Славянской комиссии Императорского московского археологического общества от 23 февраля 1893 г., где, в частности, обсуждалась система транскрипции для записи диалектной речи, предложенная В. В. Богдановым [Сперанский 1895: 8–9]. Для согласных выделялось три «степени»: твердая, мягкая и средняя между ними. В сочетании с этими типами согласных различалось 45 гласных, которые затем дополнительно делились в зависимости от ударения на ясные и глухие (по качеству) и на полные и иррациональные (по количеству). В этой системе ясные гласные

встречались под ударением, глухие — без ударения; глухие же были двух типов: с определенным и трудно определенным качеством. Тогда как первые не отличаются от соответствующих ясных и пишутся в транскрипции так же, только без знака ударения, вторые помечаются еще и надстрочным ʔ^9 . Таким образом, 45 гласных, встречающиеся в четырех видах, дают 180 различных звуков в итоге. Отмечать количество же при транскрибировании было «в точности и определенности не (sic!) возможно».

После краткого сообщения о двух огласных, или полугласных, референт перешел к обсуждению согласных, коих с учетом степеней твердости и мягкости выделил 71. Лишь в нем Богданов упомянул термин *редуцированный* по отношению к особому консонантному типу. Что он имел в виду, остается неясным, но, видимо, такое употребление термина *редуцированный* было необычным, что и вызвало возражения: «Послѣднія возраженія были сдѣланы В. М. Истринымъ, вызвавшія нѣсколько болѣе подробныхъ разъясненій со стороны референта о такъ наз. звукахъ редуцированныхъ»¹⁰.

При рассмотрении более ранних русскоязычных трудов по темам, связанным с фонетикой, обнаруживается, что вместо *редукции* писали о *сокращении*, *опущении* или *ослаблении*, например у А. Х. Востокова (1781–1864): «Такъ какъ люди, дѣти принимаютъ въ творительномъ падежѣ сокращеніе *ьми*, вместо *ями*» [Востоков 1844: 37]. У Г. П. Павского (1787–1863): «Сперва писали *Геворгій*, и потомъ, по законамъ нашимъ сокращая *ев* на *ю*, *Гюргій*...»¹¹ [Павский 1841: 147–148], «а когда я не носовая, тогда она для сокращенія выпадаетъ, и ея мѣсто заступаетъ *ь*» [Там же: 131], «удареніе на предпослѣднемъ слогѣ не остается, когда два слога сокращаются въ одинъ, или по случаю *опущенія* буквы, или по случаю *покоя*» [Павский 1818: 93]. У А. А. Потебни (1835–1891): «Сокращают *и* в *ь* в повелительномъ наклонении по образцу *глянь* глаголы на гласную ударяемую...» [Потебня 1973: 110]. Ф. Ф. Фортунатов (1848–1914) термином *редукция* также не пользовался: «Эту индоевропейскую иррациональную гласную, представлявшую собой фонетическое ослабление *ǎ^e*, *ǎ^o*...» [Фортунатов 2023/1919: 187].

И. А. Бодуэн де Куртенэ¹² (1845–1929), анализируя произношение безударных гласных в русском языке, писал о *редукции* гласных как об

⁹ Ср. использование надстрочного ера в некоторых современных кириллических системах транскрипции.

¹⁰ Ср. также: «Излишнимъ казалось референту [Е. А. Ляцкому] и обозначеніе редуцированія въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ это понималъ В. В. Богдановъ» [Сперанский 1895: 11].

¹¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источника в цитатах сохранена.

¹² Конечно, вывод о терминах, используемых Бодуэном де Куртенэ, во многом основан на переводах его статей. Рассмотренные статьи, кроме последней, «О задачахъ языкознанія» («О zadaniach językoznawstwa»), написаны по-русски.

ослаблении: «Вполне справедливо наш автор отвергает ходячее понимание русского чередования *ó* || *á* (ударение *ó* чередуется с неударенным и ослабленным *á*)» [Бодуэн де Куртенэ 1963а: 37]; впрочем, ослаблением называлось и интервокальное озвончение [Там же: 39], оглушение гласных [Там же: 263]; гласная *ǐ* [то есть *ѣ*] называлась ослабленной [Там же: 272]. Термин *редукция* (вернее, польское *redukcja*) Бодуэну де Куртенэ был известен, однако употреблял он его в смысле эволюции звуко сочетания, приводящей к уменьшению числа сегментов:

Родственной названному процессу [выпадению согласного в кластерах, напр. *obóz* вм. *obwóz*] является редукция [в польском тексте дано пояснение словом *srowadzenie* ‘приведение’. — Ю. М.] сочетания двух звуков до одного звука, соединяющего в себе особенности обоих своих предшественников. Такой, например, является редукция (упрощение) сочетания *čs* (*czs*), дающего *s*, в *so*, *spy*, *zacsny*... вместо *čso*, *čšny*, *zacsny*... через промежуточное звено *csso*, *csny*, *zacsny*...

(Цитата по русскому переводу из [Бодуэн де Куртенэ 1963b: 230]).

Одним из первых термин *редукция* в фонетическом смысле описал Я. К. Грот (1812–1893). В своих работах по звуковому составу русского языка он проявил большое внимание к фонетическим деталям, а также учел достижения зарождавшейся за рубежом (синхронной) фонетики. Достаточно сказать, что к 1884 г. им был написан обзор второго издания «Основ фонетики» Зиверса (вышедшего в 1881 г.), в котором Грот посвятил абзац и *редукции*:

Редукція (ослабленіе). Такъ называетъ г. Сиверсъ рядъ измѣненій, которымъ подвергаются извѣстные звуки рѣчи, при чемъ они въ большей или меньшей степени теряютъ существенныя особенности, имѣвшія значеніе для ихъ опредѣленія, и оттого испытываютъ модификаціи, не предусмотрѣнныя въ самой системѣ звуковъ. Какъ на одинъ изъ видовъ редукціи, авторъ указываетъ на обращеніе нѣкоторыхъ голосовыхъ звуковъ въ безголосные, явленіе, бывающее у насъ постоянно съ согласными, оканчивающими слово [Грот 1899: 567–568].

Тем не менее вне обсуждения текста Зиверса Грот пользовался устоявшимся термином *ослабление*: «*з* представлял ослабление *o* или *u*, а *ь* — глухое [т. е. редуцированное. — Ю. М.] *e* или *и*» [Там же: 256].

Русский фонетист В. А. Богородицкий (1857–1941) в своих работах, написанных в XIX в., также пользовался термином *ослабление*, хотя в целом в его ранних трудах никакого специального термина для безударных

гласных нет. Показательно, что, описав в статье «Гласные без ударения в русском языке» [Богородицкий 1880] литературную схему редукции, он не использовал никакого специального названия для редуцированных. В своей магистерской диссертации (через четыре года) «неударенное а» он называет уже «слабым, кратким а» [Богородицкий 1884: 51]. Там же, говоря о конечном оглушении согласных и гласных, он называет этот процесс «ослаблением сонорности конечных звуков» [Там же: 103]. Конечной стадией ослабления гласных звуков Богородицкий считает их исчезновение [Там же: 130].

Очевидно знакомый с западной терминологией Олаф Брок (1867–1961) в конце века активно использовал термины *редукция* и *редуцированный*: он фиксировал отсутствие качественной («в оттенках гласных») *редукции* неударяемых слогов [Брок 1899: 17], описывал сокращение как часть *редукции* [Там же: 59], а также называл *редукцией* палатализацию («ě, dž, где звук t, d переменяется и редуцируется...» [Там же: 24]).

Наконец, к 1899 г. относится, по-видимому, первая подробная лингвистическая словарная фиксация термина *редукция*. С. К. Булич (1859–1921) дает такое толкование в словаре Брокгауза и Ефрона:

Редукція — подъ этимъ терминомъ въ европейской фонетической литературѣ (главнымъ образомъ в нѣмецкой) разумѣется сокращеніе и ослабленіе гласныхъ или согласныхъ звуковъ человѣческой рѣчи, влекущее за собой сначала неясное и неотчетливое произношеніе, а затѣмъ и совершенное исчезновеніе ихъ. Артикуляціи, потребныя для произнесенія извѣстнаго звука, производятся при этомъ вяло и неполно, что отражается на качествѣ акустическаго эффекта. Наиболѣе обычной причиной такой Р. является отсутствіе ударенія (при Р. гласныхъ звуковъ) или неблагопріятное положеніе звука в словѣ, между другими звуками или въ концѣ (при Р. согласныхъ звуковъ). Звуки, подвергшіеся Р., называются *редуцированными*; образчиками такихъ звуковъ могутъ служить, на примѣръ, гласные русскаго языка въ слогахъ безъ ударенія. См. Sievers, «Grundzüge der Phonetik» (4 изд., 1893, гл. 24). С. Б—чз.

[Булич 1899].

Как видно, к концу века труд Зиверса приобретал все большую известность среди исследователей языка. Примечательно и добавление «в европейской фонетической литературе», подчеркивающее незакрепленность понятия в русском лингвистическом дискурсе того времени.

6. XX век в англоязычной традиции

В данной статье было бы невозможно рассмотреть даже малую долю источников, необходимых для понимания истории термина *редукция* в XX в. С оформлением лингвистики как самостоятельной области знания, а также обособлением фонологии и особенно фонетики *редукция* закрепились как самостоятельный феномен и получила определение в ряде исследований, учебников и словарей. Стихийность употребления этого термина, однако, сохранилась и даже была поддержана фиксацией противоречащих определений в авторитетных источниках.

Важным этапом стало выделение *редукции* гласных (vowel reduction) среди прочих процессов *редукции*, чему поспособствовали работы Бьёрна Линдблома (р. 1934), опубликованные в начале 1960-х гг., например [Lindblom 1963], ср. также его лицензиатскую диссертацию «О редукции гласных» («On vowel reduction») того же года. В результате повышенного интереса исследователей именно к системам вокализма к концу века сложилось устойчивое впечатление, что *редукция* — это про гласные, хотя в самых разных лингвистических трудах термин *редукция* использовался и применительно к согласным (ср. [Crystal 1991; Trask 2006]).

7. XX век в русскоязычной традиции

Расцвет исследований *редукции* происходит и в русскоязычных трудах по фонетике. Это неудивительно: как известно, в русском литературном языке аллофоны гласных в ударных и безударных позициях, как правило, различаются. В конце XIX в. одним из важнейших исследователей русского безударного вокализма был В. А. Богородицкий, который, однако, в работах XIX в. не называл безударные гласные редуцированными, а сам процесс — *редукцией*. Ситуация меняется в 1910-е гг., когда этот термин начинает проникать в его труды — сначала в виде абстрактного «редуцированного произношения» некоторых звуков вследствие артикуляционного расстройтва [Богородицкий 1911: 172], затем в контексте ослабления второй части дифтонга под разными типами ударения¹³ [Богородицкий 1917: 2] и монофтонгизации [Там же: 152, 165], а также для обозначения некоторого типа согласных («сильно редуцированных шумных звуках губных, напр. *w*, *f* и др.» [Богородицкий 1922: 3]). Какого-либо общего определения процесса Богородицкий не давал.

Вхождение термина *редуцированный* по отношению к гласным в русскоязычный фонетический дискурс заметно и по трудам Л. В. Щербы (1880–

¹³ Примечательна формулировка: «гласный будет ослабленным или — как говорят — редуцированным» [выделено мной. — Ю. М.], указывающая на восприятие термина как нового, только входящего в моду.

1944), который в 1911 г., делая доклад о системах транскрипции (в том числе о Международном фонетическом алфавите) на заседании Неофилологического общества, уже говорил о редуцированных гласных как об «особо кратких, стремящихся к нулю» [Щерба 1912: 14]. Позже в своей магистерской диссертации «Русские гласные в качественном и количественном отношении» [Щерба 1983/1912] он будет говорить об особо кратких гласных как о «редукциях нормальных фонем» и опишет факторы, приводящие к качественному изменению гласных (а именно их длительность)¹⁴.

После Щербы основное внимание уделялось не природе *редукции* (исключение — «Общая фонетика» Л. Р. Зиндера (1903/4–1995) [Зиндер 1979]), а ее конкретной реализации на русском материале: тщательно изучалось аллофоническое варьирование и факторы, его определяющие. Объектом исследования при этом были почти исключительно гласные. С развитием акустической теории речеобразования появлялись инструментальные исследования безударного вокализма.

Большая часть исследователей понимали *редукцию* как фонетический феномен (причем, как правило, абстрактной природы, ср. использование импрессионистических терминов типа *ослабление*). Тем не менее возникло и фонологическое понимание редуции как нейтрализации (вероятно, под влиянием «Основ фонологии» Н. С. Трубецкого (1890–1938), изданных в 1939 г. по-немецки; второе издание русского перевода — А. А. Холодовича [Трубецкой 2000]).

В отличие от англоязычной традиции, в русскоязычных фонетических трудах в связи с понятием *редукции* возникло противопоставление, без которого не обходилось ни одно соответствующее определение: количественная vs. качественная.

8. Заключение

В статье была кратко рассмотрена история термина *редукция* и соответствующего явления с опорой на русско- и англоязычные источники XVIII–XX вв. Было показано, что становление этого термина проходило стихийно (что отчасти объясняется имеющимися в ряде европейских языков нетерминологическими значениями соответствующего корня): от обозначения практически любого звукового изменения до смещения

---

¹⁴ Щерба в своей диссертации предвосхитил концепцию «недострела» (*undershoot*) Б. Линдблома (ср. [Кодзасов, Кривнова 2001: 366–367]), а также, например, «Моторной фонетики» («*Motor Phonetics*») Раймонда Герберта Стетсона (1872–1950) [Stetson 1928]. Отсутствие в большинстве зарубежных работ по редуции гласных упоминаний трудов Щербы представляется досадным следствием языкового барьера.

внимания на вокалические процессы в XX в. (при этом стихийность термина *редукция* вовсе не исчезла из современных трудов). Отдельно рассмотрена роль «Основ фонетики» Эдуарда Зиверса, а также восприятие этой основополагающей работы российскими исследователями конца XIX — начала XX вв. Были сделаны предположения о первых источниках, дающих сколько-нибудь полное определение редукции и тем самым предпринимающих попытку кодификации понятия. Наконец, уделено внимание восприятию термина *редукция* в фонетических и фонологических трудах XX в.

Источники

Богородицкий В. А. Гласные без ударения в общерусском языке [Магистерская диссертация]. Казань, 1884. 144 с.

Богородицкий В. А. Гласные без ударения в русском языке. Варшава: Типография М. Земкевича и В. Ноаковского, 1880. 16 с.

Богородицкий В. А. Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. 2-е изд., Казань: Типо-литография Университета, 1917. 178 с.

Богородицкий В. А. Курс экспериментальной фонетики. Казань: Государственное издательство Т. С. С. Р., 1922. 50 с.

Богородицкий В. А. Лекции по общему языковедению. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1911. 246 с.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963а. 384 с.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963б. 391 с.

Брох О. Угрорусское наречие села Убли (Земплинского комитата). СПб.: Типография Императорской академии наук, 1899. 117 с.

Булич С. К. Редукция // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1899. Т. XXVI. С. 472.

Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1844. 356 с.

Грот Я. К. Филологические разыскания (1852–1892) / Под ред. К. Я. Грота. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1899. 939 с.

Павский Г. П. Краткая еврейская грамматика. СПб.: Типография Н. Греча, 1818. 126 с.

Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1841. 149 с.

Потебня А. А. Ударение / Под ред. В. Ю. Франчук. Киев: Наукова думка, 1973. 172 с.

Смирнов А. И. Русский филологический вестник. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1893. 216 с.

Сперанский М. Н. Древности: труды Славянской комиссии Императорского московского археологического общества. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895. 284 с.

Фортунатов Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковно-славянского) языка. М.: Юрайт, 2023. 195 с.

Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1893. 318 с.

Щерба Л. В. К вопросу о транскрипции. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1912. 21 с.

Ellis A. J. English Dialects—Their Sounds and Homes. Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., Limited, 1890. 703 p.

Ellis A. J. On Early English Pronunciation, part IV. London: Asher & Co.; Trübner & Co., 1874. 460 p.

Grotsch K. Some remarks on the origin of ‘assimilation’ and ‘dissimilation’ in linguistic terminology // HL. 1989. Vol. 16. № 1–2. P. 49–60.

Johnson S. Reduce, v.a. // A Dictionary of the English Language. 1755.

Schmidt-Wartenberg H. A Physiological Criticism of the Liquid and Nasal Sonant Theory // The American Journal of Philology. 1896. Vol. 17. № 2. 217 p.

Sievers E. Grundzüge der Phonetik. 5th ed. Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf & Härtel, 1901. 328 p.

Skeat B. M. A Word-List Illustrating the Correspondence of Modern English with Anglo-French Vowel-Sounds. London: Trübner & Co., 1884. 37 p.

Tafel R. L. Investigations into the Laws of English Orthography and Pronunciation. New York: B. Westerman & Co., 1862. 92 p.

Walker J. A Critical Pronouncing Dictionary and Expositor of the English Language. New York: Collins and Hannay, 1823. 336 p.

Литература

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высш. школа, 1979. 312 с.

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 2001. 592 с.

Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Ред. С. Д. Кацнельсон. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.

- Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. 155 с.
- A. M. E.* Review: A Primer of Phonetics by Henry Sweet // *Modern Language Notes*. 1891. Vol. 6. № 5. P. 151.
- Andersen H.* Consonant Reduction in Russian // *The LANGUAGE and VERSE of RUSSIA* / Ред. H. Birnbaum, M. S. Flier. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 19–30.
- Bates S. A. R.* Towards a definition of schwa: An acoustic investigation of vowel reduction in English. Ph.D. diss. University of Edinburgh, 1995. 368 p.
- Bergem D. R. van.* Acoustic and Lexical Vowel Reduction / ESCA Workshop on Phonetics and Phonology of Speaking Styles. Barcelona, Spain, 1991. P. 1–5.
- Chomsky N., Halle M.* The sound pattern of English. New York, Evanston, and London: Harper & Row, Publishers, 1968. 470 p.
- Crystal D.* A dictionary of linguistics and phonetics. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: B. Blackwell, 1991. 389 p.
- Fletcher J.* The Prosody of Speech: Timing and Rhythm / Eds. W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. Wiley, 2010. P. 521–602.
- Fougeron C., Keating P. A.* Articulatory strengthening at edges of prosodic domains // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1997. Vol. 101. № 6. P. 3728–3740.
- Fourakis M.* Tempo, stress, and vowel reduction in American English // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1991. Vol. 90. № 4. P. 1816–1827.
- Girdenis A.* Theoretical Foundations of Lithuanian Phonology. Vilnius: Vilnius University, 2014. 413 p.
- Harper D.* Reduction (n.) // *Online Etymology Dictionary*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/word/reduction> (дата обращения: 22.01.2025).
- Honeybone P.* Lenition, weakening and consonantal strength: tracing concepts through the history of phonology // *Lenition and Fortition Studies in Generative Grammar* / Eds. J. Brandão de Carvalho, T. Scheer, P. Ségéral. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 9–92.
- Jankowsky K. R.* Sound Physiology in the Making: On the role of Henry Sweet (1845–1912) and Eduard Sievers (1850–1932) in the development of linguistic science // *The Emergence of the Modern Language Sciences* / Eds. S. Embleton, J. E. Joseph, H.-J. Niederehe. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1999. P. 77.
- Kühnert B., Nolan F.* The origin of coarticulation // *Coarticulation* / Eds. W. J. Hardcastle, N. Hewlett. Cambridge University Press, 1999. P. 7–30.
- Lindblom B.* Spectrographic Study of Vowel Reduction // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1963. Vol. 35. № 11. P. 1773–1781.
- Stetson R. H.* Motor Phonetics. Dordrecht: Springer Netherlands, 1928. 213 p.
- Trask R. L.* A dictionary of phonetics and phonology. London; New York: Routledge, 2006. 424 p.

References

- A. M. E. Review: A Primer of Phonetics by Henry Sweet. *Modern Language Notes*. 1891, vol. 6, no. 5, p. 151. (In Eng.)
- Andersen H. Consonant Reduction in Russian. *The LANGUAGE and VERSE of RUSSIA*. Eds. H. Birnbaum, M. S. Flier. Moscow, Oriental Literature Publishing Company of the Russian Academy of Sciences, 1995, pp. 19–30. (In Eng.)
- Bates S. A. R. *Towards a definition of schwa: An acoustic investigation of vowel reduction in English. PhD diss. thesis*. University of Edinburgh, 1995. 368 p.
- Bergem D. R. van. Acoustic and Lexical Vowel Reduction. *ESCA Workshop on Phonetics and Phonology of Speaking Styles*. Barcelona, Spain, 1991, pp. 1–5. (In Eng.)
- Chomsky N., Halle M. *The sound pattern of English*. New York, Evanston, and London, Harper & Row, Publishers, 1968. 470 p.
- Crystal D. *A dictionary of linguistics and phonetics*. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA, B. Blackwell Publ., 1991. 389 p.
- Fletcher J. *The Prosody of Speech: Timing and Rhythm*. Eds. W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. Wiley, 2010, pp. 521–602. (In Eng.)
- Fougeron C., Keating P. A. Articulatory strengthening at edges of prosodic domains. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 1997, vol. 101, no. 6, pp. 3728–3740. (In Eng.)
- Fourakis M. Tempo, stress, and vowel reduction in American English. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 1991, vol. 90, no. 4, pp. 1816–1827. (In Eng.)
- Girdenis A. *Theoretical Foundations of Lithuanian Phonology*. Vilnius, Vilnius University Publ., 2014. 413 p.
- Harper D. Reduction (n.). *Online Etymology Dictionary*. Available at: <https://www.etymonline.com/word/reduction> (accessed 22.01.2025).
- Honeybone P. Lenition, weakening and consonantal strength: tracing concepts through the history of phonology. *Lenition and Fortition Studies in Generative Grammar*. Eds. J. Brandão de Carvalho, T. Scheer, P. Ségéral. Berlin, New York, Mouton de Gruyter Publ., 2008, pp. 9–92. (In Eng.)
- Jankowsky K. R. Sound Physiology in the Making: On the role of Henry Sweet (1845–1912) and Eduard Sievers (1850–1932) in the development of linguistic science. *The Emergence of the Modern Language Sciences*. Eds. S. Embleton, J. E. Joseph, H.-J. Niederehe. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 1999, p. 77. (In Eng.)
- Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, Russian State University of Humanities Publ., 2001. 592 p.
- Kühnert B., Nolan F. The origin of coarticulation. *Coarticulation*. Eds. W. J. Hardcastle, N. Hewlett. Cambridge University Press Publ., 1999, pp. 7–30. (In Eng.)
- Lindblom B. Spectrographic Study of Vowel Reduction. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 1963, vol. 35, no. 11, pp. 1773–1781. (In Eng.)

- Savchuk S. O., Arkhangelskii T., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznetsova Yu. N., Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Podryadchikova M. V. [Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects]. *Voprosy yazykoznanii*, 2024, no. 2, pp. 7–34.
- Shcherba L. V. *Russkie glasnye v kachestvennom i kolichestvennom otnoshenii* [Russian vowels in their qualitative and quantitative relationships]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Branch Publ., 1983. 155 p.
- Stetson R. H. *Motor Phonetics*. Dordrecht, Springer Netherlands Publ., 1928. 213 p.
- Trask R. L. *A dictionary of phonetics and phonology*. London; New York, Routledge Publ., 2006. 424 p.
- Trubetzkoi N. S. *Osnovy fonologii* [Principles of phonology]. Ed. S. D. Katsnel'son. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 352 p.
- Zinder L. R. *Obschaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1979. 312 p.

Синтаксис В. К. Тредиаковского в аспекте некоторых тенденций развития русского литературного языка и поэтического слога

Наталья Викторовна Патроева, Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск), nvpatr@list.ru

DOI: 10.31857/S0131611725010064

АННОТАЦИЯ: Целью исследования является выявление важнейших синтаксических особенностей на материале оригинальных поэтических произведений малых и средних жанров в художественной системе В. К. Тредиаковского.

Результаты работы свидетельствуют о высокой активности бессоюзных предложений в грамматике его поэзии в сравнении с теми же показателями у Кантемира и Ломоносова, а также об особом тяготении к использованию приемов сегментации и субъективной модалагии фразы в виде обособленных оборотов, вводных и вставных синтагм, присоединительных конструкций, именительного темы, риторических восклицаний, вопросов и обращений, односоставных структур. В. К. Тредиаковский — создатель самого пространного (объемом 156 слов) лирического высказывания эпохи от Кантемира до Карамзина.

Выявленные особенности свидетельствуют о том, что поиски Тредиаковского в области «грамматики поэзии» не только соответствовали магистральным направлениям развития русского лирического синтаксиса в целом, но даже опережали общепоэтические тенденции. В. К. Тредиаковский-лирик выступает смелым новатором и экспериментатором,

роль которого в поисках языка для только начавших формироваться в России жанровых форм лирики, к сожалению, до сих пор остается недооцененной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэтический синтаксис, реформы русского литературного языка, риторический вопрос, риторическое восклицание, обращение, сегментация высказывания, стихосложение и грамматика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Патроева Н. В. Синтаксис В. К. Тредиаковского в аспекте некоторых тенденций развития русского литературного языка и поэтического слога // Русская речь. 2025. № 1. С. 83–97. DOI: 10.31857/S0131611725010064.

The Language of Fiction

V. K. Trediakovsky's Syntax in the Aspect of Some Trends in the Development of Russian Literary Language and Poetic Language

---

Natalia V. Patroeva, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia), nvpatr@list.ru

---

ABSTRACT: The aim of the study is to identify the most important syntactic features on the material of original poetic works of small and medium genres in the artistic system of V. K. Trediakovsky.

The results of the work testify to the high activity of non-union sentences in the grammar of his poetry, in comparison with the same indicators in Kantemir's and Lomonosov's works, as well as to the special inclination to use the techniques of segmentation and subjective modalisation of the phrase in the form of isolated turns, introductory and insertive syntagms, joining constructions, nominative subject, rhetorical exclamations, questions, vocatives and single-joint structures. V. K. Trediakovsky is the creator

of the longest lyrical statement (156 words) of the era from Kantemir to Karamzin.

The identified features demonstrate that Trediakovsky's searches in the field of 'grammar of poetry' not only corresponded to the main directions of development of Russian lyric syntax in general, but even outstripped the general poetic tendencies. V. K. Trediakovsky is a bold innovator and experimenter, whose role in the search for new language of lyric genre forms that had just begun to emerge in Russia, unfortunately, is still underestimated.

KEYWORDS: poetic syntax, reforms of the Russian literary language, rhetorical question, rhetorical exclamation, address, segmentation of utterance, versification and grammar

FOR CITATION: Patroeva N. V. V. K. Trediakovsky's Syntax in the Aspect of Some Trends in the Development of Russian Literary Language and Poetic Language. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 1. Pp. 83–97. DOI: 10.31857/S0131611725010064.

---

*Сей муж был великого разума, многого учения,
обширного знания, и беспримерного трудолюбия...*

(Н. А. Новиков) [Новиков 1772: 18]

*Тредьяковский был, конечно, почтенный
и порядочный человек. Его филологические
и грамматические изыскания очень
замечательны...*

(А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург)

[Пушкин 1990: 274–275]

Панегирик, духовная ода и героическая трагедия оказались ведущими жанрами русского классицизма, поэтому в сфере литературной речи XVIII столетия неизбежно происходила концентрация книжных черт, реставрация церковнославянских традиций, отчетливо проявляющаяся даже в произведениях, провозглашавших ориентацию на сближение письменной и разговорной стихий, на узус¹ («употребление»), а не на

---

¹ Б. А. Успенский считает этот термин, введенный в употребление В. Адодуровым и В. Тредиаковским параллельно, семантической калькой с французского usage, используемого в программе классициста XVII в. и создателя французского академического словаря Клода Фавра де Вожа, см.: [Успенский 1985: 132].

зафиксированные в грамматиках и риториках предшествующего периода каноны. Взаимодействие и объединение старославянского и русского языков в некий «славенороссийский» конгломерат характеризует как словарный состав, так и грамматическую систему российской поэзии середины — второй половины XVIII столетия (примером реализации подобного синтеза может служить «Тилемахида», в которой «соседствуют... дательный самостоятельный и деепричастные обороты и т. п.» [Винокур 1959: 126]). В. К. Тредиаковский, за полвека до Н. М. Карамзина призывавший писать простым, разговорным слогом, избегая тяжеловесных конструкций, «темных» славянизмов и латинизмов, ориентироваться на легкие французские фразы, при этом довольно широко в своих одах и переложениях псалмов пользуется грамматическими архаизмами, например вокативами, устаревающими формами причастий и деепричастий: *Осмотри, **снисшед**, злой род...* (142)²; *Будь **пользуяй** пиит, когда увещевать...* (355). «Украшающей» слог «высоких жанров» архаизации, несомненно, способствовала и «связь теоретических основ классицизма с традициями античных риторик... Открывались неограниченные возможности для возрождения юго-западной риторики, для латинизации синтаксиса, для культивирования длинных периодов с искусственной, запутанной расстановкой слов» [Ковтунова 1969: 129].

Традиционно проблема происхождения и формирования русского литературного языка решается исследователями прежде всего как проблема лексикологическая, «проблема словаря» [Живов 1996: 6], соотношения в нем церковнославянских и собственно русских элементов. Однако отличия между книжно-литературными традициями связывались в языковом сознании грамматистов — нормализаторов и мастеров слова, скорее, с морфологическими и синтаксическими параметрами (см., напр.: [Винокур 1959: 126]). Синтаксическая система русского литературного языка, с одной стороны, вызвала живой интерес реформаторов XVIII в., с другой — именно описание синтаксического строя занимало весьма скромное место в отечественных грамматических сочинениях вплоть до появления трудов представителей логической школы середины XIX в. Но научные и школьные грамматики, а также риторики XVIII столетия фиксировали, как правило, уже прошлое состояние синтаксической системы, характеризовали конструкции, свойственные исключительно книжной речи, иногда навязывая устаревшие нормы, оставляя без внимания разговорные формы и построения, явления, заимствованные из других языков, синтаксические новшества, вводимые представителями

² Здесь и далее страницы в скобках за поэтическим текстом указываются по изданию: [Тредиаковский 1963].

актуальных литературных течений. Главными реформаторами языка выступали поэты, в связи с чем анализ речевой практики эпохи языковых реформ (пусть и не всегда формулируемая автором программа совпадала с реальной его художественно-языковой практикой) оказывается гораздо более красноречивым свидетельством постепенного складывания новых грамматических норм, синтаксических сдвигов и перемен, нежели рекомендации грамматических и риторических сочинений.

Одним из реформаторов литературного языка и основателей русской школы стихотворства, оказавшим неоспоримое влияние на российскую словесность последующего периода, по праву считают писателя, профессора, переводчика Василия Тредиаковского. Сосредоточимся далее на поэтическом синтаксисе «трудолюбивого филолога» В. К. Тредиаковского: многие детали творческой биографии одного из главных поэтов-экспериментаторов XVIII столетия, «возможно, наиболее самостоятельного и оригинального русского литератора XVIII века» [Бухаркин 2013: 62], к сожалению, во многом еще не прояснены, особенно в отношении связи его грамматических и стилистических устремлений с предшествующей и современной ему традицией.

В трактате 1735 г. «Новый и краткий способ к сложению стихов с определением до сего надлежащих званий» и его расширенном, дополненном варианте 1752 г.) Тредиаковский не только узаконивает силлабо-тонический тип русского стихотворства, устанавливает строгую жанровую классификацию русской поэзии, подчеркивая тесное взаимодействие темы, формы, стиля и метрики, но и разрабатывает систему акцентно-фонетических, рифмо-метрических и ритмо-мелодических ограничений, а также «вольностей», допускаемых при версификации. Не касаясь в своем теоретическом сочинении прямо вопросов о том, что уже в XX веке Роман Jakobson назовет «грамматикой поэзии», Тредиаковский все же косвенно регулирует и эту область, коль скоро речь идет о постановке или избегании некоторых ударений, преодолении монотонности стиха и неблагозвучия, соответствии смыслового и метрического членения строк.

В общей структурной типологии предложений, используемых В. Тредиаковским в оригинальных стихотворениях (переводы в рассмотрение не включались, за исключением нескольких примеров переложений псалмов — «од духовных»³), соотношение простых и сложных конструкций —

---

³ В 828 предложениях из 44 выбранных для анализа составителями [Патроева (ред.) 2017] стихотворений Кантемира, вошедших в [Кантемир 1956]; в 593 предложениях из 34 выбранных для анализа составителями [Патроева (ред.) 2017] стихотворений Тредиаковского, вошедших в [Тредиаковский 1963]; в 2194 предложениях из 118 выбранных для анализа составителями [Патроева (ред.) 2019] стихотворений Ломоносова, вошедших в [Ломоносов 1959].

35% к 65%, что вполне соответствует данным показателям у Ломоносова, но довольно значительно отличается от синтаксических особенностей произведений Антиоха Кантемира (см. данные в таблице 1, а также подробнее в работе [Патроева (ред.) 2019: 50]), с его характеризующимися очень сложным устройством пространными силлабическими построениями в жанре сатиры. Отличия касаются и типов синтаксической связи, предпочитаемых Третьяковским при организации сложных структур: так, почти в два раза у Третьяковского, в сравнении с кантемировским сатирическим дискурсом, меньше сложноподчиненных предложений, а пятую часть всех конструкций составляют более характерные для разговорной речи бессоюзные сложные конструкции (округленно 13%, 22%, 17% соответственно составляют бессоюзные дву- и многочастные предложения у Кантемира, Третьяковского и Ломоносова). Третьяковский, известный своей эмоциональностью в области построения поэтической фразы, чаще склонялся к сочинению (рядоположенности) и параллелизму элементов текста⁴.

Соотношение (см. [Патроева (ред.) 2019: 50]) сложных предложений из трех и более частей с разными типами связи в стихотворениях Кантемира, Третьяковского и Ломоносова — 42%, 27% и 24%. Случаи соподчинения или последовательного введения нескольких придаточных частей у Третьяковского гораздо более редки:

*Ах! невозможно сердцу пробывать без печали,
Хоть уж и глаза мои плакать перестали:
Ибо сердечна друга не могу забытьи,
Без которого всегда принужден я быти. (92)*

Различные значения обусловленности, помимо сложноподчиненных предложений, у Третьяковского (кстати, в соответствии со старославянской и древнерусской традицией нанизывания предложений) часто выражаются бессоюзными: *Храни, мы благодущны; Вели, се мы послушны* (182). Согласимся с Л. А. Булаховским, отмечавшим по поводу романтического стиля, что «отсутствие или бедность союзов и союзных слов в литературном языке на фоне развитой системы союзов, когда употребление их сознательно сокращается или заменяется ... специально культивируемыми приемами тонирования, является чертой стиля утонченного,

⁴ По наблюдениям историков русского синтаксиса, придаточные со значением обусловленности практически не были свойственны языку панегирика, в отличие от «убеждающего» жанра «слова» или эпистолярный еще XVI–XVII вв. [Акимова 2006: 142–151]. Оды, элегии, песни Третьяковского, любовная и пейзажная его лирика наследовали эту панегирическую и описательную традицию древне- и старорусской письменности.

обработанного в сторону разговорной легкости и изящества..., когда роль логических скреп берут на себя не моменты специфически интеллектуальные (союзы), а эмоционально-интеллектуальные (ритмомелодические признаки)», придает тексту «некоторый налет своеобразной интимности и специальную сжатость, предполагающую со стороны читающего способность схватывать мысли быстрее, связывать звенья их по даваемым интонацией намекам, а не по прямо указанным союзами логическим отношениям» [Булаховский 1954: 278]. Подобная стилистическая установка Тредиаковского, как позднее сентименталистов и романтиков, соответствовала прогрессивным тенденциям в построении сложного предложения в лирическом дискурсе.

История русского поэтического синтаксиса демонстрирует нарастание активности односоставных предложений (см.: [Григорьев (ред.) 1990: 19]; [Красильникова (отв. ред.) 2005: 291]), что в целом отражает и происшедшие в системе грамматики русского языка древней, старшей и новой поры процессы — см. [Борковский (ред.) 1978: 187–304]). На фоне старшего современника Антиоха Кантемира (о синтаксисе А. Д. Кантемира см., например, в работе [Патроева 2021]) Василий Тредиаковский уже гораздо более активно использует такие разновидности односоставных построений, как инфинитивные, безличные, номинативные предложения:

Ну! что ж мне ныне делать? коли уж так стало? (92)

Красное место! Драгой берег Сенски!

Где быть не смеет манер деревенски... (76)

Стихотворные опыты В.К. Тредиаковского (особенно элегия и оды) наполнены яркой эмоциональной мелодикой предложений с ирреальной модальностью (оптативными, побудительными), а также вопросительными и восклицательными фразами:

Да здравствует днесь императрикс Анна

На престол седша увенчанна, —

Краснейше солнца и звезд сияюща ныне! (55)

Чем ты, Россия, не изобильна?

Где ты, Россия, не была сильна? (60)

Один из излюбленных приемов Тредиаковского — цепочки риторических эмоционально-оценочных обращений:

Со стенанием в слезах Вселенная ныне:

О мать Отчества Российска!

О императрица! о дева!

*О эвропска честь и азийска!
О Петрова чистый плод древа!
...Но, о сердец наших всех пламень!
О Элисавета Петровна! ...
Чад российских о мать высока! (139)*

Экспрессивность и диалогичность поэзии Тредиаковского усиливают активные в его лирическом дискурсе контексты с прямой речью, например: «...*Кто когда во искусстве? кто лучший в науке?..*» (57).

В грамматике как раннего, так и позднего Тредиаковского находят применение постепенно устаревающие синтаксические явления: обращение в форме вокатива (*Увы, мой Петре!.. Увы, цвете и свете!..* (57)), архаичные формы глаголов и причастий (*Есмь еще на всяку ночь Ложе плачем умываяй И слезами напояяй, Отчужден всего и тощ* (184)), «дательный самостоятельный» (*Тебе живущей, всё здесь цветет, Тебе хранящей, всё радуется, Тебе бдящей, всё поспешает, Тебе велящей, всё слушает...* (126)), однородность главного и «второстепенного» (деепричастного) сказуемого (*То с волками смотрит псовы драки, То медведя оными травя* (194)). «Темнота» текста, затрудняющая его восприятие читателем, создается «беспорядком» словорасположения членов и частей конструкций, нередко придающим фразе «рыхлый» спонтанный характер: *Днесь тыя Божески дары, князю, зри вся, а благие свет души видя в оной, смертну тую быти Не речеши⁵, и счастьем богам ся сравнити Не устыдишься* (63); *Иной кинулся спешно тебе усретати, Другой начал пастися пред тебе с дарами, Третий какими б, думал, почтить ты словами...* (127).

Согласно проведенному Г. Н. Акимовой на материале научной прозы сопоставительному исследованию «синтаксических портретов» Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, выявляется отчетливое тяготение именно «трудолюбивого филолога» к использованию причастных и деепричастных обособленных оборотов [Акимова 2012: 247]. Нанизывание предикативных частей и вторично-предикативных синтагм усиливает

⁵ Конструкция *смертну тую быти не речеши* носит характер синтаксического заимствования: при глаголах речи и мысли используется инфинитив (или инфинитивно-именное сочетание) вместо ожидаемого придаточного изъяснительного. По поводу подобных примеров Л. А. Булаховский высказывал следующее предположение: «Хотя подобные обороты отчасти были известны уже древнерусскому языку, в который они были восприняты из церковнославянского, отразившего в свою очередь греческие конструкции, — в большинстве случаев подобные примеры... по всей видимости — галлицизмы или, может быть, европеизмы (обороты, проникшие при прямом или косвенном влиянии латыни и под.)» [Булаховский 1954: 267]. Подобная структура является, по всей видимости, аппликацией оборота *Acc. cum inf.* и двойного винительного.

компрессию текста и позволяет иным образом, чем в виде подчинения придаточных частей, ввести в высказывание гипотаксические логические связи:

*Се ластовица щебетлива
Соглядуюма всеми есть;
О птичка свойства особлива!
Ты о весне даешь нам весть,
Как, вокруг жилищ паря поспешно,
Ту воспеваешь толь утешно:
Мы, дом слепляющу себе,
Из крупин, не в един слой, глинки
И пролагающу былинки,
В восторге зрим, дивясь тебе. (356)*

Абсолютные обособленные обороты, усвоенные русскими писателями под влиянием прежде всего французских образцов, у обвинявшегося не раз в «галломании» Тредиаковского являются, между тем, маргинальными: **Твои и от твоих неложно, Ах! потщися, дело возможно, Престань, всех нас радость, рыдати** (138); **Очи с плача помутились, От врагов весь сокрушен...** (185). Синтаксический «беспорядок», вносимый в линейную синтагматическую цепочку подобными компонентами, помогает, между прочим, моделировать в поэзии ассоциативные сближения, «поток сознания», внутреннюю речь, часто лишенные полноты и грамматической координации.

Интересно, что написанные на французском стихи молодого Тредиаковского в синтаксическом плане выглядят гораздо более легкими и изящными, чем русские их аналоги (так, В. И. Тюпа отмечает, что в сравнении с заглавием «Баллад о том, что любовь без заплаты не бывает от женска пола» «по-французски у самого Тредиаковского эта мысль звучит много изящнее: *Jamais sans prix on ne reste en amour*» [Тюпа 2006: 159]): обретение «славенороссийским» языком необходимой для построения поэтического шедевра гибкости совершалось трудно и постепенно, о чем свидетельствует и эволюция слога Тредиаковского. По мнению Е. Г. Эткинды, по этим текстам можно судить, «насколько техника французского стиха была в 1730 г. полнее и тоньше разработана, насколько в ту пору русский поэтический язык по гибкости уступал французскому» [Эткинд 1973: 14].

Среди известнейших поэтов XVIII столетия (сравнение в «Синтаксическом словаре русской поэзии XVIII века» проводилось с девятью другими авторами — см. [Патроева (ред.) 2017: 56] Тредиаковский оказался

на первом месте по длине предложения. В одном из поздних поэтических творений «В крайностях терпение пользует», когда «трудолюбивый филолог» перешел с позиций демократизации поэтического слога на архаизаторские тенденции славянизации речи, мы находим предложение в 156 слов:

*О! вы, в которых боль по беспокойству духа,
Крушится ль кто из вас от ложна в людях слуха,
Тщеславный ли язвит и жалит где кого,
Прегрубый ли блюет всем зевом на него,
Безумный ли какой ругает безобразно,
От злобы стервенясь иной порочит разное,
Ничтожит ли давно, с презором, гордый ферт,
Через сильного ль бедняк несправедливо стерт,
По страсти ль чем тебя и нагло кто обидит,
Без всяких ли причин сверх меры ненавидит,
Иль предпочтен тебе в способности другой,
Или врагом восстал нечаянно друг твой,
Иль ухищренный льстец копает ров лукавно,
На пагубе твоей возвысился б он славно,
Иль в очи, ни при ком, хвалить не престаёт,
Кой за глаза в хулах, при всех, не устаёт,
Иль, словом, страждет кто из вас навет поносный,
И так, что жизни век затем ему не сносный,
А нельзя пременить и от того уйти,
Ни способа отнюдь к спасению найти,
Послушайте, что вам Гораций предлагает,
Да более дух ваш не преизнемогает. (355–356)*

При этом интересно совмещение разговорных элементов (вводно-модальных слов) и книжных синтаксических черт (высокое обращение, начинающееся с *О! вы...*, императивно-целевое придаточное с *Да* и атрибутивное с устаревающим *Кой*), соседство стилистически разнящихся причастия *ухищренный* и деепричастия *стервенясь* (355–356).

В зрелые годы реформатор русского стиха в ходе переделки своих силлабических произведений в опыты с хореем существенно изменял синтаксическую организацию первоначальных редакций. Церковнославянские грамматические образцы соседствуют у зрелого Третьяковского с такими пробивающими себе все более уверенно дорогу устно-разговорными чертами лирического дискурса, как эллиптичность (*Часть в подарок сродникам, часть брату; Благодетель ту б взял, говорит; Ту несите*

куму; ту часть свату... (193) — только один из многих примеров), «повышенная» субъективная модалация и сегментация высказывания, воспроизводящие перебивы спонтанного потока живой речи. Одним из первых в русской поэзии В. Тредиаковский, начинает использовать построения с именительным «представления» (в терминах А. М. Пешковского), номинативные ряды, а также вставные и присоединительные конструкции, например:

*Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил толь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал,
И обитать в нём всякому любезно. (180)*

Жизнь? но не ста лет дольше. (78)

*Авзонских стран Венеция, и Рим,
Бог — истинны его дела
И все пути его, суд правый, —
Бог верен, а неправда зла... (186)*

Итак, синтаксис В. К. Тредиаковского с течением времени не столько упрощается, сколько трансформируется, подстраиваясь под новые версификационные условия, жанрово-стилевые каноны и требование эпохи отразить все усложняющийся внутренний мир индивида. Тредиаковский-реформатор наметил, заложил многие лишь зарождавшиеся тогда в российской словесности тенденции в области лирической коммуникации: изящное построение фразы на основе бессоюзия и эллипсиса, повтора и параллелизма, усиление диалогизма, моделирование живой устной и внутренней речи субъекта, проложив тем самым дорогу будущим поэтам-экспериментаторам. Установка Тредиаковского в области синтаксиса оказалась не столько нормализаторской (как у Ломоносова), сколько именно новаторской и экспериментаторской (в этом Тредиаковский близок Кантемиру).

Источники

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: фонетика, морфология, ударение, синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.

Винокур Г. О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 11–137.

Таблица 1. Структурная типология предложений в русской поэзии XVIII века
Table 1. Structural typology of sentences in Russian poetry of the 18th century

Тип предложения	Автор		
	Кантемир	Тредиаковский	Ломоносов
Неосложненные простые двусоставные предложения	80 (9,7%)	114 (19,2%)	437 (19,92%)
Неосложненные простые односоставные предложения	22 (2,7%)	17 (2,9%)	57 (2,6%)
Осложненные простые двусоставные предложения	45 (5,4%)	55 (9,3%)	271 (12,35%)
Осложненные простые односоставные предложения	23 (2,8%)	22 (3,7%)	65 (2,96%)
Бинарные сложносочиненные предложения	19 (2,3%)	19 (3,2%)	88 (4,01%)
Бинарные сложноподчиненные предложения	96 (11,6%)	57 (9,6%)	345 (15,72%)
Бинарные бессоюзные сложные предложения	71 (8,6%)	67 (11,3%)	262 (11,94%)
Многокомпонентные сложно-сочиненные предложения	6 (0,7%)	4 (0,7%)	2 (0,09%)
Многокомпонентные сложно-подчиненные предложения	76 (9,2%)	16 (2,7%)	82 (3,74%)
Многокомпонентные бессоюзные предложения	35 (4,2%)	65 (11%)	106 (4,83%)
Многокомпонентные предложения с сочинением и подчинением	73 (8,8%)	34 (5,7%)	102 (4,65%)
Многокомпонентные предложения с сочинением и бессоюзием	24 (2,9%)	27 (4,6%)	64 (2,92%)
Многокомпонентные предложения с подчинением и бессоюзием	146 (17,6%)	51 (8,6%)	199 (9,07%)
Многокомпонентные предложения с сочинением, подчинением и бессоюзием	109 (13,2%)	44 (7,4%)	56 (2,55%)
Фразеологизированные предложения	0 (0%)	0 (0%)	1 (0,05%)
Нечленимые предложения	3 (0,4%)	1 (0,2%)	57 (2,6%)
Всего	828 (100%)	593 (100%)	2194 (100%)

Кантемир А. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. 547 с.

Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX века: Пути становления современной нормы. М.: Наука, 1969. 231 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 8. М.; Л.: АН СССР, 1959. 863 с.

Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1772. 128 с.

Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1963. 577 с.

Литература

Акимова Г. Н. Очерки по синтаксису языка М. В. Ломоносова // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки / отв. ред. С. В. Вяткина, Д. В. Руднев. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 13–291.

Акимова Э. Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2006. 240 с.

Борковский В. И. (ред.). Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М.: Наука, 1978. 448 с.

Бухаркин П. Е. Риторика и история литературного языка // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 47–53.

Григорьев В. П. (ред.). Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990. 304 с.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки рус. Культуры», 1996. 590 с.

Красильникова Е. В. (отв. ред.). Поэтическая грамматика. Т. 1. М.: Азбуковник, 2005. 429 с.

Патроева Н. В. (ред.). Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 576 с.; Т. 2: Ломоносов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 608 с.

Патроева Н. В. Синтаксическая организация стихотворных сочинений А. Д. Кантемира // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2021. Т. 23, № 3. С. 131–152.

Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // А. С. Пушкин об искусстве: в 2 т. Т. 1 / сост., предисл. и коммент. А. А. Вишневого. М.: Искусство, 1990. 363 с.

Тюпа В. И. Французская силлабика В. К. Тредиаковского и силлабо-тоническая реформа русского стиха // Новый филологический вестник. 2006. № 1 (2). С. 157–161.

- Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 215 с.
- Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 248 с.

References

- Akimova E. N. *Realizatsiya kategorii obuslovlennosti v yazyke pamyatnikov pis'mennosti russkogo srednevekov'ya (XI–XVII vv.)* [Implementation of the category of conditionality in the language of written monuments of the Russian Middle Ages (11th–17th centuries)]. Saransk, Publ. House of the Mordovian Univ., 2006. 240 p.
- Akimova G. N. [Essays on the syntax of M. V. Lomonosov's language]. *Grammatika i stilistika russkogo yazyka v sinkhronii i diakhronii: ocherki* [Grammar and stylistics of the Russian language in synchronicity and diachrony: essays]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State Univ. Publ. 2012, pp. 13–291. (In Russ.)
- Borkovsky V. I. (ed.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Prostoie predlozhenie* [Historical grammar of the Russian language. Syntax. A simple sentence]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 448 p.
- Bukharkin P. E. [Rhetoric and the history of literary language]. *Mir russkogo slova*, 2017, no. 1, pp. 47–53. (In Russ.)
- Etkind E. G. *Russkie poety-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina* [Russian poets-translators from Trediakovsky to Pushkin]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 248 p.
- Grigor'ev V. P. (ed.). *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka. Poeticheskii yazyk i idiosstil': Obshchie voprosy. Zvukovaya organizatsiya teksta* [Essays on the history of the language of Russian poetry of the 20th century. Poetic language and idiostyle: General issues. Sound organization of text]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 304 p.
- Krasil'nikova E. V. (ed.). *Poeticheskaya grammatika. T. 1* [Poetic grammar. Vol. 1]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2005. 429 p.
- Patroeva N. V. (ed.). *Sintaksicheskii slovar' russkoi poezii XVIII veka: v 4 t.* [Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th century: in 4 vols.]. Vol. 1: Kantemir, Trediakovsky. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2017. 576 p.; Vol. 2: Lomonosov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2019. 608 p.
- Patroeva N. V. [Syntactic organization of A. D. Kantemir's poetic works]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2021, vol. 23, no. 3, pp. 131–152. (In Russ.)
- Pushkin A. S. [Journey from Moscow to St. Petersburg]. *A. S. Pushkin ob iskusstve: v 2 t. T. 1* [A. S. Pushkin on Art: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990, 363 p.

Н. В. Патроева. Синтаксис В.К. Тредиаковского в аспекте некоторых тенденций развития русского литературного языка...
N. V. Patroeva. V. K. Trediakovsky's Syntax in the Aspect of Some Trends in the Development of Russian Literary Language...

Тура V. I. [French syllabic V. K. Trediakovsky and the syllabic-tonic reform of Russian verse].
Novyi filologicheskii vestnik, 2006, no. 1 (2), pp. 157–161. (In Russ.)

Uspenskii B. A. *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII – nachala XIX veka. Yazykovaya programma Karamzina i ee istoricheskie korni.* [From the history of the Russian literary language of the 18th – early 19th century. Karamzin's language program and its historical roots]. Moscow, Publ. House of Moscow Univ., 1985. 215 p.

Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia of the 18th century]. Moscow, Shkola "Yazyki Russkoi kul'tury" Publ., 1996. 590 p.

Ломаная русская речь «восточных инородцев» — персонажей художественной литературы XX века

Алексей Александрович Стрельцов, Южный федеральный университет
(Россия, Ростов-на-Дону), al-astr@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611725010075

аннотация: В статье рассматривается то, как писатели, преимущественно отечественные, учитывают в репликах прямой речи особенности произношения персонажей, говорящих на выученном русском языке и при этом владеющих им на уровне, достаточном для осуществления успешного общения с другими персонажами — носителями русского языка.

Исследование, осуществленное на материале двадцати произведений художественной литературы XX в., отражает представления писателей о звучании ломаной русской речи коренных жителей Сибири и Дальнего Востока, преимущественно якутов, удэгейцев, орочей, нанайцев и эвенков. Цель исследования заключается в установлении регулярных нарушений в контаминированной речи персонажей художественной литературы, относящихся к коренным народностям азиатской части России.

Представлена классификация разноуровневых языковых средств, являющихся основными видами нарушений русскоязычной речи в представлении отечественных авторов. Регулярным фонографическим средством является изменение артикуляции, в частности замена некоторых согласных другими. Выявлены следующие грамматические средства: замена личных местоимений притяжательными, использование формы глагола в повелительном наклонении единственного числа

вместо личной формы или инфинитива, изменение порядка слов, использование глагола «есть», нарушение согласования в роде и числе существительных и прилагательных, а также нарушения в управлении глаголов. Также отмечается использование иноязычных вкраплений и некоторых наречий.

Установлено преобладание грамматических средств при передаче нарушений в речи персонажей-инородцев над фонографическими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: контаминированная речь, ломаная речь, инофон, искажения, литературный персонаж

для цитирования: Стрельцов А. А. Ломаная русская речь «восточных» инородцев — персонажей художественной литературы XX века // Русская речь. 2025. № 1. С. 98–111. DOI: 10.31857/S0131611725010075.

The Language of Fiction

Contaminated Russian Speech of Eastern Natives — 20th Century Fiction Characters

---

Aleksey A. Streltsov, Southern federal university (Russia, Rostov-on-Don), al-astr@yandex.ru

---

АБСТРАКТ: The article features the way fiction writers depict direct speech of non-native characters who are fluent and able to communicate effectively with the native speaker characters. The investigation based on works written by Russian and one Polish author of the 20th century shows how they imagined the speech of indigenous peoples of the Far East who had to talk in Russian. Numerous examples given in this article feature the interfering effect of their native tongues on the second Russian language. The work provides a typology of language means, representing the main kinds of distortions of the Russian speech made by native speakers (Yakut, Oroch, Udege, Nanai, Evenk). The aim of the article is to establish regular distortions in the contaminated Russian speech of the above-mentioned peoples shown in works of fiction. The main phonetical and graphical device is the change of

the place of articulation substitution of palatodental by dental consonants. The most frequent grammatical devices include replacement of personal pronouns by possessive ones, violation of syntactic coordination, and of word order.

The paper also notes the cases of using native tongue inclusions, as well as certain specific adverbs and defines preponderance of grammatical devices over phonetical and graphical ones while conveying irregularities of speech of non-native speakers.

KEYWORDS: contaminated speech, broken speech, non-native speaker, distortions, literary character

FOR CITATION: Streltsov A. A. Contaminated Russian Speech of Eastern Natives — 20th Century Fiction Characters. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2025. No. 1. Pp. 98–111. DOI: 10.31857/S0131611725010075.

Россия — большая страна, которая во второй половине прошлого тысячелетия приросла Сибирью и Дальним Востоком. На этих землях издавна жили люди, чей быт и нравы были описаны в произведениях русских писателей (и стали в свою очередь предметом изучения филологов и этнографов: [Фролова 2015], [Шихалева 2017], [Яроцкая 2017], [Краюшкина 2018], [Вольман 2022]) и которые говорили на языках, сильно отличавшихся от государственного — русского. Строй его был им чужд, а овладение происходило зачастую в ходе общения с его носителями и имело поэтому несистемный характер.

Результатом стала контаминированная, т. е. искаженная русская речь представителей так называемых коренных народов Сибири и Дальнего Востока, которых в царской России также называли «восточными инородцами». Ее особенностью является специфическое искажение фонетических и грамматических норм русского языка.

Эти искажения нашли отражение не только в записях этнографов и диалектологов, но и в художественной литературе, что представляет интересный неисследованный источник изучения контаминированной речи. Предметом являются фонетические, лексические и грамматические особенности русской речи литературных персонажей, относящихся к следующим народностям: ненцы, якуты, эвенки, удэгейцы, алтайцы, орочи.

Материалом для исследования послужили произведения советских и российских авторов XX века: рассказы И. Ефремова «Голец подлунный»

(якуты Габышев и Кильчегасов) и «Алмазная трубка» (эвенк), мемуары: А. Лариной-Бухариной «Незабываемое» (алтаец) и П. Богомаза «Туранский перевал» (якут Павел Романович Романов), романы: А. А. Фадеева «Последний из удэге» (удэгеец Сарл), В. К. Арсеньева «Дерсу Узала», «По Уссурийскому краю», «Сквозь тайгу», «В горах Сихотэ-Алиня» (нанаец/удэгеец Дерсу Узала, удэгеец Геонка, ороцкий старшина Федор Бутунгари, орочи Карпушка и Савушка), А. Беляева «Продавец воздуха» (якут Никола), В. Каверина «Два капитана» (ненец), Б. Можая «Падение лесного короля» (удэгеец Сусан), повести: Н. Лескова «На краю света» (проводник-зырянин), К. С. Бадигина «Секрет государственной важности» (ороч Николай Григорьевич Намунка) и Г. А. Федосеева «Злой дух Ямбуя» (эвенки проводник Долбачи и старуха Лангара), а также роман польского писателя А. Шклярского «Таинственное путешествие Томека» (нанаец Нучи). Единичные примеры взяты также из романов: В. Я. Зазубрина «Два мира», Н. А. Островского «Как закалялась сталь», Л. Кассиля «Конduit и Швамброния», В. В. Вересаева «На японской войне. Живая жизнь»; в них представлена контаминированная речь китайцев, а в рассказе С. В. Диковского «Бери-бери» — японцев. Это сделано для сравнения, поскольку мы предполагаем, что не все авторы различают особенности произношения разных народов Дальнего Востока. Примеры были получены методом сплошной выборки из указанных произведений, в том числе с использованием Национального корпуса русского языка, для обработки данных были использованы сопоставительный метод и метод индукции.

Цель нашего исследования заключается в установлении регулярных нарушений в контаминированной речи персонажей художественной литературы, относящихся к коренным народностям азиатской части России. Исследование функций речевых особенностей указанных персонажей, равно как и сравнительно-сопоставительный анализ особенностей родных языков персонажей с целью установления меры авторской стилизации при их отображении в художественном тексте, может стать целью дальнейшего исследования. Также мы выделили ряд особенностей употребления некоторых диалектных слов, которые авторы используют для характеристики речевого поведения персонажей — «восточных инородцев».

Фонетический уровень — нарушение произносительных норм русского языка

1. Замена [ш], [щ] и [ч'] на [с]: *селовек крисит, далесе, не умеешь, больсе, сто делаешь, засем, нисего, серез, товарицу, нехоросо, Не видись? я посол,*

товарисси, присли, хороса стука, не кусал [П. в.]¹. То же отмечается и в речи китайцев: *товалиса, большевика, наса* [К. з. с.]; *наса* [Д. м.]. Вследствие замены [ч'] на [с] отмечается йотирование гласных для передачи мягкости на письме: *снасяла, хосю сейсяс* [П. в.], а в слове «кусын» (кувшин) происходит еще и опущение [ф] после [у], при этом орфография ударной гласной приближена к транскрипции [куфшы́н].

2. Замена [ч'] на [ц]: *хоцес* [П. в.]; *хоцу, зацем* [Д. к.]; *клицала* [К. з. с.], в речи японцев — [т'] на [ц]: *рассказываць его ... маць* [Б.-б.].

3. Замена [р] на [л]: *ливольвел* [П. в.].

Эта замена может сочетаться с заменой [ш] на [с]: *холосо* [Д. к.]; *халасо* [Д. м.]; *холосая* [К. з. с.]. В двух последних примерах эти особенности характерны для речи китайцев.

Несколько вышеперечисленных особенностей встречаются в короткой фразе китайца Чи Сун-ча: *лас холосо, засем единиса?* [К. Ш.]. При этом отмечается, что замена [р] на [л] является отличительным признаком устной речи говорящих по-русски китайцев: «по тому, как свободно произнес он “р” ... Сережа понял, что это (встреченный им человек, одетый в китайскую одежду — А. С.) не китаец» (*ср. лужья, луска* [Д. м.] в речи китайца-спекулянта). Собеседником героя был удэгеец в китайской одежде: «я — хитрый: портки китайский надевай, рубашка китайский, шапка все равно китайский, я знай, китайский люди много ходи, белый не тронет... А белый ничего не знает. Его смотри: глаза косой, шапка китайский, — значит, китайский люди. А ряшка его не разбирает» [П. у.]. И в настоящее время исследователи отмечают, что «несколько пар звуков трудно различаются китайскими студентами, что вызывает типичные ошибки их произношения: [ш] — [щ], [с] — [ш] ... [р] — [л]» [Чжан, Сергеева 2019].

4. Замена [д] на [н] вследствие уподобления звуков: *оннако* [Г. п.].

Грамматический уровень — замена морфологических форм и изменение порядка слов в предложении

1. Замена личных местоимений притяжательными: *Это моя. Моя хорошо понимай, Ваша хорошо стреляли, Его был смирный, Чего ваша смеется? Наша постоянно так, Его... говорит верно* [Д. У.]; *Моя гольд, Моя трубку потерял, Его близко тут прятался* [П. У. к.]; *Как наша сюда попал? — говорил он, не то обращаясь ко мне, не то к самому себе* [С. т.]; *Его живой!* [С.-А.]; *Моя пришла твоя смотреть, Моя не поняла.* [Н.]; *Его меня разведка посылай, Наша помогай* [П. у.]; *Твой умный человек* [Г. п.]; *Моя некрещена, Моя счастливая* [Н. к. с.]; *Его обижайся* [П. л. к.]; *Моя люди потерял, Елизара моя*

¹ Примеры здесь и далее взяты из Национального корпуса русского языка.

не трогал, *Моя вода тащи* [З. д. Я.]; *Моя проверит, Твоя устанет ходить, Наша не может стрелять* [Т. п. Т.]. Причем в последнем случае указанная особенность есть и в тексте оригинала: *Moja, Twoja, nasza* [Szkłarski].

Та же особенность отмечается в речи китайца Чжан Бао: *твоя сиди тихо* [С.-А.]; китайца-проводника: *Моя не хочет!* [Ж. ж.]; китайца-хунхуза: *Его говори, Его, однако, давно хунхуз, Его портной был* [П. у.]; китайца-коммуниста: *Моя его знает* [К. з. с.].

В одном произведении персонаж использует личное местоимение, но в косвенном падеже: *Тебе знай, Тебе Гладких помнишь? Тебе понимай? Тебе не забывай? Тебе посмотри* [П. у.].

2. Использование форм глагола в повелительном наклонении 2 л. ед. ч. вместо

а) личных форм настоящего и будущего времени: *ночь кончай, моя стреляй, Скоро помирай, Кабаны ходи, Скоро ночь кончай.* [Д. У.]; *охота ходи, дождь ходи, спички найди, кушай найди* [П. У. к.]; *совсем трудно живи* [С. т.]; *собака пропади* [С.-А.]; *печка сиди, лапти суши, я понимай, земля работай надо* [П. у.]; *люди тайга ходи, зачем стреляй, кто стреляй, Вечер все дома сиди* [Т. п.]; *та сторона ходи, Кони скоро пропади, Мука кончай, масло кончай* [А. т.]; *лодка на берегу бери, хозяина не спроси, Царь медаль подари, котомка забирай, сюда попадай, много рыбу кушай* [С. г. в.]; *Зачем ругай? Трубочка его падай изо рта — пожар делай, юрта гори, склад гори, Я не знай* [П. л. к.].

Эта особенность свойственна и речи китайца-хунхуза (земля работай, жемчуга лови, женьшень собирай [П. у.]), и японца (*Живи — нет. Ваша стой здесь... Наша ходи за доктором* [Б.-б.]). В романе А. Шклярского, с другой стороны, персонаж-нанаец использует как личные формы глагола в 3 л. ед. ч.: *твоя накормит, Моя думает* [Т. п. Т.]; *Dobrze twoja tówi* (в пер. «Хорошо твоя говорит» — А. С.) [Szkłarski], так и инфинитив: *Наша знать, Наша ждать луны, твоя стрелять, Твоя хорошо сделать* [Т. п. Т.], *Nasza musi złarać* (в пер. «Наша должна поймать» — А. С.) [Szkłarski];

б) инфинитива в составном глагольном сказуемом: *надо старOVERу помогай, хочу утку гоняй, Надо его пугай, хочу воды бери, Убей не хочу, надо бивак делай* [Д. У.]; *Надо назад ходи, надо хорошо смотри, кушай хочу* [П. У. к.]; *надо скоро ходи* [С. т.]; *Отдыхай хочу, кушай хочу* [С. г. в.]; *Надо много спи* [С.-А.]; *работай надо* [А. т.].

3. Глагол «есть» в речи не опускается, всегда расположен в конце утвердительного (как исключение — вопросительного) предложения и используется в двух случаях:

а) как отдельный глагол, обозначающий присутствие или существование предмета или лица: *Четыре крепких доски есть* [Д. к.]; *Моя считал — шесть есть, такой баба много есть, Моя глаза есть, на биваке много солдат есть, В тайге много разный люди есть, там много орехов есть* [Д. У.];

капитан есть, солдаты есть, соболев есть, олень тоже есть, трубка тут близко есть, русские хунхузы тоже есть, Твоя винтовка патроны есть? Китайская фанза большой труба есть [П. У. к.]; *еще большой порог есть* [Г. п.];

б) как часть составного сказуемого, выражающего совершенное действие, в том числе предстоящее: *Моя запах найди есть, Люди помирай есть* [Д. У.]; *Наша скоро балаган найди есть, Вода прибавляй есть, Кони ходи есть — тебе ходи есть, Там ... помирай есть моя жена, скоро матку поймай есть, наша Иман найди есть* [П. У. к.]; *другая сторона ходи есть, много люди в лесу пропади есть, Моя много люди спасай есть* [С. г. в.]. Правильно было бы сказать: «Я нашёл запах» и т. д.

4. Во встретившихся нам примерах отрицание может быть выражено несколькими способами:

а) наречие + «далеко нету», при этом частица стоит в конце предложения: *Море далеко нету* [Д. У.]; *Иман далеко нету* [П. У. к.]; *Сюркум далеко нету* [С.-А.];

б) существительное/глагол + нету: *Тебе иголка нету, птица тоже нету, скоро кончай нету, ничего бойся нету, людям никогда мешай нету* [Д. У.]; *Стреляй нету* [Т. п.]; *тебе мешай нету, Трава гори нету* [П. У. к.] и [С.-А.], *понимай нету, Охота ходи нету*. [С.-А.] и [П. У. к.]. Правильно было бы сказать: «Ничего не бойся»; «Людям никогда не мешает».

Ороч Намунка употребляет частицу «нет», иногда используя правильный порядок слов: *Я нет большевичка / Моя нет большевичка, Наша нет гиялка, Моя разбойника нет, Ночью ходи нет, партизан совсем любии нет* [С. г. в.];

в) в составном глагольном сказуемом вместо инфинитива употребляется повелительное наклонение, а модальный глагол с отрицанием («не могу» или «не надо») стоит после него в конце предложения: *летай не могу, живи не могу, посмотри не могу, гуляй не могу, Прямо ходи не надо* [Д. У.]; *Стреляй не надо, ломай не могу, говори тоже не надо, понимай не могу, отдыхай не могу* [П. У. к.]; *Бросай не могу, чего-чего купи не могу, Дальше ходи не могу* [С. т.]; *отдыхай не надо, громко говори не могу* [С. г. в.]; *бойся не надо, дальше живи не могу* [П. у.]. В прошедшем времени вместо повелительного наклонения используется форма прошедшего времени: *охота ходил не могу* [А. т.], тогда как по правилам русского языка нужно изменить порядок слов и использовать инфинитив: «Не мог ходить на охоту». Нам встретился единичный случай, когда порядок слов тот же, но глагол употреблен в форме инфинитива: *большой дорога ходить не могу* [З. д. Я.]

Во многих предложениях реализуется сразу несколько форм грамматической контаминации: *моя виноват нету, Моя тебя трогай нету, Моя тебе товарищ нету, Неужели моя попади нету? Тебе сердись не надо, Моя*

еще говорить кончай нету [Д. У.]; моя сегодня кушай нету, Моя дома нету, Его далеко ходи нету, Тебе виноват нету, Моя Владивосток не могу ходи [П. У. к.]; его шибко далеко нету [А. т.]; наша живи не могу [П. у.]; Его отдыхай нету, Моя живи здесь, Моя правду говори [С. г. в.]; Ваша сам дорогу смотри, моя надо назад ходи [С.-А.].

Указанные особенности встречаются и в речи китайца Чжан-Бао: *Наша стреляй нету, Его далеко ходи нету, Наша скоро его могу догоняй [С.-А.].*

5. Второстепенные члены предложения (дополнения, обстоятельства) располагаются перед простым глагольным сказуемым или между элементами составного: *Моя хочу один козуля убей, Наша в фанзе спи, Тебе сопка один ходи, Тебе надо другой место ходи [Д. У.]; Наша маленький огонь кладу [С.-А.]; Моя партизанам дорогу показывай, Моя русскому попу присягу давай, Моя знай, куда солдаты ходи [С. г. в.].*

6. Нарушение согласования в роде и числе существительных и прилагательных и управлении глаголов: *я видел такой человек [П. в.]; высокий, ровный, чистый место, Там еще есть дырка большой [Г. п.]; в этой изба живет [Н.]; хочу один козуля убей [Д.У.]; Один китайский люди [Д. У.]; один люди высокий [П. У. к.]; Один люди подох [С. г. в.]; Один люди вода упади [П. у.].*

Комментируя то, как говорил алтаец, А. Ларина-Бухарина отмечала, что «в своей речи он употреблял только женский род, со склонениями и спряжениями знаком тоже не был» [Н.].

Лексические особенности речи «инородцев»

1. Иноязычные вкрапления в транслитерированной форме²:

эта маленькая уикта (звезда) ...; Каза, каза! (чайка), — закричал он вдруг, указывая на белую птицу, мелькавшую в воздухе; хочу панцуй тебе подарить [женьшень] [Д. У.]; ыи талюгá моонí омуты ни [Эта березовая кора — все равно люди.] ... и продолжал на своем родном языке. — Ыи сугала хоктони Багдыхе [Это след лыжи Багдыхе.] [С. т.].

Он лючи [по-эвенкийски — русский] еще не знает.

Пошел на Ямбуи сокжой [дикий олень] промышлять. Северны атыркан [старуха] хорошо тебе толмачит. ...когда будешь натягивать ил [тетива] — не дыши. Ачин! [нет].

Воздух наполняется криком тугуток [олененок]. [З. д. Я.].

я произнес обычную формулу:

— *Капсе, тогор* (рассказывай, друг).

² В изданиях они сопровождаются переводом в скобках (в этом случае в статье они сохраняются) или в сноске (в тексте статьи — в квадратных скобках).

— *Со-охк, ень капсе* (нет, нечего рассказывать, ты рассказывай), — *протянул старик* [Г. п.].

Это чжагубай — *ответил Сарл* [кровосмешенные], *катами намихта* [сушеная рыба] [П. у.].

2. Добавление слова «однако»: *Бедя с ним, однако; Однако и ты не ходи! Однако ты пошел, и я пошел ... Однако высоко* [П. в.]; *Однако, крепкое дерево* [Д. к.]; *Километра триста будет, однако, Мясо, однако, здесь будет!* [А. т.]; *Однако близко Ямбуи худой люди живи. Однако тут ночевать будем.* [З. д. Я.].

3. Использование вместо «очень» слова «сильно»: *сильно дурак, сильно плохо было, сильно боюсь* [П. в.] или «шибко»: *Моя шибко боится, Его шибко хитрый, Шибко большой дым* [П. У. к.]; *шибко большая вода была* [С. т.]; *Шибко плохой люди, Шибко хорошо слышно* [С. г. в.]; *Тебя шибко боится, Ямбуи — место шибко плохой! Шибко болеет, Медведь шибко плохой зверь, Смотри, олень шибко морился, С пустой трубкой ночь шибко длинная* [З. д. Я.].

4. В качестве антонима к «сильно» выступает «мало-мало»: *мясо мало-мало пахнет, Мало-мало холодно, Моя мало-мало боится, Моя мало-мало ругается, Теперь мало-мало плохо* [П. У. к.]; *Работай маломало* [П. з.]; *прямой, мало-мало кривой* [Г. п.]; *мало-мало промок, мало-мало шаман* [П. у.]; *медведь мало-мало царапал, Я мало-мало чай пью, шкуры мало-мало делать* [З. д. Я.]. П. А. Кропоткину принадлежит самое раннее из известных нам упоминаний данной речевой особенности: «только непрерывно звучит сибирское “однако” да “мало-мало”» [Дневник], 1862]. Возможно, указанные слова — это диалектная особенность жителей Сибири и Дальнего Востока, но она отмечена в речи персонажей-инородцев, и примеров «правильного» употребления первыми «литературных» слов нам не встречалось. При этом в речи персонажей-сибрияков этих слов нет.

5. Разговорные слова «худо»/«худой» используются вместо «плохо»/«плохой»: *это место худое, Глаз худой стал* [Д. У.]; *Худо совсем* [П. л. к.]; *Его худо кушай, Это худо, — сказал он, указывая на небо, ночью будет худо, Его худо посмотри, Напрасно стреляй — худо* [П. У. к.]; *Не знаю, хорошо это или худо* [С.-А.] и [С. т.].

Вышеуказанные слова могут находиться рядом (*Это шибко худо* [П. У. к.], *Однако худо будет* [С.-А.]) или дистантно в рамках одного предложения (*Однако моя когда-нибудь худо будет* [П. У. к.]). Это показывает возможность сочетания лексических искажений в одном предложении.

6. Во всех имеющихся в нашем распоряжении немногочисленных примерах в функции наречия «всего»/«ничего» или местоименного наречия «кое-что»/«что-либо» используется «чего-чего»: *чего-чего посмотри,*

[Д. У.]; *чего-чего ломай не надо, там ... чего-чего много, чего-чего рыба кушай* [П. У. к.]; *знают, чего-чего твой не знает* [Г. п.]; *чего-чего куши о-очень мало* [П. у.]. При этом сами «литературные» аналоги в речи коренных народов не встречаются.

7. Слово «люди» в речи персонажей не склоняется и употребляется безотносительно к числу: *Там люди много, Моя старый люди* [Д. У.]; *два люди работали* [П. У. к.]; *Гладких — смелый люди* [П. у.], *Он старый люди* [З. д. Я.] и принадлежности объекта к роду людей. Причина этого не только в плохом знании русского языка, но и в убежденности Дерсу Узала и других в одушевленности окружающего мира: *Наша так думай: это земля, сопка, лес — все равно люди* [П. У. к.]. Одна из глав романа «По Уссурийскому краю» названа «Анимизм Дерсу».

Ниже перечисляются те объекты живой и неживой природы, которые коренные жители Сибири и Дальнего Востока определяют словом «люди». «Людьми» могут называться животные, например: *Моя раньше такой люди, — он указал на жука, — много посмотри нету, Рыба тоже люди, Енот ходи, барсук или ворона; ворона нет — мышь ходи, мышь нет — муравей ходи. В тайге много разный люди есть* [Д. У.];

Его старый «люди», — сказал он про кабана с клыками, Один люди другой люди кушай, — высказывал Дерсу вслух свои мысли. — Чего-чего рыба кушай, потом кабан рыбу кушай, теперь надо наша кабана кушай [П. У. к.];

Выть не шелохнулась. Дерсу рассмеялся. — Его шибко хитрый люди.

Сегодня ночью много люди пропади. Я понял, что «люди», о которых говорил Дерсу, были пернатые [П. У. к.];

или неодушевленные предметы:

Когда дрова горели плохо, он сердился на печь и говорил: Плохой люди, его совсем не хочу гори.

...он говорил про Полярную звезду — Это самый главный люди, — продолжал гольд. — Его всегда один место стоит, а кругом его все уикта ходят [Д. У.];

Его самый главный люди, — ответил мне Дерсу, указывая на солнце. — Его пропади, кругом все пропади. (Слово «солнце» обозначает также промежуток времени: Моя думай, половина солнца кончай, другой ветер найди есть. Предсказание Дерсу сбылось. В полдень начал дуть ветер с юга. Много солнца (т. е. несколько дней) не было ветра [П. У. к.]; *Зачем четыре солнца, Филипп?.. Ране надо ходить — три солнца, однако, самое много* [П. у.]

Худой люди! Как «люди»? — спросил я его в недоумении. — Вода, — отвечал он просто. — Ему могу кричи, могу плакать, могу тоже играй. ...указывая на огонь. — Его тоже все равно люди. — Земля тоже люди. Огонь и вода тоже два сильные люди [П. У. к.].

8. В текстах употребляются также заимствования из национальных языков при именовании тигра, к которому жители Сибири и Дальнего Востока относятся особенно уважительно. Например: *В глазах Дерсу была видна глубокая вера в то, что тигр (амба) слышит и понимает его слова [П. У. к.]*. Так же полагал и нанаец Нучи: — *Неужели ты и в самом деле думаешь, что тигр понимает твою речь? — спросил Томек. — Амба такой же человек³, как наша с тобой [Т. п. к.]*. В. Арсеньев подчеркивает это отношение коренного жителя тайги тем, что пишет слово «амба» всегда с заглавной буквы: *Амба совсем наша бивак ходи! [Д. У.], стрелять Амба никогда не буду, Моя много Амба посмотри [П. У. к.]*. Б. Можаяев указывает, что удэгейское название тигра — куты-мафа: *Куты-мафа вчера приходил. След у ручья. Большой! Куты-мафа оставил... Плохой тигр, Куты-мафа ходи здесь [П. л. к.]*, но другие авторы относят это слово к другому хищному зверю: *праздник Мафа-медведя [П. у.]*, «мафа» (медведь) [Д. У.]

Подводя итог, можно утверждать, что искажения в речи персонажей — представителей коренных народов Сибири и Дальнего Востока преимущественно проявляются на грамматическом уровне. Прежде всего это морфологические особенности: использование притяжательных местоимений, обычно женского рода (*моя, твоя, наша*), вместо личных и форм повелительного наклонения единственного числа (*ходи, понимай*) вместо личных форм глагола, а также нарушение согласования в роде и числе. Для синтаксиса характерен порядок слов SOV (подлежащее — обстоятельство/дополнение — сказуемое), причем вспомогательная часть составного глагольного сказуемого ставится после основной, особенно в отрицательных предложениях. Часто искажения столь существенны, что могут затруднять понимание.

Фонетические изменения менее разнообразны и чаще всего представлены заменой [ш], [щ], [ч'] на [с]. Многие из указанных в статье грамматических и фонетических изменений встречаются в речи китайцев, что указывает на неразличение авторами их искажений и контаминированной речи нанайцев, орочей и др.; единственным маркером может быть

³ Пример с «тигр — человек» единственный в нашей выборке на фоне преобладающего употребления «люди».

замена [р] на [л], не свойственная малым народам Дальнего Востока (исключение — якут в романе Беляева).

Лексические особенности, помимо добавления «однако» и употребления переданных транслитерацией иноязычных вкраплений, предполагают использование ограниченного числа наречий меры и степени, а также образа действия (*сильно, шибко, худо*), в том числе образованных редупликацией (*мало-мало, чего-чего*).

Источники⁴

- А. т. — Ефремов И. Алмазная трубка.
Б.-б. — Диковский С. В. Бери-бери.
Г. п. — Ефремов И. Голец подлунный.
Д. к. — Каверин В. Два капитана.
Д. м. — Зазубрин В. Я. Два мира.
Д. у. — Арсеньев В. К. Дерсу Узала.
Ж. ж. — Вересаев В. В. На японской войне. Живая жизнь.
З. д. Я. — Федосеев Г. А. Злой дух Ямбуя.
К. з. с. — Островский Н. А. Как закалялась сталь.
К. Ш. — Кассиль Л. Кондуит и Швамбрания.
Н. — Ларина-Бухарина А. Незабываемое.
Н. к. с. — Лесков Н. На краю света.
П. в. — Беляев А. Продавец воздуха.
П. л. к. — Можаяев Б. Падение лесного короля.
П. у. — Фадеев А. А. Последний из удэге.
П. у. к. — Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю.
С.-А. — Арсеньев В. К. В горах Сихотэ-Алиня.
С. г. в. — Бадигин К. С. Секрет государственной важности.
С. т. — Арсеньев В. К. Сквозь тайгу.
Т. п. — Богомаз П. Туранский перевал.
Дневник, 1862 — Кропоткин П. А. Дневник.
Т. п. Т. — Шклярский А. Таинственное путешествие Томека (пер. Е. К. Шпак). Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/PRIKL/SHKLYARSKIJ/tomek05.txt> (дата обращения: 14.01.2024)
Szklański A. Tajemnicza wyprawa Tomka. / URL: <https://fb2.top/tajemnicza-wyprawa-tomka-612558/read?ysclid=ltm1p0nllk350574506> (дата обращения: 11.03.2024)

⁴ Источники цитируются по Национальному корпусу русского языка, если не указано иное.

Литература

- Вольман Д. Ю., Гасымов Э. Ш. Языковая картина мира Дерсу Узала в травелогe В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» // Культура и наука Дальнего Востока. 2022. № 2 (33). С. 46–50.
- Краюшкина Т. В. Роман-эпопея А. А. Фадеева «Последний из удэге» как источник сохранения/интерпретации памяти об удэгейцах // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России. 2018. С. 95–100. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 14.01.2024).
- Фролова Е. А. «Странническая» жизнь художника слова (лингвостилистический анализ повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала») // Русский язык в школе. 2015. № 8. С. 33–38.
- Шихалева Т. В. Ландшафтная лексика в повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала» // Актуальные вопросы современной науки. Сборник статей по материалам VIII международной научно-практической конференции. В 4-х ч. 2017. С. 62–72.
- Чжан С., Сергеева Н. Н. Типичные ошибки в подготовленной устной речи китайских студентов при изучении русского языка // Педагогическое образование в России. 2019. № 6. С. 120–124.
- Яроцкая Ю. А. Формирование представления читателей о Дальнем Востоке России в книге ИГЕ В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. Материалы Международной научной конференции. 2017. С. 139–142.

References

- Chzhan S., Sergeeva N. N. [Typical mistakes in oral speech prepared Chinese students to study Russian language]. *Pedagogicheskie obrazovanie v Rossii*, 2019, no. 6, pp. 120–124. (In Russ.)
- Frolova E. A. [The “wandering” life of the word artist (linguistic and stylistic analysis of V. K. Arsenyev’s story “Dersu Uzala”).] *Russkii yazyk v shkole*, 2015, no. 8, pp. 33–38. (In Russ.)
- Krayushkina T. V. [The epic novel by A. A. Fadeev “The Last of the Udege” as a source of preservation/interpretation of the memory of the Udege people]. *Kul’turno-istoricheskoe nasledie Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: issledovanie i sokhranenie. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu vysshego istoricheskogo obrazovaniya na Dal’nem Vostoke Rossii* [Cultural and historical

heritage of Russia and counties of the Asia-Pacific region: investigation and preservation. Proc. of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of higher historical education in the Russian Far East], 2018, pp. 95–100. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 14.01.2024).

Shikhaleva T. V. [Landscape vocabulary in V. K. Arsenyev's story "Dersu Uzala"]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki. Sbornik statei po materialam VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 4-kh ch.* [Topical issues of modern science. A collection of articles in 4 parts], 2017, pp. 62–72. (In Russ.)

Vol'man D. Yu., Gasymov E. Sh. [The linguistic picture of the world of Dersu Uzala in V. K. Arsenyev's travelogue "In the wilds of the Ussuri region"]. *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka*, 2022, no. 2, pp. 46–50. (In Russ.)

Yarotskaya Yu. A. [Formation of readers' ideas about the Russian Far East in V. K. Arsenyev's book "On the Ussuri Region"]. *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizatsiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Image of the Motherland: content, formation, updating. Proceed. of the International Scientific Conference], 2017, pp. 139–142. (In Russ.)

Анжамбеман как «оператор» иронии в поэзии И. А. Бродского

Елена Григорьевна Туманова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Нижний Новгород), tumanovalena@list.ru

DOI: 10.31857/S0131611725010081

аннотация: В настоящей статье рассматривается анжамбеман как средство реализации иронии в поэзии И. А. Бродского. В основе анжамбемана, как и в основе форм комического, лежит несовпадение. Для комического это условное несовпадение ожидаемого и реального, для анжамбемана — несовпадение синтаксического и ритмического членения стиха. Несмотря на богатейшую традицию исследования анжамбемана вообще, в литературоведении в меньшей степени описан иронический потенциал этого приема.

Ирония и рациональная, критическая картина мира — одно из ключевых свойств поэзии И. А. Бродского, и анжамбеман становится выразителем подобного мировоззрения. В статье рассматривается, как с помощью анжамбемана (в том числе «затяжного») Бродский разрушает ожидание, связанное с клише, очевидностью и тем самым делает высказывание содержательно неустойчивым, парадоксальным. Поэтический перенос способствует тому, чтобы читатель «задержался» в своем ожидании «нужного» слова, а затем обманулся в этом ожидании, что рождает в стихотворениях иронический эффект и оказывается частью «внеавторитарного» поэтического мышления Бродского.

ключевые слова: Бродский, анжамбеман, ирония, поэтический синтаксис, вставная конструкция

для цитирования: Туманова Е. Г. Анжамбеман как «оператор» иронии в поэзии И. А. Бродского // Русская речь. 2025. № 1. С. 112–127. DOI: 10.31857/S0131611725010081.

The Language of Fiction

Enjambement as an “Operator” of Irony in the Poetry of I. A. Brodsky

---

Elena G. Tumanova, National Research University “Higher School of Economics” – Nizhny Novgorod
(Russia, Nizhny Novgorod), tumanovalena@list.ru

ABSTRACT: The basis of enjambement as well as the basis of comic forms is discrepancy. For comic ones this is a conditional discrepancy between expected and real; for enjambement, it is a discrepancy between the syntactic and rhythmic division of the verse. Despite the most long tradition of enjambement research in general, the ironic potential of this technique is insufficiently described in literary studies.

The article examines enjambement as a means of giving irony a way in the poetry of I. A. Brodsky. Irony and a rational, critical picture of the world are one of the key properties of Brodsky’s poetry, and the enjambement becomes an exponent of such an outlook. With the help of enjambements (including “prolonged”), Brodsky destroys the expectation associated with clichés and obviousness, and thereby makes the statement content-unstable and paradoxical. Poetic transfer helps the reader to “linger” in his expectation of the “right” word, and then be deceived in this expectation, which gives rise to an ironic effect and turns out to be part of Brodsky’s “extra-authoritarian” poetic thinking.

KEYWORDS: Brodsky, enjambement, irony, poetic syntax, parenthesis

FOR CITATION: Tumanova E. G. Enjambement as an “Operator” of Irony in the Poetry of I. A. Brodsky. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2025. No. 1. Pp. 112–127. DOI: 10.31857/S0131611725010081.

Ирония — одно из самых сложных, многозначных и вместе с тем дискуссионных понятий в мировой культуре. Исторические и современные исследования иронии можно найти в разных областях человеческих знаний: в литературоведении, лингвистике, антропологии, психологии, философии, культурологии и во многих других сферах.

Согласно «Литературному энциклопедическому словарю», ирония — «выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» [Кожевников, Николаев (ред.) 1987: 132]. Однако иронию можно рассматривать не только как стилистический прием, но и как философскую категорию, и как тип эстетической модальности, и как поэтическую «оптику». Как отмечает Н. Т. Рымарь, «ирония, безусловно, входит в сферу комического, но вместе с тем представляет собой явление, в котором комическое как бы перестраивает свою структуру, переносит основное событие комического из плана бытийного в план рефлексии над бытием» [Рымарь 2004: 4].

По словам К. М. Шилихиной, «в отличие от других тропов, ирония не связана с каким-либо конкретным уровнем языковой системы, поэтому очень трудно определить тот набор языковых средств, за которым в языковой системе была бы закреплена функция “служить сигналом иронии” в высказывании» [Шилихина 2014: 82]. Следовательно, для реализации иронии в тексте может быть использован широкий набор средств как лексического, так и синтаксического уровней языка. Среди языковых и стилистических средств создания иронии — слова в переносном значении, повторы, оценочная лексика, просторечия, жаргонизмы, профессионализмы, диалектизмы, архаизмы, перифразы, инверсии, риторические вопросы, восклицания и обращения, антитезы, синтаксический параллелизм и многие другие. Ироническими могут быть эпитеты (в том числе постоянные), метафоры, олицетворения, метонимии, сравнения, гиперболы, литоты. С иронической модальностью связаны гротеск, а также, по словам В. М. Пивоева, каламбуры, сказовая форма повествования, парадоксы, антифразис, иносказательная речь, аллегория, аллюзия [Пивоев 2000: 62–67]. Кроме того, В. М. Пивоев отмечает, что для выражения иронии применяются также морфологические средства (например, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «работнички», «зданьице»), а в художественных произведениях — «специфические средства выражения иронии»: ремарки, цитации, кавычки, курсив [Пивоев 2000: 66].

В настоящей статье в качестве «оператора» иронии в поэзии Бродского нами рассматривается анжамбеман.

В основе анжамбемана (enjambement, стихотворного переноса, поэтического переноса), как и в основе форм комического, лежит несовпадение. Для комического это условное несовпадение ожидаемого и реального («обманутое ожидание»), «в теоретическом отношении — несоответствие между идеей и действительностью» [Кьеркегор 1993: 194]; для анжамбемана — «несовпадение синтаксической и ритмической паузы в стихе, когда конец фразы или колона не совпадает с концом стиха (или полустушия, или строфы), а приходится немного позже (rejet — “сброс”), раньше (contre-rejet — “наброс”) или и позже и раньше (double-rejet — “двойной бросок”» [Гаспаров 2001: 738]; «несовпадение синтаксического и ритмического членения стиха, при котором внутри строки имеется более сильная синтаксическая пауза, чем в конце» [Степанов 2008: 162–163]. В. М. Жирмунский подчеркивает, что «художественное значение переноса — в самом факте несовпадения метрического и синтаксического переноса» [Жирмунский 1975: 159]. В то время как поэтическая речь сама по себе звучит неестественно, анжамбеман подобную неестественность усиливает.

Вместе с тем, как пишет И. И. Ковтунова, целесообразно подходить к анжамбеману «не как к вторжению прозаической интонации в стихотворный ритм, а, напротив, как к необычному для прозы членению речи, которое в силу этой необычности всегда обнажает и подчеркивает стиховой ритм» [Ковтунова 1986: 12].

К исследованию анжамбемана обращаются Б. И. Ярхо, В. М. Жирмунский, Ю. Н. Тынянов, М. Л. Гаспаров, Т. В. Скулачева, Г. А. Левинтон, М. И. Шапир, С. А. Матяш, А. Г. Степанов и другие исследователи. Большинство ученых указывают на семантическую роль анжамбемана. Например, М. И. Шапир говорит об экспрессивно-семантическом ореоле переносов в «Евгении Онегине» [Шапир 2009: 37–38].

По словам Ю. Н. Тынянова, «семантическую роль enjambement легче всего проследить не там, где он подчеркивает синтаксическую паузу и интонационную линию, а там, где он немотивирован» [Тынянов 2022: 86].

Среди функций анжамбеманов можно назвать следующие:

- 1) работа с рифмой: актуализация, создание новой рифмы;
- 2) актуализация новых значений слов;
- 3) актуализация служебных слов;
- 4) актуализация средств выразительности (в особенности метафор);
- 5) «остранение» — вывод слова, понятия, метафоры, идиомы за границы автоматизма восприятия;
- 6) остановка, удержание внимания читателя;
- 7) преодоление «клишированности» поэтического языка;
- 8) средство реализации иронии.

Анжамбеман практически неизбежно выводит слово за границы автоматического восприятия, то есть оказывается способом реализации остранения и, следовательно, остроумия. Вместе с тем, как нам кажется, в науке в меньшей степени описан именно иронический и — шире — комический потенциал анжамбеманов. На комическую окраску «внутри-слового анжамбемана» обращает внимание М. И. Шапир [Шапир 2000: 98]. О. Н. Жердева и Е. А. Савочкина, говоря о переводах А. А. Фетом стихотворений Г. Гейне, отмечают: «Ирония у Фета создается также за счет столкновения высокого стиля с ритмическими приемами, обычно передающими интонации живой разговорной речи» (для этого Фет использует анжамбеман, но при этом в оригинале Гейне переносы отсутствуют) [Жердева, Савочкина 2016: 62].

Развитие анжамбемана во второй половине XX в. исследователи связывают с именем И. А. Бродского, который, в свою очередь, наследует М. И. Цветаевой. М. Б. Крепс подчеркивает: «Бродский мог учиться у Цветаевой искусству точного соответствия ритма и настроения <...>, умению использовать возможность сложных синтактико-стилистических построений, виртуозности применения пауз и переносов, искренности и бескомпромиссности авторской точки зрения» [Крепс 2007: 24].

При этом эксперименты Бродского в области анжамбемана оказываются не менее — а в некоторых случаях и более — смелыми, чем у Цветаевой. М. И. Шапир замечает: «На протяжении 1960-х годов Бродский ставил все более смелые эксперименты по удлинению поэтической фразы и осваивал все более резкие межстрочные и межстрофные enjambement'ы: он отрывал то предлог от существительного, то отрицательную частицу от глагола, то союз от присоединяемого предложения, а в редких случаях делил слово между стихами или даже строфами («На смерть Т. С. Элиота», 1965; «Волосы за висок», 1967)» [Шапир 2009: 46].

Говоря об анжамбемане Бродского, стоит обратиться к эссе самого поэта «Об одном стихотворении», посвященному тексту М. И. Цветаевой «Новогоднее», которое, в свою очередь, написано на смерть Р. М. Рильке. Проводя анализ «разорванных» (то есть охватывающих сразу несколько строк) переносов Цветаевой, Бродский предлагает несколько замечаний об анжамбемане, которые в равной мере могут быть отнесены и к поэзии Бродского. Бродский считает анжамбеман «автографом» Цветаевой, «ее отпечатком пальцев», однако «возможно, именно из-за частоты употребления прием этот недостаточно ее удовлетворял и ей потребовалось “одушевить” его двойными скобками» [Бродский 1992: 414]. Также, полагает Бродский, «разорванный» анжамбеман помогает Цветаевой преодолеть «заурядность рифмы» [Бродский 1992: 414]. Цветаева, по словам Бродского,

«как бы борется с заведомой авторитетностью поэтической речи, все время старается освободить свой стих от котурнов» [Бродский 1992: 414]. «В поэзии подобием смерти является именно механистичность звучания», — считает Бродский. Нельзя не заметить, что анжамбеманы самого Бродского — это также преодоление «механистичности звучания», «заурядности рифмы». Их можно сравнить со сменой правил по ходу игры, движением против течения — то есть всяческой борьбой с собственной «поэтической смертью».

Сегодня уже не возникает сомнений, что анжамбеман — один из важнейших элементов стиля Бродского. Это подтверждается и статистически. По данным группы смоленских исследователей, средний уровень использования стихового переноса в разные эпохи и разных культурах — 16% от общего количества стихов, однако Бродский «почти вдвое превышает этот показатель» [Романова 2006: 83].

Е. Петрушанская сопоставляет анжамбеманы Бродского с джазовой синкопой: «Синкопа — смещение регулярных музыкальных акцентов с ожидаемых позиций <...> на слабые доли такта. Синкопа являет собой некое целомудренное избегание банальных, ожидаемых акцентов; она достигает эффекта естественно-непроизвольного, как бы импровизируемого высказывания. Так и анжамбеман <...> создает квазинарушения ритма, внутренние, на интонационном разломе, смысловые акценты...» [Петрушанская 2002: 259]. Анжамбеманы Бродского связаны с неожиданными поворотами мысли, появлением «смысловых курсивов», а также с преодолением ожидаемого лексического и смыслового «события».

Поскольку поэтической оптикой Бродского, способом поэтического «зрения» и способом преодоления заурядного являются скептицизм, рационализм, остроумие и ирония (в том числе самоирония), анжамбеман становится одним из наиболее продуктивных и частотных выразителей такого видения мира. Стихотворные переносы ставят слово в особое положение, а мысль на следующей строке может получать неожиданное продолжение, что во многих случаях рождает ироническую интонацию. Анжамбеман, который обманывает ожидание читателя и тем самым становится оператором иронии, мы будем называть «**ироническим**». При этом анжамбеман не всегда является самодостаточным средством реализации иронии и не всегда совпадает с иронией полностью. Анжамбеман в поэзии Бродского выступает в большей степени как усилитель иронии, которая реализуется с помощью разнообразных языковых компонентов. Таким образом, в границы «иронического анжамбемана» может входить весь комплекс средств, который способствует созданию иронической интонации: не только ритмико-синтаксические особенности текста, но

и особенности словоупотребления, переносные значения слов, метафоры и другие средства. Вместе с тем «иронический анжамбеман» помогает создать смысловую развилку и становится точкой ранее непредсказуемого развития мысли.

Одним из первых о семантической роли анжамбемана у Бродского за-явил М. Б. Крепс. Он анализирует следующие строки:

Шиповник каждую весну
пытается припомнить точно
свой прежний вид:
свою окраску, кривизну
изогнутых ветвей — и то, что
их там кривит.

(И. А. Бродский. «Шиповник в апреле», 1970
[Бродский 2019, I: 335]).

М. Б. Крепс считает, что «...анжамбеман в пятой строке выполняет не только ритмико-синтаксическую, но и семантическую роль, как бы подчеркивая кривизну, о которой говорится, а составная рифма создает почти физическое ощущение неудобства от присутствия какого-то постороннего, мешающего прямо расти объекта» [Крепс 2007: 28]. Заметим также, что указательное наречие «там», по всей видимости, выступает не как обстоятельство места, а как частица, маркирующая небрежную, разговорную интонацию (в предыдущих строках нет никаких предпосылок для появления обстоятельства места, и предпосылок для появления разговорной частицы — также никаких). Следовательно, можно говорить о проявлении в последней строке иронической интонации, которая создается благодаря анжамбеману и внезапно появившейся в его границах разговорной частице.

Одним из условий возникновения иронического высказывания в поэзии Бродского часто оказывается рационализм, попытка интеллектуального постижения реальности. При этом ироническая модальность у Бродского «проникает» на разные уровни художественного мира произведения. Так, объектами рационализирующего мир иронического комментария, который создается в том числе с помощью «иронического» анжамбемана, у Бродского становятся, например:

- 1) лирическое сознание («В эту зиму с ума / я опять не сошел» [Бродский 2019, I: 204]);
- 2) адресат («Теперь и вам продвинуться по службе / мешает Бахус, но никто другой» [Бродский 2019, I: 208]);

- 3) «третьи лица», другие герои лирического сюжета («Взять Шиллера: Истории влетело / от Шиллера...» [Бродский 2019, I: 405]);
- 4) время и пространство («Шел новый год. Поддельная хвоя / свисала с пальм. Вдоль столиков кружился...» [Бродский 2019, I: 197]);
- 5) язык, осмысление языковых процессов («По-русски Исаак теряет звук. / Ни тень, его ни дух (стрела в излете) / не ропщут против буквы вместе двух...» [Бродский 2019, I: 135]);
- 6) стихи, стихосложение, процесс создания стиха («Генерал! Я взял вас для рифмы к слову / «умирал» — что было со мною, но...» [Бродский 2019, I: 407]);
- 7) общество, политическая обстановка («Не Конкуренции, но Союзу / принадлежит прекрасное завтра» [Бродский 2019, I: 287]);
- 8) исторические события («У Корбюзье то общее с Люфтваффе, / что оба потрудились от души / над переменной облика Европы» [Бродский 2019, II: 24]);
- 9) религия («Ибо от всякой веры / остаются, как правило, только мощи» [Бродский 2019, I: 236]);
- 10) сентенции («Вот так по старой памяти собаки / На прежнем месте задирают лапу» [Бродский 2019, I: 231]) и др.

На границе анжамбемана у Бродского часто происходит «встреча» неожиданных и даже изначально далеких друг от друга понятий, парадоксальные соединения, преодоление ожидаемого, остающееся в рамках рациональной картины мира. Этот прием можно соотнести с эмоционально-ценностным отношением Бродского к миру; позицией внимательного наблюдателя реальности и выражением подлинного отношения Бродского к ней; отказом от ее иллюзорного восприятия и попыткой рационального осмысления мира в его целостности.

Анжамбеман подчеркивает еще одну особенность поэзии Бродского — афористичность (или «сентетичность»). При этом «иронический анжамбеман» может намекать нам на то, что говорящему не стоит верить — даже если такой перенос является частью сентенции:

В церковный садик въехал экскаватор
с подвешенной к стреле чугунной гирей.
И стены стали тихо поддаваться.
Смешно не поддаваться, если ты
стена, а пред тобою — разрушитель.

(И. А. Бродский. «Остановка в пустыне», 1966
[Бродский 2019, I: 231]).

В границах анжамбемана здесь совершается переход от одушевленности («ты») к неодушевленности («стена»), тем самым расширяется спектр значений местоимения. Но происходит скорее не олицетворение стены, а овеществление адресата: сентенция намекает не столько на «закон жизни» стены, сколько на закономерность человеческой жизни. «Смешно не поддаваться, если ты стена, а пред тобою — разрушитель» — прямое значение этой сентенции может заключаться в идее покорности и смирения, но, как мы понимаем, это не соответствует идеологии самого Бродского и его лирического героя. В. И. Тюпа замечает, что «ироническая художественность, проникнутая духом релятивизма и скепсиса, коренным образом внеавторитарна» [Тюпа 1987: 142]. Ирония у Бродского — регулярный маркер внеавторитарного мышления, и анжамбеман, отчасти стирающий, разрушающий или «скрывающий» внутристриховые границы, только подчеркивает эту антиавторитарность.

Также через анжамбеман, в том числе «иронический», проявляется «фотографичность» поэзии Бродского — черта, тонко подмеченная Е. Твердисловой [Твердислова 2021: 9]. При этом анжамбеман часто находит на границе темы и ремы, с него как бы начинается «новый кадр». Ироническую нагрузку зачастую берет на себя именно рема:

Теперь так мало греков в Ленинграде,
что мы сломали Греческую церковь,
дабы построить на свободном месте
концертный зал. В такой архитектуре...

(«Остановка в пустыне», 1966
[Бродский 2019, I: 230]).

Младенцы визжат, чтобы привлечь внимание
аиста. Старики прячут голову под крыло...

(И. А. Бродский. «Робинзонада», 1994
[Бродский 2019, II: 266]).

«Греческая церковь» и «концертный зал» оказываются контекстными антонимами, и анжамбеман усиливает их смысловую полярность. «Младенцы визжат, чтобы привлечь внимание...» — здесь в силу логики «ожидаемым» продолжением строки было бы «привлечь внимание родителей» или «внимание взрослых» (в НКРЯ находим 20 примеров словосочетания «внимание родителей», 10 примеров — «внимание взрослых» и ни одного «внимания аиста») [Национальный корпус русского языка, по состоянию

на 28.01.2024]. Синтаксический перенос способствует тому, чтобы читатель «задержался» в своем ожидании «нужного» слова, а затем обманулся в этом ожидании. Так, «обманутое ожидание» — несовпадение ожидания и результата — оказывается одним из ключевых условий существования иронического высказывания.

Одним из способов реализации иронического потенциала анжамбемана можно назвать использование в его границах вставной конструкции, которая, как и анжамбеман, усиливает выразительность, поскольку также относится к экспрессивному синтаксису. М. Н. Кулаковский пишет, что вставные конструкции в поэзии Бродского «характеризуются достаточно функциональным разнообразием», в том числе актуализируют авторскую иронию [Кулаковский 2018: 116]:

...с призывом Императора убрать
(на следующей строчке) с медных денег.

(И. А. Бродский. «Post aetatem nostrum», 1970
[Бродский 2019, I: 348]).

Благодаря вставным конструкциям в границах «иронического» анжамбемана у Бродского может рождаться сказовая (если не «гоголевская») интонация, создающая впечатление «небрежной болтовни» рассказчика:

Одна ворона (их была гурьба,
но вечер их в ольшанник перепрыгал)
облюбовала маковку столба,
другая — белоснежный изолятор.

(И. А. Бродский. «Развивая Крылова», 1964
[Бродский 2019, I: 164]).

В терминологии С. А. Матяш, здесь использован «затяжной» перенос, то есть «увеличенная (до трех и более строк) структура» или «разросшийся словный интервал между синтаксически связанными, но разорванными концом строки словами» [Матяш 2022: 671]. Здесь вставной конструкцией разорваны подлежащее и сказуемое («одна ворона... облюбовала»). При этом вставная конструкция приобретает ироническое звучание, становясь антитетичной по отношению к началу текста и цитируемой басне Крылова «Ворона и лисица». «Затяжной перенос» через вставную конструкцию вводит избыточность детализации, которая рождает комический эффект. Для читателя, знакомого с текстом Крылова, появление

в границах вставной конструкции «гурьбы ворон» определенно становится неожиданностью. Как и большинство иронических приемов, «иронический анжамбеман» Бродского рассчитан на интеллектуально подготовленного читателя (в современных исследованиях иронии не случайно отмечается, что для порождения и понимания иронии требуется «привлечение сложных когнитивных механизмов» [Шилихина 2014: 7]).

Анжамбеман предполагает одновременно завершенность и незавершенность поэтической мысли. Как мы уже отметили, этот прием позволяет Бродскому «останавливать мгновение», задерживать внимание на объекте, порой неожиданном. Дж. Смит замечает: «...предсказуемость силлаботоники на уровне структуры строфы и строки сопровождается заметной предсказуемостью на уровне синтаксиса, притом возникает значительная доля тавтологии (или “балласта”) в процессе наполнения нужным числом слогов» [Смит 2002: 96]. Как отмечает Дж. Смит, во многих произведениях Бродского, написанных после 1972 г., «не остается ни равносложности, ни равноударности; вдобавок довольно часто отсутствует обязательное ударение в рифме, тем самым раскрепощая окончание строки. Значительно снижена поэтому доля предсказуемости; разъединение синтаксических единиц от метрических еще усиливает эту непредсказуемость» [Смит 2002: 96]. Добавим к этому, что чем больше непредсказуема «упакованная» в анжамбеман мысль, тем больше она кажется ироничной или даже саркастичной:

<...> навсегда умолк,
и ребенок считает, что серый волк
страшней, чем пехотный полк.

(И. А. Бродский. «Fin de siècle», 1989
[Бродский 2019, II: 162]).

«В каждом из нас сидит крестьянин, специалист
по прогнозам погоды. Как то: осенний лист,
падая вниз лицом, сулит недород...»

(И. А. Бродский. «Примечания папоротника», 1989
[Бродский 2019, II: 168]).

В противном случае, нравственные законы
пахнут отцовским ремнем или же переводом...

(И. А. Бродский. «Выступление в Сорбонне», 1989
[Бродский 2019, II: 273]).

Можно говорить и о том, что генитивная метафора в границах анжамбемана также становится еще одним средством реализации иронического потенциала этого приема.

О, сжавшаяся до размеров клетки
мозга комната с абажуром...

(И. А. Бродский. «Элегия», 1988
[Бродский 2019, II: 159]).

Анжамбеманы — настолько узнаваемая черта поэзии Иосифа Бродского, что они сами становятся объектом для иронии и пародии у других авторов — например, у Кибирова в «Двадцати сонетах к Саше Запоевой»:

Чтоб как-то структурировать любовь,
избрал я форму строгую сонета.
Катрена два и следом два терцета.
абба. Поэтому морковь

я тру тебе опять. Не прекословь!..

(Т. Кибиров. «Двадцать сонетов
к Саше Запоевой», 1995 [Кибиров 2010: 116]).

В анонимной «сетевой» поэзии (называемой «порошками») встречаем:

нифниф нуфнуф нафнаф и бродский
уже давным давно на ты
и вместе не выходят из ком
наты [Поэторий].

Здесь пародируется внутрисловный анжамбеман вместе с одной из самых известных строчек стихотворения Бродского «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...».

А в юмористической инструкции «Как писать под Бродского» поэт и критик Л. В. Оборин, давая шуточные рекомендации «начинающим стихотворцам», пишет: «Пункт 11. Не забывайте про анжамбеманы. То есть переносы фразы из одной строки в другую, желательно в самых неподходящих синтаксически местах. Например,

разбивайте строки после предлога или
союза, который особенно полюбили» [Оборин].

Итак, И. А. Бродский «научился удерживать внимание читателя <...> на любых словах, которые ему важны, помещая их в позицию переноса» [Павлова, Саенко 2018: 398]. Стремясь к рациональности, борясь с заурядностью текста (и мышления), Бродский зачастую уходит от серьезности поэтической формулы. С помощью анжамбемана Бродский разрушает ожидание, связанное с клише, очевидностью и тем самым делает высказывание содержательно неустойчивым, зачастую — парадоксальным. «Иронический анжамбеман» становится «телескопом и микроскопом» Бродского и, полагаем, заслуживает детального изучения.

Дальнейшее исследование «иронического анжамбемана» может включать в себя более четкое определение его границ, решение вопроса о синтаксической и лексической маркированности «иронического анжамбемана»; изучение массива анжамбеманов Бродского (анализ хронологического и тематического распределения анжамбеманов, соотношенность анжамбемана с общим смыслом лирического высказывания), а также изучение анжамбемана как приема иронического высказывания на примере текстов других авторов.

Литература

- Бродский И. А.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста, примеч. Л. Лосева. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2019. 736 с.
- Жердева О. Н., Савочкина Е. А.* Фет — переводчик Гейне: средства передачи иронии // *Филология и человек*. 2016. № 4. С. 50–66. [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/view/275> (дата обращения: 06.01.2024).
- Жирмунский В. М.* Теория стиха. Ленинград: Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1975. 664 с.
- Гаспаров М. Л.* Перенос // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: НП К «Интелвак», 2001. 1600 стб.
- Кибиров Т. Ю.* Внеклассное чтение. Избранные стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 2010. 192 с.
- Кьеркегор С.* О понятии иронии / пер. с дат. А. Косьюковой, С. Косьюкова // *Логос*. 1993. № 4. С. 176–198. [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/pdf/logos_1993_4.pdf (дата обращения: 23.12.2023).
- Кулаковский М. Н.* Функции вставных конструкций в лирике И. А. Бродского // *Верхневолжский филологический вестник*. 2018. № 1. С. 115–119.
- Кожевников В. М., Николаев П. А.* (ред.). *Литературный энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
- Матяш С. А.* «Затяжные» переносы в поэзии М. Цветаевой и И. Бродского // И. А. Бродский: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2022. С. 671–678.

- Национальный корпус русского языка. 2003–2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 28.01.2024).
- Оборин Л. В. Как писать под Бродского. Инструкция для начинающих стихотворцев [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/838> (дата обращения: 09.01.2024).
- Павлова А., Саенко Е. Искусство поэзии требует сил: Чтение анжамбеманов в поэзии Иосифа Бродского // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2018. Вып. 29. С. 387–398.
- Петрушанская Е. Джаз и джазовая поэтика у Бродского // Как работает стихотворение Бродского. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 259.
- Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 106 с. Позторий [Электронный ресурс]. URL: <https://poetry.ru/73325> (дата обращения: 09.01.2024).
- Романова И. В. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса И. Бродского // Вестник ОГУ. 2006. № 11. С. 81–87.
- Рымарь Н. Т. Ирония и мимезис: к проблеме художественного языка XX века // Ирония и пародия: Межвузовский сборник научных статей. Самара: Самарский университет, 2004. С. 4–17.
- Степанов А. Г. О семантике переноса: замечания к проблеме [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica1.narod.ru/sbornik/stepanov.htm#vozvrat3> (дата обращения: 04.01.2024).
- Степанов А. Г. Перенос // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. С. 162–163.
- Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. М.: РИПОЛ классик, 2022. 190 с.
- Тюпа В. И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. 224 с.
- Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты / Дис. ... д-ра филол. наук: Воронеж, 2014. 399 с.
- Шапир М. И. *Metrum et rhythmus sub specie semioticae* // Шапир М. И. *Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX вв.* М.: Языки рус. культуры, 2000. 98 с.
- Шапир М. И. Статьи о Пушкине / Сост. Т. М. Левина; Изд. подгот. К. А. Головастиков, Т. М. Левина, И. А. Пильщиков; Под общ. ред. И. А. Пильщикова. М.: Языки славянских культур, 2009. 400 с.

References

- Brodsky I. A. *Stikhotvoreniya i poemu* [Poems]: in 2 vols. Vol. 1. Ed. by L. Losev. Saint-Petersburg, Publ. Group Lenizdat, Knizhnaya Laboratoriya Publ., 2019. 736 p.
- Gasparov M. L. [Enjambement]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatij*. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow, NPK "Intelvak" Publ., 2001. 1600 clmn.

- Kibirov T. Y. *Vneklassnoye chteniye. Izbrannyye stikhotvoreniya* [Extracurricular reading. Selected poems]. St. Petersburg, Pushkinskii Fund Publ., 2010. 192 p.
- Kierkegaard S. *O ponyatii ironii* [On the Concept of Irony with Continual Reference to Socrates]. *Logos*, 1993, no. 4, pp. 176–198. (In Russ.) Available at: http://imwerden.de/pdf/logos_1993_4.pdf (accessed: 23.12.2023).
- Kulakovskiy M. N. [Functions of Parentheses in I. A. Brodsky's Lyrics]. *Verkhnevolskii filologicheskii vestnik*, 2018, no. 1, pp. 115–119. (In Russ.)
- Kozhevnikov V. M., Nikolaev P. A. (eds.). *Literaturnyi ehntsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Ehntsiklopediya Publ., 1987. 752 p.
- Matyash S. A. "Zatyazhnyye" perenosy v poezii M. Tsvetaevoi i I. Brodskogo ["Prolonged" enjambements in the poetry of M. Tsvetaeva and I. Brodsky]. *I. A. Brodskiy: pro et contra, antologiya*. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2022, pp. 671–678. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. 2003–2023. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 28.01.2024).
- Oborin L. V. *Kak pisat' pod Brodskogo. Instruksiya dlya nachinayushchikh stikhotvortsev* [How to write like Brodsky. Instructions for beginning poets]. Available at: <https://arzas.academy/materials/838> (accessed: 09.01.2024).
- Pavlova A., Sayenko E. [The art of poetry requires strength: Reading enjambements in the poetry of Joseph Brodsky]. *Russkaya filologiya: Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian Philology: A collection of scientific papers by young philologists]. Tartu, 2018, no. 29, pp. 387–398. (In Russ.)
- Petrushanskaya E. [Jazz and jazz poetics in Brodsky's poems]. *Kak rabotaet stikhotvoreniye Brodskogo: Sbornik statei* [How Brodsky's poem works. Collection of articles]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 2002, p. 259. (In Russ.)
- Pivoev V. M. *Ironiya kak fenomen kultury*. [Irony as a cultural phenomenon] Petrozavodsk, Publ. House of the PetrSU, 2000. 106 p.
- Poetorii* [Poetoriy]. Available at: <https://poetory.ru/73325> (accessed: 09.01.2024).
- Romanova I. V. *O nekotorykh osobennostyakh poeticheskogo sintaksisa I. Brodskogo* [About some features of the poetic syntax of I. Brodsky]. *Vestnik OGU*, no. 11, 2006, pp. 81–87. (In Russ.)
- Rymar' N. T. [Irony and mimesis: on the problem of the artistic language of the XX century]. *Ironiya i parodiya: Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh statei* [Irony and parody: An Inter-university collection of scientific articles]. Samara, Samara Univ. Publ., 2004, pp. 4–17. (In Russ.)
- Stepanov A. G. *O semantike perenosy: zamechaniya k probleme* [On the semantics of enjambement: comments on the problem]. Available at: <https://poetica1.narod.ru/sbornik/stepanov.htm#vozvrat3> (accessed: 04.01.2024).
- Stepanov A. G. *Perenos* [Enjambement]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii*. Moscow, Kulagina Publ. House, Intrada Publ., 2008, pp. 162–163. (In Russ.)
- Tynyanov Yu. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of poetic language]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2022. 190 p.

- Турапа В. И. *Khudozhestvennost' literaturnogo proizvedeniya. Voprosy tipologii*. [The artistry of a literary work. Typology issues] Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Univ. Publ. House, 1987. 224 p.
- Shilikhina K. M. *Diskursivnaya praktika ironii: kognitivnyi, semanticheskii i pragmaticeskii aspekty*. [Discursive practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects. Dr. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2014. 399 p.
- Shapir M. I. *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2009. 400 p.
- Shapir M. I. [Metrum er rhythmus sub specie semioticae]. Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk – stikh – smysl v russkoy poezii XVIII–XX vv.* [Language – verse – meaning in Russian poetry of the 18th – 20th centuries]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2000. 98 p.
- Zherdeva O. N., Savochkina E. A. [Translator of Heine: Means of Conveying Irony]. *Filologiya i chelovek*, 2016, no. 4, pp. 50–66. Available at: <http://journal.asu.ru/pm/issue/view/275> (accessed: 06.01.2024).
- Zhirmunskii V. M. *Teoriya stikha* [Theory of verse]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1975. 664 p.

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *М. А. Пузина*

Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*

Корректор *Н. Н. Занегина*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

редакция журнала «Русская речь»,

тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано к печати .

Дата выхода в свет .

Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.

Зак. /

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр.-кт, д. 14

20 экземпляров распространяются бесплатно

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+